

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 4 | № 4
Volume 4 | 2018

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULTS.
THEORETICAL AND APPLIED
LINGUISTICS

Сайт журнала:
rllinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Том 4, № 4. 2018
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 4, № 4. 2018
ONLINE SCHOLARLY PEER-
REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Эри Ю.С.**, г. Белгород, Россия

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Порхомовский В.Я., кандидат филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Сотии Антиполис, г. Ницца, Франция

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Опольский университет, г. Ополье, Польша

Чекулай И.В., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Шарифиан Ф., доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Yulia S. Earey, Belgorod, Russia**

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amatov, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Baghana Jerome, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia

Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Josiane Rieu, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Nataliya I. Panasenکو, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Victor Ya. Porkhomovskiy, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volograd State National Research University", Volgograd, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКАLINGUISTICS
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Аникина Т. В. Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках	3	Tatiana V. Anikina Derivational structure of phytonymic lexicon in the English and Russian languages	3
Багана Ж., Порхомовский В. Я. On interdisciplinary studies of language contacts and contact-induced changes	14	Jerome Baghana, Victor Ya. Porkhomovskiy On interdisciplinary studies of language contacts and contact-induced changes	14
Доброрадных Т. А. Когнитивно-дискурсивный аспект реализации полифункциональных единиц в СМИ (на материале герундия)	20	Tatiana A. Dobroradnykh The cognitive discursive aspect of realization of polyfunctional linguistic units in the mass media (on the material of the gerund)	20
Зубарева Е. О. Концепт «мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента)	29	Ekaterina O. Zubareva Concept "MIGRANT" in migration discourse (on the material of a free associative experiment)	29
Исаева М. Г., Моисеенко А. В. Параметры эколингвистического анализа иноязычных единиц в региональных глянцевах журналов	42	Maria G. Isaeva, Anna V. Moiseenko Parameters of the ecolinguistic analysis of foreign lexemes in regional glossy magazines	42
Клоков В. Т., Блажевич Ю. С. Возникновение гибридных кодов как результат языкового взаимодействия в Камеруне	50	Vasilij T. Klokov, Yuliya S. Blazhevich Emergence of hybrid linguistic codes as a result of linguistic interaction in Cameroon	50
Прохорова О. Н., Чекулай И. В., Громинова А. Комбинаторные особенности адъективных лексем в современном пространстве языка	63	Olga N. Prokhorova, Igor V. Chekulai, Andrea Grominova Combinability peculiarities of adjectival lexemes in modern language space	63
Максаев А. А., Смирнова С. Б. Вопросы социальной адаптации иммигрантов в британском обществе с лингвистической точки зрения	74	Arthur A. Maksaeв, Stanislava B. Smirnova Questions associated with the social adaptation of immigrants in the British society from a linguistic point of view	74
Юйфэн Н. Фразеологизмы китайского языка, характеризующие события в жизни человека и его деятельность	81	Niu YuFeng Phraseological units of the Chinese language, characterizing events in human life and activities	81

РАЗДЕЛ II.
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕSECTION II.
COMPARATIVE LINGUISTICS

Морева А. В., Грекова О. М. Особенности и трудности перевода эвфемизмов (на материале новостных статей BBC)	90	Anastasija V. Moreva, Olga M. Grekova Peculiarities and difficulties of translating euphemisms (based on the BBC news articles)	90
Паутова С. М. Взаимосвязь структуры кодовых переключений с их прагматическими функциями в современных русскоязычных произведениях	103	Svetlana M. Pautova Interdependence between structure and pragmatics of code-switching in modern Russian novels	103

РАЗДЕЛ III.
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯSECTION III.
LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS
OF THE WORLD

Ibrahima Dieme A decentred reading of Zadie Smith's <i>Swing Time</i> : Voices of cross-cultural belonging	110	Ibrahima Dieme A decentred reading of Zadie Smith's <i>Swing Time</i> : Voices of cross-cultural belonging	110
Маркова Е. И., Лаврентьев А. М. Кодикологическое исследование средневековой рукописи "Régime de santé" Гвидо Парато	122	Elena I. Markova, Alexei M. Lavrentiev Codicological study of the medieval manuscript "Régime de santé" by Guido Parato	122
Sana' Mahmoud Jarrar Uncovering true Islam in Umm Zakiyyah's trilogy <i>If I Should Speak</i>	130	Sana' Mahmoud Jarrar Uncovering true Islam in Umm Zakiyyah's trilogy <i>If I Should Speak</i>	130

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1

Аникина Т. В.

Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт,
филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета
(г. Екатеринбург)
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, 622031, Россия
E-mail: anikishna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2020-3054

*Статья поступила 15 ноября 2018 г.; Принята 5 декабря 2018 г.;
Опубликована 31 декабря 2018 г.*

Аннотация. Мир растений представляет собой важный фрагмент языковой картины мира. Фитонимическая лексика отражает хозяйственную и культурную деятельность народа, систему ценностей национально-лингвокультурного сообщества, его миропредставление и миропонимание. В рамках доминирующей в последние десятилетия антропоцентрической парадигмы в языкознании настоящая статья, посвященная изучению фитонимического пространства английского и русского языков в сопоставительном аспекте, является актуальной. Однако на сегодняшний день мы не можем сказать, что фитонимика, представляющая собой интересный материал для исследований, изучена в полной мере. Цель данной статьи состоит в выявлении и описании структурно-деривационных закономерностей номинации фитонимической лексики английского и русского языков. В данной статье описаны и проанализированы основные способы образования фитонимов в языках (словосложение, суффиксация, заимствования), а также проведена классификация лексем по выделенным группам. Исследование закономерностей словообразовательных процессов, действующих в фитонимической лексике сопоставляемых языков, позволило выявить сходства и различия в номинации обозначенной лексики. Полученные результаты исследования могут использоваться при изучении лексикологии, лингвокультурологии, ономастики, а также при составлении терминологических словарей.

Ключевые слова: фитоним; фитонимика; сопоставительный аспект; заимствования; словосложение; суффиксация; языковая картина мира.

Информация для цитирования: Аникина Т. В. Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 3-13. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1

Tatiana V. Anikina

Derivational structure of phytonymic lexicon in the English and Russian languages

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute, Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg)
57 Krasnogvardeiskaya St., Nizhny Tagil, 622031, Russia
E-mail: anikishna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2020-3054

Received 15 November 2018; Accepted 5 December 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The plant world is an important fragment of a linguistic worldview. Phytonymical lexicon reflects the economic and cultural activities of the people, the value system of the national-linguistic and cultural community, its world view and world perception. The article is devoted to the study of phytonyms of the English and Russian languages in the comparative aspect, thus it is of current interest under the present anthropocentric paradigm in linguistics. However, we can't say that phytonymics is well studied. The aim of this article is to identify and describe the structural and derivational patterns in the nomination of the phytonymic lexicon of the English and Russian languages. The author analyzes and describes the main ways of forming phytonyms (composition, suffixation, borrowing), and provides a classification by the selected groups. The study made it possible to discover some similarities and differences in the derivational organization of phytonymical lexicon in both languages. The results of the study may be used in the study of lexicology, cultural linguistics, onomastics, as well as in the compilation of terminological dictionaries.

Key words: phytonym; phytonymics; comparative aspect; borrowings; composition; suffixation; linguistic worldview.

Information for citation: Anikina, T. V. (2018), "Derivational structure of phytonymic lexicon in the English and Russian languages", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 3-13, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1

Введение. В соответствии с антропоцентризмом современной науки лингвистические исследования последних десятилетий осуществляются в тесной связи с человеком, его сознанием и мышлением, большое внимание уделяется изучению языковой картины мира, которая представляет собой совокупность зафиксированных в языке представлений народа об окружающей действительности на определенном этапе его развития. Язык, с одной стороны, формируя эту картину, одновременно с этим выражает и объясняет другие картины мира человека, которые посредством специальной

лексики, входя в язык, привносят в него черты человека, его культуры.

Особый интерес с этой точки зрения вызывает фитонимическая лексика, поскольку в номинации природных объектов, фиксирующих жизненный опыт человека, систему ценностей народа, процесс познания и освоения мира флоры, проявляются специфические черты национального менталитета.

С древнейших времен человек ощущал себя частью природы, на начальных этапах своего развития находился в полной зависимости от существования флоры, которая задавала внешние условия его бытия. Можно смело

утверждать, что и на данный момент природа, в частности растения, мыслится как значимая для человека сфера (Василенко, 2007: 46). Наши предки ценили и уважали природу: считалось, что нарушая первозданность флоры (выкорчевывая деревья, срывая растения), мы должны вымолить прощение у матушки-природы (Васильченко, 2002: 165). Взаимодействуя с природой, человек давал растениям наименования, во внутренней форме которых фиксируются представления о растениях, отражаются важные для опознания объекта признаки (Коновалова, 2000: 4). Эти наименования во всей своей совокупности, в свою очередь, формируют особую лексико-семантическую группу – фитонимическую лексику, которая, по утверждению Н. И. Коноваловой, выполняет не только номинативную, но и прагматическую, оценочную, экспрессивную и прочие функции (Коновалова, 2001: 57). Данная семантическая общность лексем заслуживает пристального внимания, т. к. по мнению З. И. Комаровой и Г. В. Хасаншиной, она является одним из древнейших пластов лексики (Комарова, Хасаншина, 2004: 29). Фитонимическая лексика отражает опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы, включает в себе этнокультурную информацию, отражающую народное восприятие растительных реалий.

Теоретический обзор. Перед тем, как перейти к анализу отобранной нами фитонимической лексики, следует уделить внимание теоретическому аспекту ее изучения (дать определения понятий «фитоним», «фитонимическая лексика», «фитонимика»), а также проанализировать опыт исследования фитонимических единиц на современном этапе.

Термин «фитоним» явился неологизмом 70-х годов XX века (Шанский, 2002: 343), именно с этого периода данное понятие начало активно

использоваться в лингвистике. По мнению Ю. А. Дьяченко, в науке оформилось как узкое, так и широкое толкование обозначенного термина (Дьяченко, 2010: 11–12). Так, в работе А. В. Суперанской «фитоним» используется в качестве собственного индивидуального названия отдельного растения, а «фитонимика» (у автора – «фитонимия») рассматривается как часть ономастики – науки, изучающей собственные имена (Суперанская, 1973: 173– 189). В качестве примера автор приводит такие фитонимы, как *Дуб Чародеев*, *Царский дуб*, *Дерево Плача*. Стоит отметить, что уже в этой работе отмечается то, что слова, номинирующие растения, фиксируют процесс познания человека, отражают его картину мира. Автор указывает на то, что объекты растительного мира следует выделять в самостоятельную область исследования, так как они тесно связаны с традициями и верованиями различных эпох (Суперанская, 1973: 186).

В том же объеме рассматривает понятие «фитоним» Н. В. Подольская: «фитоним – собственное имя любого растения (*Маврический дуб*, *Дерево бедных*, *Мертвое дерево*)» (Подольская, 1978: 158). В результате активного употребления термина «фитоним» в 1990-х годах он был закреплен в этимологических словарях и представлен как «искон. сложение греч. *phyton* «растение» и оупта «имя, название», «название растения».

В научной литературе термины «фитоним», «фитонимика», несмотря на их активное использование, не получили однозначного общепринятого толкования. В нашей работе под термином «фитонимика» мы понимаем совокупность названий реалий растительного мира, а под термином «фитоним» – отдельное наименование дерева, травы, кустарника, цветка, ягоды и т. д.

Первый масштабный опыт систематизации фитонимов был осуществлен Н. И. Анненковым, так в ботаническом словаре под его редакцией

встречаются комментарии причин возникновения фитонимов. Например, происхождение диалектного названия «Христово копьё» русский ученый объясняет формой листьев с разрезными долями, словно истыканного копьем, «которым жиды кололи Христа», а «бодяга» названа так потому, что «подобно бодяге, употребляется на румяны» (Ботанический словарь ... , 1878: 7, 232).

Начало изучения фитонимической лексики связано с именем Ф. И. Буслаева, который во главу угла ставил культурологический аспект изучения. Так, он утверждал, что «...сама номенклатура народной ботаники ведет нас в период мифологический» (Буслаев, 2011: 17), обозначив связь между наименованиями растительного мира и духовной культурой народа. Исследование в том же аспекте было продолжено в работе М. Забылина «Народный цветник», в которой ученый подробно рассматривает отражение номинаций растений в русском фольклоре (поверьях, заговорах и оберегах, обрядах, обычаях). Так, если окурить ружье *травой колюкой*, то ни одна птица не ускользнет от выстрела, а если положить в брюхо убитой змеи три *вошебных горошины*, зарыть в землю и затем, когда вырастет цветок, срезать его в полночь и съесть, то можно обрести сверхспособность – читать мысли других (Забылин, 2014: 477-478, 480).

В. А. Меркулова исследует фитонимы (в частности дикорастущие съедобные травы, грибы и ягоды) в этимологическом аспекте, т. е. с позиций словообразовательной структуры, семантической мотивированности, закономерностей смысловых и формальных связей, объясняющих происхождение слова (Меркулова, 1967: 5). Автор подчёркивает, что один и тот же фитоним может иметь разные обозначаемые предметы, в чем проявляется особенность народных названий растений, которые не обладают признаком однозначности как в

лингвистическом, так и в лингвогеографическом плане.

В. В. Копчева, исследуя фитонимы в мотивационном аспекте в своей работе «Соотношение искусственной и естественной номинации (На материале названий растений)», выделяет объективные и условные признаки мотивации, при этом первые подразделяет на собственно объективные (форма, цвет, размер, общий вид растения, запах, вкус) и относительные (локативный признак, время активности растения, его воздействие на человека и животных) (Копчева, 1985).

В номинативном аспекте с аксиологических позиций дан анализ фитонимов (а также лексики, номинирующей животный мир) в работе Т. И. Вендиной «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)». Нельзя не согласиться с исследователем, что изучение фактов словообразования в данном освещении позволяет проникнуть в глубинную систему ценностей того или иного народа, осмыслить значимость называемых реалий для носителей языка, дает ключ к пониманию этнической психологии того или иного народа (Вендина, 1998: 9–10).

Интересным явлением среди научных работ по фитонимии предстают так называемые «фитопортреты», или этноботанические заметки, посвященные анализу одного растительного образа, осуществленному в рамках лингвокультурологии. К примеру, В. Б. Колосова рассматривает место фитонима «*полынь*» в традиционной культуре славян и отмечает, что, несмотря на свои полезные свойства (растение использовалось славянами как отгонное и лекарственное средство), *полынь* противопоставляется фитонимам с положительной символикой (роза, базилик) (Колосова, 2004: 28).

Такое активное исследование фитонимики с точки зрения различных аспектов свидетельствует о значимости

фитонимической лексики как одной из первых древнейших лексических микросистем.

Из названий научных работ, посвященных исследованию растений, следует вывод, что они различаются не только аспектом изучения фитонимической лексики, но и географическим охватом отобранной фитонимов. К примеру, Н. И. Коновалова («Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира», «Словарь народных названий растений Урала»), проводит анализ принципов номинации растений на материале среднеуральских говоров. Подчеркнем, что в упомянутых трудах Н. И. Коноваловой делает акцент на культурной коннотации в семантике фитонимических единиц, отражающих связь с историей русского народа, его культурой и мировоззренческой системой.

Обзор работ по данному вопросу показал, что большая часть исследователей выбирают в качестве объекта фитонимы разноструктурных языков: так, Н. Ш. Ягумова, анализируя фитонимы и отфитонимические топонимы английского и адыгейского языков, дает им культурно-национальную интерпретацию (Ягумова, 2008); Ю. Н. Исаев объектом исследования выбирает фитонимы, функционирующие в лексической системе алтайских, финно-угорских, индоевропейских и кавказских языков, и посредством сопоставительного и типологического анализа определяет сходства и различия, проявляющиеся в картине мира (Исаев, 2015). Сопоставительное направление в изучении фитонимической лексики становится одним из наиболее перспективных на данном этапе развития языкознания, позволяющих выявить национальные специфические черты языковой картины мира народа. В этом аспекте мы согласны с точкой зрения многих исследователей, которые считают, что фитонимическая лексика представляет собой богатый источник информации о мировоззрении народа.

Но, несмотря на весь широкий перечень отечественных работ по исследованию, многоаспектному анализу фитонимической лексики, мы не можем утверждать, что фитонимика (особенно – английского языка) достаточно описана. В этом контексте мы полностью разделяем мнение В. Б. Колосовой, что «если наименования деревьев и кустарников проанализированы достаточно хорошо, то травянистые растения – несколько меньше» (Этноботаника: растения в языке и культуре, 2010: 18).

Результаты исследования.

Иллюстративной базой исследования стала выборка в количестве 385 слов (192 английских фитонима и 193 русских фитонима), составленная на основе специальных ботанических словарей и справочников садоводов: Ботанико-фармакогностический словарь; Ботанический словарь Н. И. Анненкова; Иллюстрированная энциклопедия растений Ф. А. Новака; Русско-английско-немецко-французско-латинский ботанический словарь; Сад, цветы (краткий справочник) К. М. Васильевой; Словарь народных названий растений Урала Н. И. Коноваловой.

При словообразовательном анализе фитонимической лексики, собранной методом сплошной выборки, все фитонимы, учитывая их структурные особенности, были разделены на две группы: однословные (простые и сложные) и составные наименования. К группе однословных номинаций нами были отнесены фитонимы, образованные путем заимствования и словообразования, к группе составных наименований – фитонимы, состоящие из двух и более лексических компонентов.

В английском языке однословные фитонимы составляют 58,3% лексем, из которых простыми являются 17,1%, сложными – 41,2%.

Корпус простых английских производных фитонимов представлен заимствованиями и следующими типами

словообразования: аффиксальное словопроизводство (а именно суффиксация), субстантивация и сокращение. В простых фитонимах, образованных при помощи суффиксации, в качестве производных аффиксов используются суффиксы *-age* (*lovage* «любисток»), *-et* (*burnet* «кровохлебка») и *-y* (*barley* «ячмень»). Они характеризуются непродуктивностью (на долю суффиксальных фитонимических единиц приходится всего 1,6%). Еще меньшей производительностью характеризуются субстантивация (*pink* «гвоздика», *everlasting* «цмин») и сокращение (*lily* < *Lilium* «лилия», *elder* < *elder berry tree* «бузина»), на долю каждого приходится по 1,0% от общего числа фитонимов, отобранных методом сплошной выборки. Что касается заимствований, то они представляют собой довольно широкий пласт лексики (в сравнении с производными однословными фитонимами), в процентном соотношении они составляют 13,5% слов. В качестве языков-источников заимствований фитонимической лексики в ходе исследования выявлены:

1. латинский: *gladiolus* «гладиолус» – лат. “*gladiolus*” (дикий ирис), *mimosa* «мимоза» – нов.-лат. “*mimus*”, *rose* «роза» – лат. “*rosa*” и др.;

2. греческий: *chamomile* «ромашка» – ст.-фр. “*camemile*” < лат. “*camomilla*” < лат. “*chamomilla*” < греч. “*chamaimelon*”; *narcissus* «нарцисс» – лат. “*narcissus*” < греч. “*narkissos*”; *acacia* «акация» – лат. “*acacia*” < греч. “*akakia*” и др.;

3. персидский: *jasmine* «жасмин» – фр. “*jasmine*” < араб. “*yas(a)min*” < перс. “*yasmin*”;

4. турецкий: *tulip* «тюльпан» – нем. “*tulpe*” < фр. “*tulipe*”, “*a tulip*” < тур. “*tülbent*”;

5. итальянский: *belladonna* «красавка» – ит. “*belladonna*” (букв. прекрасная дама).

Заимствования наименований растения, как правило, проходят несколько

ступеней, выделение начала вливания лексем в язык показывает, что заимствованные фитонимы в основном имеют греческие и латинские корни.

К сложным однословным фитонимам мы отнесли лексем, образованные при помощи словосложения. В корпусе однословных фитонимов данный способ номинации является самым продуктивным: с помощью него образовано 41,2% наименований растений. Исследования показало, что среди всех возможных типов словосложения (простое словосложение, словосложение с соединительной гласной/согласной, словосложение с соединительным элементом в виде предлога/союза, производное словосложение) для номинации английских фитонимов используются только два. Так, простым словосложением (или соположением основ) образовано 37,5% лексем:

henbane «белена» (букв. «курица» + «отрава»);

larkspur «живокость» (букв. «жаворонок» + «шпора»);

hawthorn «боярышник» (букв. «ограда» + «колючка»);

moor-berry «клюква болотная» (букв. «болото» + «ягода»);

foxglove «наперстянка» (букв. «лиса» + «перчатка»);

catmint «котовник» (букв. «кошка» + «мята»);

twin-flower «линнея» (букв. «близнец» + «цветок») и др.

Остальные 3,7% сложных лексем образованы словосложением с соединительным элементом в виде предлога:

lily-of-the-valley «ландыш» (букв. лилия-в-долине);

Jack-in-the-pulpit «аризема трехлистная» (букв. Джек-за-кафедрой) и др.

В числе сложных двукорневых фитонимов отмечено сохранение устаревшей основы *-wort-*, которая представляет собой древнеанглийское *goot* «корень» (встречается в 11 сложных

фитонимах, например, *dropwort* «таволга», *hazelwort* «копытник», *glasswort* «солянка» и др.).

Фитонимы, составляющие группу составных наименований, включают в себя 41,7 % лексических единиц от общего числа фитонимов. Взяв за основу семантическую цельность, внутри данной группы мы выделили семантически членимые (или свободные) и семантически нечленимые (или связные) составные наименования (при этом если первые при делении составной лексемы на части сохраняют семантику «растение», то вторые это значение утрачивают).

Семантически членимыми оказались 16,2% фитонимических лексем:

evening primrose – «ослиник» (букв. вечерняя примула);

snake's-head fritillary – «рябчик шахматный» (букв. змееголовый рябчик);

rubber plant – «фикус» (букв. резиновое растение);

ice plant – «хрустальная трава» (букв. ледяное растение);

great northern aster – «астра умеренная» (букв. великая северная астра);

sweet scented bush – «каликантус» (букв. сладкий душистый кустарник).

К связным составным наименованиям мы отнесли 25,5% фитонимов:

sweet gale – «мирт болотный» (букв. душистая буря);

blazing star – «лиатрис» (букв. полыхающая звезда);

four o'clock – «мирабилис» (букв. четыре часа);

pigeon wings – «клитория» (букв. голубиные крылья);

adder's tongue – «синяк обыкновенный» (букв. язык гадюки) и др.

Исследование показало, что английские фитонимы-словосочетания являются двухкомпонентными (*cupid's dart* «катананхе»), трехкомпонентными (*great northern aster* – «астра умеренная»), четырехкомпонентными (*white lotus of Egypt* – «египетский лотос»), пятиком-

понентными (*jump-up-and-kiss-me* – «анютины глазки») и шестикомпонентными (*Jack-go-to-bed-at-noon* – «козлотородник луговой»).

При анализе английской фитонимической лексики, представленной в выборке, было выявлено, что некоторые лексические единицы совмещают в себе несколько способов номинации: словообразовательную номинацию, метафору и создание составных наименований с одновременным метафорическим переносом. В связи с этим мы считаем целесообразным разделить все производные фитонимы (т. е. все, исключая заимствования) на две группы: образованные чистыми способами номинации и совмещающие разные способы номинации. Так, к образованным чистыми способами номинации нами было отнесено 32,8% фитонимов: *sea-lavender* – «кермек», *wild olive* – «маслина дикая», *wallflower* – «лакфиоль», *bird-cherry* – «черемуха» и др. Образность, формирующаяся в следствие совмещенного с метафорой способа номинации, присуща 53,7% лексем: *flame nettle* – «колеус», *ox-eye daisy* – «ромашка», *snap-dragon* – «львиный зев», *arrowroot* – «маранта», *unicorn-plant* – «мартиния», *butterfly-pea* – «клитория», *hare's-foot* – «клевер пашенный» и др.

В том же словообразовательном аспекте проанализируем фитонимическую лексику русского языка. В представленной выборке обнаружено 74,1 % односложных наименований и 25,9 % составных наименований.

Заимствования представляют собой значительное количество анализируемой лексики – 23,3%. Фитонимическая лексика пришла в русский язык из таких языков, как:

6. греческий: *азалия* – греч. “*azaleos*” сухой, *амарант* – греч. “*amarantos*” увядающий, *крокус* – нем. “*krokus*” < лат. “*crocus*” < греч. “*krokos*” и др.;

7. латинский: *гладиолус* – лат. “gladiolus” небольшой меч, *примула* – лат. “primula” первая, начальная, *резеда* – фр. “réséda” < лат. “resēda” и др.;

8. французский: *топинамбу* – фр. “topinambour” – по названию индейского племени топинамбу, *петуния* – фр. “pétunia” и др.;

9. итальянский: *капуцин* – ит. “cappuccino” < “cappuccio” капюшон и др.;

10. португальский: *ипекакуана* – порт. “ipêcacuana”;

11. турецкий: *тюльпан* – фр. tulipan < ит. tulipano < тур. Tülbend тюрбан.

Отметим, что из 45 лексем нашей картотеки 19 слов – опосредованные или косвенные заимствования. В ходе анализа этимологических словарей было выяснено, что языками-посредниками являются французский, немецкий, итальянский и польский языки. Заимствованная фитонимическая лексика попала в русский язык переходя из одного языка в другой.

Среди простых русских производных фитонимов, помимо заимствования, обнаруживаются следующие способы номинации: словообразование (суффиксальное и приставочно-суффиксальное), сращение и сложение.

Суффиксация явилась очень продуктивным способом образования наименований растений – с помощью данного типа образовано 36,3% лексем. При этом наблюдается широкий спектр производных суффиксов: **-ник-** (*пустырник* ← пустырь, *ладанник* ← ладан, *майник* ← май, *зольник* ← зола и др.); **-к-** (*солянка* ← соляной, *живучка* ← живучий, *ноготки* ← ноготь, *хохлатка* ← хохлатый и др.), **-ик-** (*желтушник* ← желтушный, *ключики* ← ключ, *язвенник* ← язвенный и др.), **-ниц-** (*купальница* ← купаться, *печёночница* ← печёнка и др.), **-анк-** / **-янк-** (*мыльнянка* ← мыльный и др.), **-евик-** (*змеевик* ← змей и др.), **-чик-** (*рябчик* ← рябой, *баранчики* ← баран и др.) и ряд других суффиксов, послуживших производными для единичных примеров. Фитонимы в

количестве 3,1% единиц образованы *приставочно-суффиксальным* способом: *подъельник* ← ель, *поручейник* ← ручей, *перелеска* ← лес и др.

В ходе анализа фитонимической лексики русского языка выявлен неморфологический способ (а именно лексико-синтаксический) – *сращение*, которым образовано 1,0% фитонимов: *мать-и-мачеха*, *иван-да-марья*.

В корпусе однословных русских фитонимов обнаружены и те, которые образованы словосложением. Простым соположением основ образовано 2,6% фитонимов, например, *сон-трава*, *плакун-трава* и др. При помощи словосложения с соединительной гласной образовано 6,2% лексем: *желтокорень* ← желтый+корень, *златоцвет* ← златой+цвет (в значении цветок), *солнцецвет* ← солнце+цвет и др. Производным словосложением (в терминологии морфемики русского языка – аффиксально-сложным сложением) образовано 5,2% лексем: *зимолюбка* ← зима + любить, *песколюб* ← песок + любить, *камнеломка* ← камень+ломать и др.

Составные фитонимы также образовали широкий пласт фитонимического лексико-семантического поля русского языка: обнаружено 25,9% составных наименований. *Свободными* являются 8,8% составных лексем: *ипомея пурпурная*, *мертензия приморская*, *акация белая*, *вербейник монетчатый*, *мимоза стыдливая* и др. 13,5% фитонимов были отнесены нами к семантически нечленимым наименованиям: *желтый цвет*, *рвотный корень*, *Петров крест*, *медвежье ухо*, *раковые шейки*, *водяное перо* и др. Отметим, что все составные наименования (как членимые, так и нечленимые) состоят из 2 компонентов (т.е. словосочетания являются бинарными).

Как и в английском языке, производные фитонимы русского языка в словообразовательном аспекте обнаруживают в себе «чистые» способы номинации и совмещенные. Без

привлечения метафорического переноса образовано 40,9% фитонимических единиц: *луговой чай, подлесник, медуница, шиповник, молодило* и др. Совмещенными способами номинации образовано чуть меньше фитонимов – 35,8%): *сабельник, ужовник, хрустальная трава, меч-трава, адамово ребро* и др.

Проведенное исследование показало, что для английского языка характерно преобладание сложных фитонимов над простыми и нечленимыми составными наименований над членимыми. Если в отношении составных фитонимов в русском языке можно увидеть идентичное доминирование связанных составных наименований, то в отношении однословных фитонимических лексем прослеживается разница между сопоставляемыми языками (в русском больше простых однословных фитонимов, нежели сложных). Данный факт можно объяснить большей свободой образования слов в английском языке по сравнению с русским (в русском языке в процессе словосложения участвуют основы, в английском языке – основы и словосочетания).

Если говорить об общей склонности языка к однокомпонентности наименований, то можно утверждать, что в английском языке она выражена в меньшей степени, чем в русском. Так, если в английском языке однословных фитонимов больше, чем составных, в 1,4 раза, то в русском языке уже в 3,5 раза.

При сопоставлении простых фитонимов в словообразовательном аспекте обращает внимание на себя тот факт, что если для английского языка доминирующим способом номинации является заимствование, то для русского – суффиксация (заимствование на втором месте по репрезентативности лексем). Данный факт можно объяснить историческими причинами: англичане, присоединяя к себе множество колоний, устанавливали те или иные отношения с другими государствами (политические,

торговые, экономические) и не могли в ходе коммуникации с иностранцами, в процессе наблюдения, в частности, природных реалий других мест не перенять в словарный состав слова из языков, с которыми английский язык соприкасался; носители русского же языка, по-видимому, имели меньше непосредственных контактов с носителями других языков.

В ходе анализа составных фитонимов (как членимых, так и нечленимых) было обнаружено, что в русском языке составные наименования строго бинарны, в то время как составные английские фитонимы могут быть двух-, трех-, четырёх- и даже пяти- и шестикомпонентными. В этом видится неодинаковая тенденция к речевой экономии в сопоставляемых языках.

Таким образом, для более глубокого изучения лексико-семантической системы того или иного языка необходимо исследование отдельных ее фрагментов, одним из которых является фитонимическая лексика, в которой отражен многовековой путь познания народом мира природы. В данной работе нами предпринята попытка провести сопоставительное исследование англо- и русскоязычных фитонимов в словообразовательном аспекте. К перспективам исследования следует отнести рассмотрение анализируемой лексики в номинативном, лингвокультурологическом, этнолингвистическом и диахроническом аспектах.

Список литературы

Ботанический словарь: Справ. кн. для ботаников, сел. хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сел. жителей. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1878. 646 с.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 426 с.

Василенко О. И. Концептуализация мира растений как результат деривации фитонимов

// Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. №3 (3). С. 46-48.

Васильченко Л. П., Чуднова Н. А. Природа славян. Томск: ТГУ, 2002. 235 с.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Изд-во «Индрик», 1998. 240 с.

Дьяченко Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е. И. Носова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 18 с.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.

Исаев Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: Дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2015. 413 с.

Колосова В. Б. Полюнь // *Studia Ethnologica: Труды факультета этнологии.* СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. 325 с.

Комарова З. И., Хасаншина Г. В. Латинизированный семантический метаязык агрономии как способ научной концептуализации и категоризации фрагмента действительности царства растений // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность». Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. С. 27-43.

Коновалова Н. И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. 150 с.

Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург: УрГПУ, 2000. 235 с.

Копчева В. В. Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. 255 с.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967. 259 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 201 с.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М.: Дрофа, 2002. 400 с.

Этноботаника: растения в языке и культуре СПб.: Изд-во «Наука», 2010. 385 с.

Ягумова Н. Ш. Фитонимическое пространство в языковой картине мира: словообразовательный и мотивационный аспекты (на материале английского и адыгейского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2008. 32 с.

References

Botanic dictionary: a reference book for botanists, village owners, gardeners, arboriculturist, pharmacists, doctors, druggists, travellers in Russia, and villagers (1878), Imp. Akad. Nauk, St. Petersburg, Russia. [in Russian].

Buslaev, F. I. (2011), *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti* [Historical sketches of Russian national philology], Knizhnyy dom "Librokom", Moscow, Russia. [in Russian].

Vasilenko, O. I. (2007), Conceptualization of plant world as a result of phytomym derivation, *Al'manah sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], Gramota, Tambov, Russia. [in Russian].

Vasilchenko, L. P. and Chudnova, N. A. (2002), *Priroda slavyan* [The nature of the Slavs], TGU, Tomsk, Russia. [in Russian].

Vendina, T. I. (1998), *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian linguistic worldview through the derivation], Indrik, Moscow, Russia. [in Russian].

Dyachenko, Yu. A. (2010), "*Phytonymic lexicon in fictional prose of E. I. Nosov*", Abstract of Ph.D. dissertation, Kursk State University, Kursk, Russia. [in Russian].

Zabilin, M. (2014), *Russkiy narod. Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poehziya* [Russian nation. Their customs, traditions, rituals, superstitions, and poetry], Institut russkoj civilizatsii, Moscow, Russia. [in Russian].

Isaev, Yu. N. (2015), "*Phytonymic world picture in multi-structural languages*", D. Sc. Thesis, Chuvash State University, Cheboksary, Russia. [in Russian].

Kolosova, V. B. (2004), *Polyn* [Wormwood] // *Studia Ethnologica: Trudy fakul'teta ehtnologii, Izdatel'stvo Evropeyskogo*

universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia. [in Russian].

Komarova, Z. I. and Hasanshina, G. V. (2004), “Latin semantic metalanguage of agronomy as a method of science conceptualization and categorization of reality fragment of plant kingdom”, *Problemy yazykovoy kontseptualizatsii i kategorizatsii deistvitel'nosti* [The problems of language conceptualization and categorization of reality], Yekaterinburg, Russia, 27-47. [in Russian].

Konovalova, N. I. (2001), *Narodnaya fitonimiya kak fragment yazykovoy kartiny mira* [Nation phytonymics as a fragment of linguistic worldview], Izdatelstvo Doma uchitelya, Yekaterinburg, Russia. [in Russian].

Konovalova, N. I. (2000), *Slovar' narodnyh nazvaniy rasteniy Urala* [The dictionary of folk names of plants in the Urals], UrGPU, Yekaterinburg, Russia. [in Russian].

Kopocheva, V. V. (1985), “The correlation of natural and artificial nomination (on the basis of plant names)”, Ph.D. Thesis, Tomsk State University, Tomsk, Russia. [in Russian].

Merkulova, V. A. (1967), *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy. Travy. Griby. Yagody* [Sketches on Russian public nomenclature of plants. Grass plants. Mushrooms. Berries], Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Podol'skaya, N. V. (1978), *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [The dictionary of Russian onomastic terminology], Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Superanskaya, A. V. (1973), *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of proper names], Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Shanskiy, N. M. and Bobrova, T. A. (2002), *Shkol'ny ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: Proiskhozhdenie slov* [School etimological dictionary of the Russian language], Drofa, Moscow, Russia. [in Russian].

Ethnobotany: plants in the language and culture (2010), Nauka, St. Petersburg, Russia. [in Russian].

Yagumova, N. Sh. (2008), “Phytonymic field in linguistic worldview: derivational and motivational aspects (on the basis of English and Adygei languages)”, Abstract of Ph.D. dissertation, Adygei state university, Maikop, Russia. [in Russian].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Аникина Татьяна Вячеславовна, доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, кандидат филологических наук.

Tatiana V. Anikina, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Candidate of Philological Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute.

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-2

Jerome Baghana¹
Victor Ya.
Porkhomovskiy²

**On interdisciplinary studies of language contacts
and contact-induced changes**

¹⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation,
E-mail: baghana@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0001-6061-3288

²⁾ Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences
1 bld. Bolshoy Kislovsky Ln., 125009 Moscow, Russian Federation
E-mail: vporkhom@yahoo.com

Received 15 October 2018; Accepted 16 November 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The article deals with the problem of language contacts and their outcomes. Contact of languages is viewed as a multi-facet phenomenon. The authors focus on the way researchers deal with contact-related issues in social sciences. The fields covered in the article include linguistics, psychology, sociology, culture and history. The interdisciplinary nature of language contacts is studied by comparing subjects of studies and theoretical approaches to dealing with contacts between languages and contact-related phenomena. The work is topical because it provides the insight into this field of investigation and helps to identify most disputable or neglected areas, which could become the basis for future developments and studies. The aim of the article is to give an account of how various academic disciplines interrelate in the study of language contacts and what problems researchers face and try to solve in their works. For this purpose, a systemic approach to the interdisciplinary analysis is used. The conclusion is made that more attention should be paid to the links between these fields, so that results in one domain can be compared with those in another.

Key words: language contact; interdisciplinary; bilingualism; borrowing; interference; pidgin; creole language; contact-induced changes.

Information for citation: Baghana, J. and Porkhomovskiy, V. Ya. (2018), “On interdisciplinary studies of language contacts and contact-induced changes”, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 14-19, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-2

Introduction. There hardly exist any “genetically pure” or “unalloyed” languages, because almost every language in the world has been influenced by other languages at one time or another. Such interaction between languages is called “language contact” and has become an object of interdisciplinary studies in linguistics, sociology, anthropology, psychology and other sciences. The branch of studies related to the contact of languages is

often called the “theory of language contact” or “contact linguistics” (when in reference to linguistics).

Methods. This article is based on the systemic approach to the interdisciplinary analysis. Due to interdisciplinary approach we take into consideration the anthropocentric factor, linguistic and non-linguistic information, intercultural analysis.

Results and discussions. Contact of languages is a multi-facet phenomenon, therefore it is considered from the perspective of various sciences. This interdisciplinary approach contributes to more accurate insight into the subject.

Linguists tend to focus on the issues related with mixture, interpenetration of two independent language systems. They usually concentrate on studying and analyzing issues related with finding out the following:

- the outcomes of contacts of languages at the phonological, lexical and grammatical levels;
- the way languages transfer structures or structural elements;
- the way a new language can emerge as a result of language contacts;
- outcomes of situations when two or more languages are used by a group of speakers, etc.

Contacts between languages result in various phenomena and cause “contact-induced changes”. The contact may be “direct” or “indirect”. In the first case it takes place in bilingual or multilingual speakers. In the second case the contact occurs without a direct contact of people through book learning. People who already know a foreign language transfer new words (loans) into literary works, religious books or dictionaries. Thus, other people who even don’t speak foreign languages, learn new vocabulary of foreign origin from books and start using it. Currently mass-media, especially the Internet, enjoy dominance in this type of non-direct language contacts.

Sociolinguistic research focuses on resolving questions of linguistic importance, such as how language change comes about. The researchers observe and analyze interaction between speakers in multilingual societies. The outcome of language contacts varies in several parameters, such as the duration and intensity of contacts between the groups of speakers, the degree of similarity between the languages in contact and the functions that their communication performs in the society, types of social, economic and

political relations between them, domination of one language over the other, etc.

Sociolinguistics is a very broad field, and it can be used to describe many different ways of studying language contact. Researchers may have rather different interests from each other and they may use very different methods for collecting and analyzing data. Sociolinguistics is about how individual speakers use language, how people use language differently in different towns or regions or how a nation decides what languages will be recognized in administration or education. Their aim is to answer the following questions:

- Who uses those different forms or language varieties?
- Whom do they use them with?
- Are they aware of their choice?
- Why are some forms or languages “getting a win” over the others? (And is it always the same ones?)
- Is there any relationship between the forms in flux in a community of speakers?
- What kind of social information do we ascribe to different forms in a language or different language varieties?
- How much can we change or control the language we use? (Meyerhoff, 2006: 3).

While the goal of works on contact linguistics and language variation within sociolinguistics has mainly been concerned with the understanding of how language operates in society, the crossroads of language contact theory with *psychology* has been, for example, in the theory of representation of languages in the mind of individual speakers. In comparison to purely linguistic approach focusing on language, researchers involved in the psycholinguistic aspect of language contact use a speaker-oriented approach. They are interested in how two or more languages are “stored” and function in the mind of a bilingual. In the psychological framework “individual bilingualism” is classified on the basis of the command of each language as “symmetrical” (good command of both languages) or “asymmetrical” (an individual is fluent in one language only). Some of the

theories developed by psycholinguistics have been much criticized. For example, a problem of how languages are stored in a bilingual's mind. Until now researchers have not agreed on the number of "storage departments" for languages in a mind: one, two or three storages are suggested by different scientists (Ehri, Ryan, 1980, Kolers, Paradis, 1963).

Analyzing the speech of bilingual individuals, psychologists note, the formation of any language is not an isolated process. It is based on the previous experience of the individual. In acquisition of a new language individuals necessarily use their past linguistic experience of L1.

Much is unknown about the reasons why some people have better innate abilities to languages than others. It is not clear if the ability to switch from one language to another and the degree of interference that occurs have to deal with an innate ability or is the result of training (CONFEMEN, 1986, Boretzky, 2000, Daff, 2000). Psychologists working in the area of a second language acquisition also study the effect of bilingualism on the behavior of a person, the development of cognitive and individual features of character.

The problem of relationship between language and mind has been comprehensively discussed. Various studies of "the language picture of the world" have been carried out, and associative dictionaries of different languages have been created. All these studies contribute to better understanding of how people belonging to a certain culture perceive the reality. According to M. V. Zavyalova, each native speaker has a certain image of the world formed by his or her mother tongue and represented in the language by a semantic network of concepts characteristic of this very language. Not only associative experiments carried out by scientists, but even the difficulties arising in intercultural communication and translation prove this point. Therefore, researchers try to find out how two pictures of the world function in one mind and how two images of reality interact (Zavyalova, 2001: 60).

Special attention is also paid to the impact of nation-specific cultural traits on behavior and communication of speakers. Traditions, cultural values and idiosyncrasies all play an important part in every society. The outcomes of "cultural interference" manifest as cognitive conflicts arising from cultural differences between speakers' world views. Cultural interference means a "transfer of non-linguistic elements of culture and it can be compared figuratively with "cultural accent". A speaker may have a perfect command of a language but behave in a way that is considered "strange" or "rude" in a new cultural environment (Klokov, 2000: 47).

Since 1970-s Pidgin and Creole studies have come to be considered as important for the development of the linguistic theory. Pidgins and creoles are the results of intensive contacts between two or more languages and combine elements of these languages. The issues that are most studied in this field are:

- Pidgin and creole genesis
- Linguistic characteristics of pidgins and creole languages: morphological and syntactic structures, phonological features, vocabulary and sources of borrowing, semantic change of loans
- The nature of the relationship between pidgins and related creoles
- Development of creoles, lexifiers and substrate languages
- Post-creole continuum development, etc.

The genesis of pidgins and creoles turned out to be a controversial issue. Some linguists stick to the hypothesis that all the world's pidgins and creoles are derived from the same source. Usually they suggest a Portuguese pidgin that came into being in the 15th and 16th centuries. This approach is called "monogenetic theory". "The restricted monogenesis hypothesis is less ambitious. It is mostly limited to the English and French-lexifier creole languages of the Atlantic and Indian Ocean, and proceeds from the idea that there was a jargon or pidgin spoken along the coast of West Africa that later formed the

primary source for a wide range of creoles. The common features of these creoles are then assumed to be due to these early pidgins” (Muysken, Smith, 1995:9). Others argue that a “polygenetic theory” of the origin of pidgin is more realistic. Another suggestion is that pidgins and then creoles emerge as a kind of “baby talk” or “foreigner talk” through imperfect second language learning or the reduction of speech directed at foreigners. For some supporters of this theory the possible similarities among the creole languages occur due to universal properties of the learning process.

Since the 1980s researchers in the field of pidgin and creole linguistics have increasingly been concerned with finding and analyzing written records as evidence of early stages of creoles. While motivated by questions on the genesis of creoles, such studies have contributed significantly to our insight into the historical evolution and the variability of these languages. For example, West African Pidgin English have received important historical documentation and analysis (e.g. Arends 1995, Baker & Bruyn 1999, Rickford & Handler 1994). Theoretically and methodologically most works on pidgin and creoles pursue the same aims by means of similar approaches.

Important progress has been made in many domains of language contact studies, including linguistic borrowing, interference, code-switching, areal convergence, etc. Therefore, it is necessary to give some insight into these phenomena.

Borrowing is inevitable language contact phenomenon. It is sometimes treated as similar to interference (in a broader sense) or as a separate phenomenon. To W. Mackey, it refers to “those instances of deviation from the norms of either language which occur in the speech of the bilinguals as a result of their familiarity with more than one language in contact, i.e., as a result of language contact”(Mackey, 1968). Some researchers stick to U. Weinreich’s understanding of interference as being any linguistic change caused by contact. According to him there are

two main mechanisms involved in contact-induced variations. The first mechanism is “borrowing” of linguistic elements of one language into another. The second mechanism is called “interlingual identification” of elements of two languages, when a speaker thinks that the elements are equal in both languages and transfer the elements of one linguistic system to the other (Weinreich, 1953: 31-32).

Borrowing “implies that one language takes something from another language and makes it into a permanent part of its own system. In contrast to the borrowing of an object from another person, the borrowing of a linguistic form or concept from another language is not implied to be temporary. This is one of the main differences between borrowing and *code-switching*. Borrowed forms or concepts are integrated into the borrowing language, while code-switching<...>implies the use of two or more different language codes within the same stretch of speech” (Meyerhoff, 2006: 1).

S. Thomason and T. Kaufman associate *borrowing* with situations of language maintenance and define it as “the incorporation of foreign features into a group’s native language by speakers of that language” (Thomason & Kaufman, 1988: 37). *Interference* in their interpretation has to do with second language acquisition and language shift. But in the modern linguistics there is no consensus on how borrowing should be defined and distinguished from interference.

To overcome this situation F. Van Coetsem suggested an alternative classification for contact-induced changes which divides all phenomena into “borrowing” and “imposition”. “If the recipient language speaker is the agent, as in the case of an English speaker using French words while speaking English, the transfer material from the source language to the recipient language is borrowing (recipient language agentivity)”. If “the source language speaker is the agent, as in the case of a French speaker using his French articulatory habits

while speaking English” the transfer material is “imposition” (Van Coetsem, 1988: 3).

Nevertheless, this approach is rarely used by researchers. R. Hickey thinks that the term “imposition” denies the use of the intuitively more obvious “transfer” which is a disadvantage”, in other respects the approach initiated by F. Van Coetsem has distinct merits, such as his highlighting of the relative linguistic dominance of languages. This can best be illustrated by an example. Consider the position of English and Spanish in the south-west of the United States, especially in the large urban centres such as Los Angeles. First, Spanish influenced the English of the Chicanos, then after some time, the type of English they developed had a reverse influence on their Spanish because for many their English has become more dominant” (R. Hickey, 2010: 27).

It should be noted that the intensity and the content of borrowing depend on specific *historical circumstances*. The intensity of influx of lexical borrowings vary on different historical stages. It is a well-known fact that most linguistic variations take place in the times of significant changes in the society. The Age of Discovery which refers to the era’s phenomenal advances in geographical knowledge and technology was one of such crucial events. The expansion of European countries into other continents and colonization of indigenous people was the main reason for the spread of European languages on new territories. In the new environment European languages underwent the process of vernacularization, many new words and notions were added to their vocabularies. At the same time indigenous languages started to borrow words and notions from European languages and culture. When we know extralinguistic facts (history in this case), we can trace the correlation between these important events and the clusters of new vocabulary entries in a certain language.

Intensive borrowings occur due to trade, political or cultural relations between countries. Even war and conflicts activate

borrowing process. It means that irrespective of being positive or negative for the society, such events trigger borrowing of new words and realia (Baghana, Khapilina, Blazhevich, 2014:20). The only way a society can resist borrowing is using the policy of linguistic protectionism or purism. J. & L. Milroy distinguish between two types of purism: sanitary purism (‘verbal hygiene’) and genetic purism. While sanitary purism considers that the corruption of language may be caused by vulgarity or error, genetic purism locates the corruption of language only in the effects caused by other languages through the processes of co-mixing and hybridization (Milroy, 1985: 22-23). Icelandic is one of the best known examples of linguistic purism in action. Hundreds of earlier Danish and German loans have been purged and never been used since then.

Conclusion. Whereas important progress has been made in a number of domains of language contact studies, such as linguistic borrowing, interference, code-switching, areal convergence, pidgin and creole languages, etc., less attention has been paid to the links between these fields, so that results in one domain can be compared with those in another. That is why interdisciplinary approach contributes to more accurate understanding of the nature of contact-related phenomena, and scholars working on the problem of language contact tend to stay informed of the recent developments in related areas.

References

- Arends, J. (eds.) (1995), *The Early Stages of Creolization*, Creole Language Library; vol. 13, PA: John Benjamins, Amsterdam, Netherlands. [in English].
- Baghana, J., Khapilina, E. V. and Blazhevich, Yu. S. (2014), *Anglijskie zaimstvovaniya v territorialnykh variantah francuzskogo yazyka Afriki* [English Loans in Territorial Variants of the French language of Africa: monograph], INFRA-M, Moscow, Russia. [in Russian].
- Baker, Ph. and Bruyn, A (eds.) (1999), *St. Kitts and the Atlantic Creoles: The Texts of*

Samuel Augustus Mathews in Perspective, University of Westminster Press, London, the UK. [in English].

Boretzky, N. (2000), “The definite article in Romani dialects” in V.Elšik & Ya. Matras (eds.). *Grammatical Relations in Romani. The Noun Phrase*, Amsterdam/Philadelphia, P. 31-63. [in English].

C.O.N.F.E.M.E.N (1986), *Promotion et integration des langues nationales dans le système éducatif: bilan et inventaire* [Promotion and integration of national languages into the education system: assessment and inventory], Champion, Paris, France. [in French].

Daff, M. (2000), “French/Wolof contact: problems of lexicographic selection. Burkina Faso case” in Latin, D., Poirier, C. (eds.) *Contacts de langues et identités culturelles: perspectives lexicographiques*, Les presses de l’Université Laval, Quebec, Canada, P. 195-207. [in French].

Ehri, L. C. and Ryan, E. B. (1980), “Performance of bilinguals in a picture-word interference task”, *Journal of Psycholinguistic Research*, V. 9 (3), P. 285-302. [in English].

Klokov, V. T. (2000), *Frantsuzskiy yazyk v afrike: lingvokulturologicheskoye issledovaniye* [The French language in Africa: research in cultural linguistics], Saratov University, Saratov, Russia. [in Russian].

Kolers, P. A. and Paradis, M. (1980), “Introduction”, *Canadian journal of psychology: Special issue. Psychological and linguistic studies of bilingualism*, V. 34, №4. [in English].

Mackey, W. (1968), “The Description of Bilingualism” in Fishman, Joshua (ed.), *Readings in the Sociology of Language*, The Hague, P. 554-584. [in English].

Meyerhoff, M. (2006), *Introducing Sociolinguistics*, Routledge, London and New York. [in English].

Milroy, J. and Milroy, L. (1985), *Authority in Language: Investigating Language Prescription and Standardisation*, Routledge and Kegan Paul, London, P. 22-23. [in English].

Muysken, P. and Smith, N. (1995), “The study of pidgin and creole languages” in Arends, J., Muysken, P., and Smith, N. (eds.), *Pidgins and Creoles: An Introduction*, John Benjamins, Amsterdam, P.3-14. [in English].

Rickford, J. R. and Handler, J. (1994), “Textual evidence on the nature of early

Barbadian speech, 1676–1835”, *Journal of Pidgin and Creole Languages*, 9, P.221-55. [in English].

Thomason, S. G. and Kaufman, T. (1988), *Language contact, creolization and genetic linguistics*, University of California Press, Berkeley, P.65-109; 215-28. [in English].

Van Coetsem, F. (1988), *Loan Phonology and the Two Transfer Types in Language Contact*, Foris, Dordrecht. [in English].

Weinreich, U. (1979), *Languages in contact: finding and problems*, De Gruyter Mouton, New York, Berlin. [in English].

Zavialova, M. V. (2001), “Issledovaniya rechevykh mekhanizmov pri bilingvizme (na materiale assotsiativnogo eksperimenta s litovskorusskimi bilingvami)” [Studies of speech mechanisms in bilingualism (based on the associative experiment on Lithuanian-Russian bilingualism)], *Voprosy Yazykoznaniya*, № 5, P.60-85. [in Russian].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Багана Жером, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Jerome Baghana, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance and Germanic Philology and Cross-cultural Communication, Belgorod State National Research University.

Порхомовский Виктор Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела африканских языков, ФГБУН «Институт языкознания РАН».

Victor Ya. Porkhomovskiy, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-3

Tatiana A.
Dobroradnykh

The cognitive discursive aspect of realization of polyfunctional linguistic units in the mass media (on the material of the gerund)

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Ave., Tula, 300026,
Russia

E-mail: aso.training@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1092-5229

Received 1 November 2018; Accepted 7 December 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The article deals with a cognitive-discursive research of gerund constructions in online editions of British newspapers and magazines such as The Guardian, The Times, and The Week. It studies the polyfunctional nature of the gerund and the way it is used in the mentioned editions to fulfil the main function of the mass media – to influence people’s minds and form their attitudes to reality. Texts of the online mass media obtain special features and refer to the media linguistics research field. Mass media has become not only the best way of entertaining, but the best instrument of manipulating. A gerund form as a dynamic linguistic unit combines substantive and verbal features expressed more or less within a certain context (semantic, syntactic and extralinguistic). The meaning of a gerund form can be defined in terms of pragmatic aspects of language. A recipient of a message interprets it according to the world view, background knowledge, age, culture, religion, social, and professional factors. From the point of view of the cognitive-discursive approach, polyfunctionality of the gerund allows it to fulfil complex functions of mass media discourse.

Key words: cognitive studies; discourse; mass media; polyfunctional unit; gerund.

Information for citation: Dobroradnykh, T. A. (2018), “The cognitive discursive aspect of realization of polyfunctional linguistic units in the mass media (on the material of the gerund)”, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 20-28, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-3

Добродрадных Т. А.

Когнитивно-дискурсивный аспект реализации полифункциональных единиц в СМИ (на материале герундия)

ТГПУ им. Л.Н. Толстого,
Пр-т Ленина, 125, г. Тула, 300026,
Российская Федерация

E-mail: aso.training@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1092-5229

*Статья поступила 1 ноября 2018 г.; Принята 7 декабря 2018 г.;
Опубликована 31 декабря 2018 г.*

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-дискурсивным исследованиям функционирования герундиальных конструкций в онлайн версиях популярных

британских газет и журналов the Guardian, the Times и the Week. В ходе работы рассматривается полифункциональная природа герундия, которая позволяет использовать его в качестве средства достижения основной функции анализируемого дискурса – формирование у реципиента определенного отношения к окружающей действительности. Тексты онлайн средств массовой информации относятся к области медиа лингвистики, благодаря чему они получают дополнительные характеристики, обусловленные каналом коммуникации. Помимо того, что современные СМИ являются основным способом развлечения людей, они стали основным инструментом манипуляции. Динамика герундия как полифункциональной единицы, не завершившей процесс гипостазиса, позволяет ему сочетать в себе субстантивные и глагольные черты, которые проявляются в зависимости от речевой ситуации (семантического и синтаксического контекстов, а также экстралингвистических факторов). Обобщенное значение герундия может быть выявлено при условии анализа прагматического аспекта коммуникации, так как реципиент воспринимает текст, основываясь на собственной картине мира, фоновых знаниях, культуре, религии, возрасте, социальном и профессиональном окружении. Полифункциональная природа герундия, которая проявляется в рамках когнитивно-дискурсивного аспекта, позволяет выполнять комплексные задачи, стоящие перед СМИ.

Ключевые слова: когнитивные исследования; дискурс; СМИ; полифункциональная единица; герундий.

Информация для цитирования: Добrorадных Т. А. Когнитивно-дискурсивный аспект реализации полифункциональных единиц в СМИ (на материале герундия) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 20-28. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-3

INTRODUCTION

Language is a dynamic phenomenon. Any process of communication is determined by certain extralinguistic factors. It is necessary to know how the speech is connected to the reality and understand the pragmatic aspect of communication. For the present research it is important to divide and define the notions ‘text’ and ‘discourse’. The phenomenon ‘discourse’ has been studied by many prominent linguists such as T. van Dijk, E.S. Kubryakova, N.D. Arutyunova, A.A., Kibrik, V.I. Karasik, O.V. Aleksandrova, O.N. Prokhorova and others, but there are still a lot of scientific problems to solve.

For the first time, a concept of the cognitive analysis was introduced by Teun A. van Dijk, who understands the notion of discourse as the language representation of the text content [5]. The scientist considers the text from the point of view of external

factors determined by the circumstances in which the act of communication is taking place. He points out that we can understand a message properly only in case we understand the communicative situation.

N.D. Arutyunova also takes into consideration extralinguistic aspects and defines the term ‘discourse’ as the speech immersed into life [3, p. 137]. According to the definition the text obtains new features and meanings while existing in a certain situation.

As cognitive linguistics developed, different approaches to the notion appeared. In our research we consider discourse as a cognitive phenomenon connected to the process of speech making, and at the same time as a final result of a speech process represented in a certain completed (and recorded) form [10, p. 16]. As it follows from the definition, we study the text from the

point of view of its extralinguistic, pragmatic, social and cultural aspects, because speech is a targeted social action.

A.A. Kibrik states the difference between the notions 'text' and 'discourse'. According to the scientist, text is a result of communication, but discourse represents both sides at the same time – a process of speech and its result. O.V. Aleksandrova writes about the aspects of the text actualization from the point of view of mental processes and from the point of view of extralinguistic factors [1, p. 10]. As we can see, a process of speech is closely connected with the mental activity, our perception of existing reality and our world view.

Linguistics plays an important role in cognitive studies because it is connected with the process of linguistic representation of knowledge. The cognitive discursive approach combines cognitive principles and communicative paradigms. As a result of a cognitive process, a set of concepts (conceptual model of the world) is formed. Linguistic features are studied from the point of view of the conceptual analysis. It helps us to understand the principles of the wordforms collocability and combinability. Words are combined according to the conceptual structure, the rules of the compositional semantics, formally, functionally and according to the expressed ideas and notions. The main ideas of the present research can be described as the dialectical unity of language and speech, dynamics of linguistic processes determined by the nature of mental processes in a way they are generated and represented at the semantic level, and the necessity of considering extralinguistic aspects [4, p. 37].

MAIN PART

The present research deals with a cognitive discursive study of -ing forms (especially gerund forms) functioning in online versions of the popular British newspapers and magazines. The study is aimed at revealing how -ing forms behave in the media and how their polyfunctional nature is used for fulfilling tasks of the discourse in question. To study the cognitive part of units

we need to describe mass media as a linguistic phenomenon and analyze the main aspects of its functioning.

Some scientists consider mass media as the best example of the existing language. The development of the Internet transferred the research to the media linguistics branch as online versions of popular newspapers and magazines are now as widely spread as their printed editions were in the last century. The Internet has occupied almost all the spheres of our life. Wireless technologies and smart gadgets provide us with an opportunity of getting any information any time we need. For this reason, T.G. Dobrosklonskaya introduced the term 'media linguistics'. The scientist describes different aspects of the linguistic sphere in question: firstly, as the whole corpus of all the texts created within the mass media activity; secondly, as the inner language system equipped with a set of certain linguo-stylistic characteristics; finally, as a special mixed type sign system which combines verbal and audiovisual elements specific for every form of mass media – publishing, radio, TV or the Internet [8, p. 15].

Mass media communication represents interesting stylistic phenomena. The language of mass media is divertive. In some cases, one style transfers to another one. For example, colloquial expressions coexist with the literary language, historical notions with new terms, simple sentences with complex constructions. As news editions have become the best instrument of human mind manipulation, every structure is aimed at fulfilling the influential function of mass media. The main task of mass media is to create thoughts and opinions, norms of behavior and our attitude to events. We watch TV, read newspapers, entertain and unconsciously get a new world view, formed with the help of mass media means, where a text represents the main tool. We interpret events according to our culture, background knowledge, social and professional values. V.Z. Demyankov offers to study discourse from the point of view of the recipient who is

called ‘an interpreter’. The process of interpretation results in the actualized meaning and depends on the author and recipient’s intensions. The cognitive approach is anthropocentric. It deals with any linguistic unit within the scope of knowledge used to describe any object or phenomenon [6, p. 26]. Teun A. van Dijk describes the power of public discourse as follows: ‘we have seen that among many other resources that define a power base of a group or institution, *access to or control over* public discourse and communication is an important symbolic resource, as is the case for knowledge and information’ [13, p. 355].

As S.G. Ter-Minasova points out, there is a great difference between cultures influenced by many aspects of the development of a lingua-cultural society. Language and culture are closely connected. Cultural (or notional) world view is the realization of the world through the model of reality formed in human mind and expressed by means of a language. Language is the way of world perception by a certain society. Language, mind and culture are connected so close that they represent a unity and they can’t exist and function separately, without each other [12, p. 24]. The development of language in human mind is happening within the development of the society. English is a good example of how history creates the language. Even the historical periods of the English language coincide with social and political events. For example, the appearance of the Christianity introduced lexis and grammar of the Latin language. The Normans brought French which became the language of public and military officials and state affairs. Finally, the end of the War of the Roses led to the establishment of the literary language. Book-printing set the norms of the English language and made it widely spread. As we can see, the language is adapting to the changing reality to represent all the ideas and notions properly.

Grammar is a conservative field, but it reflects the world view and the functional-pragmatic approach is becoming more

recognizable. Traditional studies of syntax concerning the structural and semantic principles are moving to the field of the language philosophy [2, p. 20]. It is clear that ‘the grammar of a language is not just a long list of formal rules. A grammar may be seen as a cognitive achievement: it is the solution that generations of speakers of a speech community have found to structure their thoughts with the intention to communicate them to other people’ [15, p. 11].

The gerund as a linguistic phenomenon demonstrates a case of the meaning actualization and world view formation. Gerund forms came into English from Latin and are formed with the help of the -ing suffix which is a derivational and inflectional unit at the same time and leads to the homonymy of grammatical forms. The gerund as we know it today is ‘a noun whose role has been broadened by its acquisition of verbal characteristics’ [16, p. 137]

Many scientists unite the homonymous wordforms into the -ing form class presented by different levels of substantive representation. The -ing suffix is a word-building meaningful element because suffixes and prefixes cannot be considered independent meaningful units as they refer to the bound morphemes and appear as meaningful linguistic units of a certain level only within the units of a higher level of linguistic hierarchy – lexemes [11, p. 132].

As it follows, gerund as an -ing form is a polyfunctional unit. The process of hypostasis (transfer from a one part-of-speech class to another) is not finished. For considering the word class of the ing-form scientists use syntactic context. To actualize the meaning of a gerund form the collocational and colligational aspects are to be studied within the dialectical approach towards the language [7]. The idea is that the specific dynamic nature of the gerund helps it to fulfil pragmatic tasks of mass media discourse.

RESULTS AND DISCUSSION

More than 200 examples in the articles from the most popular British political

newspapers and magazines such as The Guardian, The Times, The Independent, The Economist, The Week and The Daily Telegraph were studied within the present research. While analyzing the actual material we found out that -ing forms are frequently used for describing political events and current economic situations. The main feature of the -ing forms in the articles in question is polyfunctionality. The form gets verbal or substantive features according to the context in which it is used. To provide the meaning of a process the -ing form gets verbal characteristics. To create the meaning of a notion it performs substantive features. Such usage of polyfunctional units cannot be considered as a rule, but still we can describe this phenomenon as a linguistic trend.

To illustrate this point of view we give several examples of different representations of the wordforms *meeting* and *handling* while being different parts of speech and performing substantive or verbal representations within a syntactic context.

Aside from that whole colonialism thing, Princess Michael of Kent, for example, has made headlines for wearing a racist brooch when meeting with Markle, and she reportedly named her pet black sheep "Venus" and "Serena" [20, URL].

As it follows from the context, the -ing form *meeting* is participle I introduced in the sentence as a clause of time. It denotes simultaneous actions and the -ing form provides continuity to show that all the actions are happening while the meeting is going on. The adjective representation is close to a verbal noun and gerund.

For example:

Trump's role in the production of a misleading statement about the meeting is reportedly part of Mueller's investigation [17, URL].

The present statement demonstrates the realization of the -ing form *meeting* as a verbal noun. The category of the article determines the wordform as a noun. *The meeting* plays part of the prepositional object

and performs the maximum substantive representation of -ing forms.

After the Chequers meeting yesterday Mr Trump travelled to meet the Queen for tea before flying to Ayrshire for a private weekend at his golf resort in Turnberry, where he joined his son, Eric [19, URL].

This example presents a word sequence *after the Chequers meeting yesterday*. *Meeting* still represents substantive characteristics as it is determined by a definite article. But in case the article refers to the proper noun *Chequers*, used in a plural form, we can consider *meeting* here as a half-gerund in the function of the adverbial modifier of time. If it had any dependent elements or adverbs, it would become a gerund.

Another example of the -ing form usage:

Donald Trump denies knowing of Russia meeting and attacks Michael Cohen [17, URL]

Russia meeting is used in a headline without an article in a singular form and is determined by a proper noun *Russia* without a possessive case inflection. According to the syntactic context it cannot be called a gerund, because there are no elements to prove it (a direct object or an adverb). The -ing form can be considered here as a half-gerund. The polyfunctional nature of the -ing form at the example is used to represent more than a simple verbal noun, the -ing form here fulfils the meaning of continuity, the author points out that this *meeting* is a process with consequences. This example shows how the polyfunctionality of the gerund implements the function of the headline. The pragmatic aspect is reached by a significant linguistic unit.

He opened with a blistering attack on Germany for being a "captive" of Russia — about the most obvious case of projection imaginable — and then blasted most of the rest of NATO members for not meeting the standard of spending 2 percent of their economy on the military [21, URL].

The -ing form in the example above is used within a construction *blasted for not*

meeting the standard. The introducer verb *blaster for* invites the gerund *meeting* which has a direct object *the standard* demonstrating verbal characteristics. It is worth noticing the gerund form *meeting* is not used in its basic meaning which is, according to the Oxford Dictionary, ‘arrange or happen to come into the presence or company of (someone)’ [14, URL]. It is used in the meaning ‘fulfil or satisfy (a need, requirement, or condition)’ [14, URL]. The negative particle *not* determines the united meaning of the wordform and denotes ‘they didn’t follow the prescribed rules.’ As we can see the gerund form here substitutes the meaning of a subordinate clause and is used as a semantically-efficient unit.

There are some cases when a part of speech cannot be defined. The polyfunctional nature of the gerund is performed by a ‘half gerund’:

During the summit in Helsinki, Putin appeared to dominate Trump, and the US president faced a storm of criticism at home for his handling of the meeting [17, URL].

Here we can see a half gerund *handling* with a possessive pronoun *his*. Possessive pronouns can be used with both nouns and gerunds, so we can consider *handling* here both as a noun with -ing suffix or as a gerund. The difference between a noun and a gerund is that a gerund represents a grammatical meaning of a process; a noun is mainly used for the nomination of a result or an object [9]. In this case the hypostasis is not finished and even the syntactic context cannot help us to define the grammatical class. The only thing we can define is the substantive nature of -ing form represented in the example. The meaning of the wordform *handling* according to the Oxford Dictionary will be derived from the meaning of the verb *handle*, because there is no special meaning for the wordform *handling*. It denotes ‘manage a situation or problem’. It is worth mentioning that the wordform is not used in its main meaning ‘feel or manipulate with the hands’, as we can see from the root morpheme ‘hand’. It is obvious that the -ing form is used for

achieving the illusion of a continuing process. The author’s intention is to show that it was not just the president’s mistake. He stresses that the whole negotiations were not under the control of Donald Trump. As the author points, Mr Trump allowed Mr Putin to be the leader in the talks. The described reality is transformed by means of the -ing form to express a dynamic process. The linguistic unit forms the picture of talks where the American president does not play the main role.

President’s handling of Benalla scandal met with anger and disappointment outside Paris [18, URL].

Another example of the polyfunctionality of the -ing form. *President’s handling* from the one side, can be a combination of a noun in a possessive case or, from the other side, it is a gerund determined by a noun in a possessive case. The semantic context cannot help us to define a part-of-speech class, but the -ing morpheme brings the meaning of an action in a process. The meaning is the same as in the previous example, but the nature of the -ing form is more substantive as it stays in a function of a subject. It is important that the phrase is used in the article’s headline, so we can see the -ing form substituting a subordinate clause.

Mr Trump referred repeatedly to “a suggestion” that he had given Mrs May for handling the Brexit negotiations, but said: “I think she found it maybe too brutal . . . I can fully understand why she thought it was a little bit tough.” [19, URL].

The construction *had given Mrs May for handling the Brexit negotiation* includes the introducer verb *had given* with a direct object *Mrs May* and a gerund *handling* with a direct object *the Brexit negotiations*. The gerund construction is used here in a rare function – an adverbial modifier of purpose. The nature of the gerund is verbal because of a direct object and it expresses the grammatical meaning of a systematic approach in dealing with the situation, but it still has the function of a noun to support its substantive part. The lexical meaning is the same as in the previous examples – ‘manage a

situation or problem'. The gerund again substitutes the meaning of a subordinate clause and is used as a semantically efficient unit.

CONCLUSIONS

The analysis has shown that in a particular situation, on the level of discourse, the gerund acts as a polyfunctional unit and is used in the discourse for pragmatic reasons to express an action in a process. Constructions obtain substantive or verbal characteristics allowing mass media to influence people's mind. The cognitive nature of the gerund reflects the reality through the description of an action creating a certain impression on the basis of the recipient's world view. Gerund constructions save the meaning while substituting bigger utterances. As it follows, a gerund can be used for fulfilling a complex and important task of mass media discourse – broadcasting the information in the 'right' way, changing people's attitude to the reality, and forming their conceptual system.

Список литературы

Александрова О.В. Проблема дискурса в современной лингвистике // *Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований*, Сб. Калининград, 1999. С. 10-14.

Александрова О.В. Формирование концептуальной картины мира на основании изучения лексико-грамматической системы языка // *Вестн. Моск. ун-та.* / Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. 2014. С. 19-27.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.

Вишнякова О.Д. О роли функционально-когнитивных исследований в теории и практике преподавания языков // *Вестн. Моск. ун-та.* / Сер. 19: *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. № 4. 2016. С. 36-45.

Дейк, Т.А. Ван *Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ* / Под. ред. В.В. Петровой. М.: БГК им. И.А. Бодуэна Де Куртенэ, 1999. 310 с.

Дехнич О.В. Метафорическая модель как способ концептуализации действительности / *Социально-гуманитарные проблемы*

современности: монография / В.Т. Абишева, О.В.Дехнич, Ю.А. Дрыгина и др. Saint-Louis, MO: Publishing House Science and Innovation Center, 2014. 180 с.

Гвишиани Н.Б. *Полифункциональные слова в языке и речи*. М.: Высшая школа, 1979. 201 с.

Добросклонская Т.Г. *Вопросы изучения медиатекстов: учеб. пособие* / Т.Г. Добросклонская. М.: Едиториал УРСС, 2008. 288 с.

Кобрина Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гузеева К.А. *Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис*. СПб.: Союз, 1999. 383 с.

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // *Категоризация мира: пространство и время*. М., 1997.

Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Проблема оценочных характеристик аффиксов (на материале современного английского языка) // *Язык, литература и культура как грани межкультурного общения*. Пльзень: Западнечешский университет. 2017. С. 132-138.

Тер-Минасова С.Г. *Война и мир языков и культур*. М.: СЛОВО, 2008. 342 с.

Dijk T. van *Critical Discourse analysis / The Handbook of Discourse Analysis* / Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers Inc. 2001. P. 349-371.

Oxford University Press, URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 28.07.2018).

Radden G., Dirven R. *Cognitive English Grammar*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2007. 375 p.

Tajima M. *The Syntactic Development of the Gerund in Middle English* // University of Ottawa, 1985. 470 p.

The Guardian, URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jul/27/donald-trump-russia-meeting-michael-cohen> (дата обращения: 27.07.2018).

The Guardian, URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/27/benalla-scandal-france-peripherique-sours-macron> (дата обращения: 27.07.2018).

The Times, URL: <https://www.thetimes.co.uk/edition/news/donald-trump-i-want-post-brexit-trade-deal-with-uk-0hd271760> (дата обращения: 14.07.2018).

The Week, URL:
<http://theweek.com/articles/773012/prince-harry-meghan-markle-abdicate> (дата обращения: 18.05.2018).

The Week, URL:
<http://theweek.com/articles/784423/trump-tearing-down-western-alliance-conservatives-are-cheering> (дата обращения: 13.07.2018).

References

Aleksandrova, O. V. (2014), “The Formation of the Conceptual Picture of the World on the Basis of the Study of Lexical and Grammatical System of the Language”, MSU Vestnik, Series 19: *Linguistics and Intercultural communication*, No. 3, 19-27. [in Russian].

Aleksandrova, O. V. (1999), “The problem of discourse in modern linguistics”, *Kognitivno-pragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovaniy*, Kaliningradskiy gosudarstvenniy universitet, Kaliningrad, Russia, 10-14. [in Russian].

Arutyunova, N. D. (1990), Diskurs [Discourse], *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar*, Sovetskaya Enciklopediya, Moscow, Russia, 136-137. [in Russian].

Vishnyakova, O. D. (2016), ‘On the Role of the Functional Cognitive Research in the Language Teaching Theory and Practice’, MSU Vestnik, 2016, Series 19: *Linguistics and Intercultural communication*, No. 4, 36-45. [in Russian].

Gvishiany, N. B. (1979), *Polifunktional'nye slova v yazyke i rechi* [Polyfunctional Words in Language and Speech], Visshaya shkola, Moscow, Russia. [in Russian].

Dekhnich, O. V. (2014), “The metaphorical model as the way of reality conceptualization”, *Sotsialno-gumanitarnie problem sovremennosti: monografiya*, Abisheva V. T., Dekhnich O. V. and Drigina J. A., Saint-Louis, MO: Publishing House Science and Innovation Center. [in Russian].

Dijk, T. Van (1999), *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication], BGK im. Boduena de Kurtane, Moscow, Russia. [in Russian].

Dobrosklonskaya T.G. *Voprosy izucheniya mediatekstov* [Questions of the Media Texts' Studies]. Moscow, Editorial URSS, 2008, p. 288. [in Russian].

Kobtina, N. A. (1999), *Grammatika angliyskogo yazika. Morfologiya. Sintaksis* [Grammar of the English Language. Morphology.

Syntax] in Kobrina N.A., Korneeva E.A., Ossovskaya M.I., Guseeva K.A., Soyuz, Saint Petersburg, Russia. [in Russian].

Kubryakova, E. S. and Aleksandrova, O. V. (1997), *Vidy prostranstv teksta i diskursa* [The Types of Spaces of Text and Discourse], Dialog MGU, Moscow, Russia, 19-20. [in Russian].

Prokhorova, O. N. and Chekulai, I. V. (2017), “The problem of affixal evaluation characteristic features (based on the material of the modern English language”, *Language, literature and culture as domains of intercultural communication*, Zapadnocheshkiy universitet, Plzenn, 132-138. [in Russian].

Ter-Minasova, S. G. (2008), *Voina i mir yazykov i kultur* [War and Peace of Languages and Cultures], SLOVO, Moscow, Russia. [in Russian].

Dijk, T. van (2001), Critical Discourse analysis, *The Handbook of Discourse Analysis*, Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers Inc, 349-371. [in English].

Oxford University Press, URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (Accessed 28 July 2018). [in English].

Radden, G. and Dirven, R. (2007), *Cognitive English Grammar*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. [in English].

Tajima, M. (1985), *The Syntactic Development of the Gerund in Middle English*, University of Ottawa. [in English].

The Guardian, URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jul/27/donald-trump-russia-meeting-michael-cohen> (Accessed 27 July 2018). [in English].

The Guardian, URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/27/benalla-scandal-france-peripherique-sours-macron> (Accessed 27 July 2018). [in English].

The Times, URL: <https://www.thetimes.co.uk/edition/news/donald-trump-i-want-post-brexit-trade-deal-with-uk-0hd271760> (Accessed 14 July 2018). [in English].

The Week, URL: <http://theweek.com/articles/773012/prince-harry-meghan-markle-abdicate> (Accessed 18 July 2018). [in English].

The Week, URL: <http://theweek.com/articles/784423/trump-tearing-down-western-alliance-conservatives-are-cheering> (Accessed 13 July 2018). [in English].

*Конфликты интересов: у авторов нет
конфликта интересов для декларации.*

*Конфликты интересов: у авторов нет
конфликта интересов для декларации.*

*Conflicts of Interest: the authors have no
conflict of interest to declare.*

Добродных Татьяна Анатольевна,
ассистент кафедры переводоведения и
межкультурной коммуникации.

Tatiana A. Dobroradnykh, Assistance
Lecturer of the Department of Translation and
Intercultural Communication.

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4

Зубарева Е. О.

**Концепт «мигрант» в миграционном дискурсе
(на материале свободного ассоциативного эксперимента)**

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
ул. Букирева, д. 15. Пермь, 6149909, Россия.
E-mail: fialka21-85@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8212-8929

*Статья поступила 30 октября 2018 г.; Принята 15 ноября 2018 г.;
Опубликована 31 декабря 2018 г.*

Аннотация. В предлагаемой статье исследуется миграционный дискурс с позиций концептуального подхода. Миграционный дискурс рассматривается как вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры и социальные агенты, а также как идеологический конструкт, с помощью которого формируется определенная позиция общества и отношение к мигрантам. В связи с этим используются определенные речевые приемы, тактики, стратегии, характеризующие особенности миграционного дискурса. Главным инструментом анализа миграционного дискурса выступает его базовый концепт «мигрант», модель которого является объектом исследования. Предметом анализа является выявление парадигматических, синтагматических типов отношений структуры изучаемого концепта, а также тематический анализ концептуального поля. Методом исследования послужил свободный ассоциативный эксперимент. Данный экспериментальный метод позволяет разработать модель концепта «мигрант», выявить парадигматические и синтагматические типы отношений в ассоциативном поле, реализовать тематический анализ полученного материала. Цель данной статьи представить модель концепта «мигрант» на основе ассоциативных реакций синтагматического и парадигматического типов отношений и выделить тематические группы как актуальные топики миграционного дискурса. Концепт «мигрант» выступает в качестве основного социального агента миграционного дискурса.

Ключевые слова: концептуальный подход, миграционный дискурс, концепт "мигрант", ассоциативный эксперимент, парадигматический тип отношений, синтагматический тип отношений, тематические группы.

Информация для цитирования: Зубарева Е. О. Концепт «мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 29-41. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4

Ekaterina O. Zubareva

**Concept "MIGRANT" in migration discourse
(on the material of a free associative experiment)**

Perm State National Research University,
15 Bukirev St., Perm, 6149909, Russia
E-mail: fialka21-85@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8212-8929

Received 30 October 2018; Accepted 15 November 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The article deals with migration discourse from the standpoint of the conceptual approach. Migration discourse is considered as a type of social practice, as it is formed by social structures and social agents, as well as an ideological construct, which is formed by a certain position of society and attitude to migrants. In this regard, certain speech techniques, tactics, strategies are used as special features of migration discourse. The main tool of the analysis of migration discourse is its basic concept "migrant", whose model is the object of the study. The subject of the analysis is the identification of paradigmatic, syntagmatic types of relations of the structure of the concept under study, as well as thematic analysis of the conceptual field. The research method is a free associative experiment. This experimental method allows to develop a model of the concept "migrant", to identify paradigmatic and syntagmatic types of relations in the associative field, to implement a thematic analysis of the material. The purpose of this article is to present a model of the concept "migrant" on the basis of associative reactions of syntagmatic and paradigmatic types of relations and to identify thematic groups as main topics of migration discourse. The concept "migrant" is the main social agent of migration discourse.

Key words: conceptual approach; concept "migrant"; migration discourse; associative experiment; paradigmatic type of relations; syntagmatic type of relations; thematic groups.

Information for citation: Zubareva, E. O. (2018), "Concept "MIGRANT" in migration discourse (on the material of a free associative experiment)", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 29-41, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4

Введение

Процесс глобализации и постоянно растущие миграционные потоки обусловили большой интерес к изучению миграционного дискурса. Миграция является основной причиной изменения титульного языка. Принимающее общество неизбежно вбирает те или иные фонетические, лексические и грамматические языковые особенности (Kerswill, 2006; Piller, 2016; Silbereisen, 2016). Например, У. Хинрихс изучает влияние мигрантов на немецкий язык, отмечая, что мигранты допускают большое количество ошибок. Самые распространенные ошибки в устной речи постепенно перенимают носители языка. Он определяет, что самую большую

сложность, для изучающих немецкий язык, составляют артикли, мигранты упрощают язык и опускают артикли, что и начали делать коренные немцы (Hinrichs, 2013). Существует и обратный процесс, мигранты одной национальности, проживающие в разных странах, перенимают некоторые особенности титульного языка, поэтому язык мигрантских сообществ, проживающих на разной территории, будет отличаться. Трансформация титульного языка или влияние титульного языка на язык мигрантов — это лишь один из возможных аспектов изучения миграционного дискурса. Языковая безопасность и конфликтогенность, языковая адаптация мигрантов, языковая агрессия, языковое сознание мигранта и

носителя языка, особенности языковой политики и многие другие аспекты могут быть включены в модель миграционного дискурса.

Актуальность изучения миграционного дискурса подтверждается работами отечественных и зарубежных исследователей. В.И. Мукомеля считает, что миграционный дискурс находится на стыке с политическим дискурсом и обладает всеми присущими ему признаками и особенностями, внутри миграционного дискурса он отдельно выделяет чиновничий дискурс и дискурс публичных политиков (Мукомеля, 2011). Миграционный дискурс изучается в аспекте метафорического анализа, по результатам которого выделяются четыре основные группы метафор, формирующие миграционные дискурсы: военные, товарно-вещевые, театральные и метафоры, олицетворяющие природные катастрофы и стихийные бедствия (Нестерова, Бурова, 2006). Е. Гугенбергер изучает язык галицийских мигрантов в детстве и юности до настоящего времени, что помогает выявить языковые модели речевого поведения (Gugenberger, 2018, P. 18-19). Зарубежные лингвисты рассматривают миграционный дискурс как главную составляющую миграционной лингвистики. (Krefeld, 2004; Discher, 2015).

Миграционный дискурс рассматривается как вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные агенты, участники, вовлеченные в социальные процессы, также мы учитываем, что миграционный дискурс представляет собой речевую деятельность, включающая лингвистические и экстралингвистические аспекты (Charaudeau, 1983, p. 28). Стоит отметить, что миграционный дискурс выступает еще и в роли идеологического конструкта, с помощью которого формируется определенная позиция общества и отношение к мигрантам, используются определенные речевые приемы, тактики,

стратегии, характеризующие особенности миграционного дискурса (Dijk, 2008).

В данной статье миграционный дискурс изучается с позиций концептуального подхода и трактуется как набор ключевых концептов, так называемых "топиков" дискурса, которые помогают раскрыть его сущность и содержание (Демьянков, 2003, с. 130), а базовые концепты могут выступать в качестве инструмента анализа того или иного дискурса (Слышкин, 2000, с. 38-39).

Основным социальным агентом и соответственно базовым концептом миграционного дискурса является «мигрант». Концепт рассматривается как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц-репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» (Пименова, 2004, с. 10).

Методом исследования является свободный ассоциативный эксперимент, который был проведен среди граждан Российской Федерации. Информантам предлагалось написать неограниченное количество ассоциаций на слово-стимул «мигрант». Объект настоящего исследования – модель концепта «мигрант», представленная на основе полученных данных эксперимента, предмет – специфика ассоциативных связей парадигматического и синтагматического типов отношений, а также тематический анализ реакций. Подобный подход обработки данных ассоциативного эксперимента используется в работах многих исследователей, например, И.Г. Овчинникова проводила ассоциативный эксперимент, изучая ментальный лексикон детей в развитии.

Исследователь приходит к выводу, что с возрастом уменьшается количество парадигматических типов ассоциаций, возрастают синтагматические типы ассоциаций и увеличиваются тематические ассоциации (Овчинникова, 2006). Рекламный дискурс так же изучается через выявление синтагматических, парадигматических типов отношений и тематического анализа полученных данных (Шустова, 2016). Зарубежные лингвисты, изучая миграционный дискурс, широко используют описанную модель обработки ассоциаций в своих исследованиях (Singleton, 2013; Geraghty, 2014; Eddington, 2009; Sprachen..., 2011). Цель данной статьи представить модель концепта «мигрант» как основного социального агента миграционного дискурса.

В рамках антропоцентрической парадигмы ассоциативный эксперимент, предложенный К.Г. Юнгом, вначале XX в. (Большой психологический словарь, 2004, с. 37) является одним из перспективных методов изучения структуры концепта, так как позволяет изучать функционирование языка в реальной коммуникации. Данный экспериментальный метод позволяет актуализировать модель концепта «мигрант» на конкретном историческом этапе развития общества и установить определенные типы отношений между словом — стимулом и реакциями.

Основная часть

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен без количественного ограничения, двумя способами для получения наиболее объективные данных. Информанты были разделены на две группы, первой группе предлагался метод визуализации, то есть готовая карточка с написанным словом-стимулом «мигрант», второй группе предлагался метод слухового восприятия слова-стимула. В эксперименте приняли участие 180 граждан Российской Федерации, студенты, обучающиеся на факультете современных иностранных

языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета. От каждого информанта были получены от 2 до 14 реакций, общее количество ассоциаций составило 1168 ассоциаций. Студенты являются, так называемой, «социально перспективной группой», которая в ближайшем будущем будет определять базовые социальные тенденции (Ерофеева, 2015, с. 85). Именно поэтому представления молодежи особенно важны и интересны, так как именно их взгляды определяют будущее.

Проанализировав полученные реакции на слово-стимул «мигрант», мы выявили синтагматические и парадигматические типы отношений актуализированных ассоциатов и расположили их с указанием частотности и в порядке убывания.

Ассоциаты, актуализирующие синтагматический тип отношений:
приезжий (14) / черный, нелегальный, рабочий (5) / чужой (4) / бедный (3) / чернокожий, наглый, хитрый, интересный, переезжать, кочующий, нерусский, агрессивный, голодный (2) / пострадавшие, нуждающиеся, безработный, спасающийся, выживающий, ищущий, уезжать, работающий, трудовой, иной, неместный, понаехавший, загорелый, темнокожий, некрасивый, немолодой, грязный, оборванный, неопрятный, нежеланный, жадный, злой, грубый, плохой, дикий, неприятный, опасный, недовольный, скрытный, замкнутый, богатый, небогатый, отчаявшийся, отчаянный, беспомощный, обездоленный, непьющий, тихий, задорный, любвеобильный, веселый, необычные, преследуемый, бессемейный, многодетный, одинокий, плохо говорящий, больной, наблюдающий, нищий, бегущий, сбежавший, зарубежный (1).

Ассоциаты, актуализирующие парадигматический тип отношений:
иностранец (40) / работа (30) / переезд, беженцы (27) / страна (15) / проблемы, граница, паспорт (13) / адаптация (12) /

виза (11) / Европа, документы (10) / человек (9) / помощь, путешественник, преступность, война, бедность, трудности политика, религия (8) / Германия, гастарбайтер, гражданство, клан, деньги путешествие, язык, конфликт (7) / новизна, переселение, учеба, заработок, таджик, люди (6) / бегство, дом, Сирия, грязь, строитель, расизм, опасность, нелегал, Родина (5) / агрессия, безработица, государство, Азия, страх, эмигрант, акцент, США, дорога, безденежье, жилье (4) / бедствие, торговля, бизнес, выживание, заграница, толерантность, возможности, дворник, поиск, дорожник, чемоданы, гражданин, азиат, замужество, знакомство, узбек, беспорядки, перемещение, водитель, мусульманство, недопонимание, неприязнь, криминал миграция, транспорт, семья, путешествие (3) / мужчина, зарубежье, кризис, страдание, таможня, волнение, мечта, чужбина, будущее, жизнь, территория, труд, разнорабочий, футболист, голод, Африка, земля, выходец, гость, незнакомец, турист, искатель, чурка, предатель, пособие, хиджаб, наглость, негатив, ущемление, насилие, наркомания, непонимание, смелость, права, дети, латиноамериканец, армяне, фрукты, шаурма, ислам, террористы, взрыв, вторжение, наплыв, регистрация, приют, болезнь, этноцентризм, новости, изгнание, безысходность, вынужденность, эмиграция, неприятие, ассимиляция, сложности, загранипаспорт, нищета, Америка, путь, общение, религиозность, диаспора, вера, мусульманин (2) / обычаи, традиции, неустроенность, нужда, нестабильность, спасение, усталость, потеря, тревога, стресс, смятение, разочарование, отчужденность, неудобства, перемены, начало, опыт, приключения, перспективы, цель, перепоселение, скитания, даль, отъезд, выезд, въезд, возвращение, гринкарта, Запад, Восток, Ирак, Иран, Россия, Франция, Москва, Евросоюз, Италия,

Обама, Трамп, Меркель, работник, таксист, стройка, ремонт, асфальт, предприниматель, выгода, университет, студент, просвещение, лодка, поезд, аэропорт, чужестранец, чужеземец, чужак, поселенец, космополит, иммигрант, маргинал, скиталец, странник, кочевник, житель, отшельник, первооткрыватель, мечтатель, хач, хачик, диссидент, изгой, обуза, мусор, варвар, шахид, фетишист, приспособленец, отступник, бедолага, бесполезность, уважение, отторжение, снисходительность, настороженность, недоверие, ненавидеть, ненависть, сопереживание, миллиардер, бедняк, незащищенность, унижение, ответственность, решительность, правонарушение, наркотики, разбои, тюрьма, незаконность, беззаконие, население, популяция, неприятность, неуважение, многоженство, араб, мексиканец, цыган, кавказец, итальянец, плов, доширак, разруха, экстремизм, революция, теракт, бомба, столкновение, насилие, иго, орда, массовость, перенаселение, заповенение, волна, глобализация, интеграция, мультикультуризм, обмен, билингв, неграмотность, коммуникация, история, время, палатки, лагерь, убежище, космополитизм, режим, криминал, экономика, ностальгия, разлука, птица, соседи, друзья, круговорот, измена, быт, шум, бюрократия, зима, запах, неприятительность, стереотип, очередь, неизвестность, мост, непостоянство, ограниченность, отказ, вежливость, улица, город, мегаполис, торг, торгоши, рынок, движение, нация, вероисповедание, поездка, экономика, депортация, география, образование, поведение, национальность, еда, терроризм, культура, закон (1).

Ассоциаты, актуализирующие синтагматико-парадигматический тип отношений: смена места жительства (7) / поиск лучшей жизни, культурный шок (6) / Ближний восток, другая культура, другой язык (5) / рабочая сила, большая семья,

новая культура, языковой барьер, политическое убежище (4) / нехватка рабочих мест, новая жизнь, поиск работы, новое знакомство, обмен культурами (3) / тоска по родине, покинуть родину, паспортный стол, Ближнее зарубежье, неквалифицированный труд, низкоквалифицированный труд, рабочие руки, низкооплачиваемая работа, низкая зарплата, необычная внешность, ущемление прав, другой менталитет, культурные разногласия, незнающий языка, русский язык, иностранный язык, вид на жительство (2) / сложная жизненная ситуация, собачья жизнь, желание заработать, зона риска, второй шанс, новый опыт, новый мир, новые впечатления, новое место, ищущий новый дом, желание изменить жизнь, повышение уровня жизни, условия жизни, новые условия, лучшая жизнь, социальные службы, миграционная служба, миграционный центр, чужая страна, смена страны, большое расстояние, Зарубежные страны, Восточные страны, Арабские страны, рабочее место, неквалифицированная работа, физический труд, дешевая рабочая сила, делает черную работу, сфера обслуживания, центральный рынок, оранжевая жилетка, незванный гость, не патриот, специфичная внешность, иная внешность, средних лет, непристойное поведение, настороженное отношение, негативное отношение, жалко, нуждающийся в помощи, нуждающийся в защите, недовольство населения, проблемы с законом, лицо без гражданства, физическое лицо, пренебрежение правилами, неуважение к окружающим, неуважение к девушкам, наигранное дружелюбие, любовь к детям, фиктивный брак, богатый жених, другая национальность, узбекская кухня, этнический конфликт, миграционные потоки, умение приспособливаться, привыкание к новой жизни, культурная ассимиляция, принятие культуры, взаимодействие культур, иная культура, чужая культура, культурные различия,

смена порядка, в чужой монастырь со своим уставом, новый язык, изучение языка, иностранная речь, сложность в понимании, другие традиции, необычные увлечения, длительный срок, без определенного места жительства, отсутствие жилья, строительные вагончики, отток умов, утечка мозгов, научная деятельность, инфекционное заболевание, миграционная политика, неудовлетворенность политикой, политический режим, перелетная птица, средневековые взгляды.

Среди парадигматических и синтагматических типов отношений можно дополнительно выделить:

парадигматический тип отношений, актуализирующий синонимические отношения: проблема – сложности - трудности, паспорт – загранпаспорт, клан – диаспора, США – Америка, бедность – нищета – безденежье – нужда, дорога – путь, преступность – криминал, заграница – зарубежье, непонимание – недопонимание, безысходность – вынужденность, неприязнь – негатив – неприятие – отторжение, общение – коммуникация, обычаи – традиции, тревога – стресс – смятение, возможности – перспективы, переселение – перепоселение, отъезд – выезд, хач – хачик, решительность – смелость, город – мегаполис, движение – перемещение, наплыв – заповенение, иго – орда, население – люди – популяция, грязь – мусор, территория – государство – земля, таксист – водитель, наркомания – наркотики, ассимиляция – интеграция, нация – национальность, религия – религиозность – вера – вероисповедание;

синтагматический тип отношений, актуализирующий синонимические отношения: черный – чернокожий, бедный – нуждающийся – нищий – небогатый, рабочий – работающий, чужой – иной, приезжий – неместный – понаехавший, загорелый – темнокожий, агрессивный – злой, неопрятный –

оборванный — грязный, задорный — веселый, отчаявшийся — отчаянный, бегущий — сбежавший, необычный — интересный, бессемейный — одинокий;

парадигматический тип отношений, актуализирующий антонимические отношения: *въезд — выезд, дом — чужбина, миллиардер — бедняк, уважение — неуважение, толерантность — неприязнь;*

синтагматический тип отношений, актуализирующий антонимические отношения: *бедный — богатый, безработный — работающий, тихий — агрессивный, бессемейный — многодетный;*

парадигматический тип отношений, актуализирующий отношения подобия: *иностранец, переселенец, поселенец, эмигрант, иммигрант, турист, беженец, путешественник, гастарбайтер, выходец, гость, незнакомец, бедолага, отступник, приспособленец, варвар, шахид, фетишист, изгой, диссидент, отшельник, кочевник, странник, скиталец, маргинал, космополит, чужестранец, чужеземец, чужак, искатель, предатель, чурка, нелегал, хач, хачик, диссидент, изгой, приспособленец, отступник, бедолага.*

Среди синтагматических типов отношений также, в свою очередь, выделяются:

оценочно-признаковые отношения: *приезжий (14) / черный, нелегальный, рабочий (5) / чужой (4) / бедный (3) / чернокожий, наглый, хитрый, интересный, кочующий, нерусский, агрессивный, голодный (2)/пострадавшие, нуждающиеся, безработный, спасающийся, выживающий, ищущий, работающий, трудовой, иной, неместный, понаехавший, загорелый, темнокожий, некрасивый, немолодой, грязный, оборванный, неопрятный, нежеланный, жадный, злой, грубый, плохой, дикий, неприятный, опасный, недовольный, скрытный, замкнутый, богатый, небогатый, отчаявшийся, отчаянный,*

беспомощный, обездоленный, непьющий, тихий, задорный, любвеобильный, веселый, необычные, преследуемый, бессемейный, многодетный, одинокий, плохо говорящий, больной, наблюдающий, нищий, бегущий, сбежавший, зарубежный (1);

синтаксические отношения: *переезжать, уезжать.*

Помимо вышеуказанных типов реакций, выделена еще одна цитатная реакция: *в чужой монастырь со своим уставом не ходят.*

Проведенный эксперимент показал, что структура модели концепта «мигрант» выглядит следующим образом:

парадигматические типы отношений – 74 %, ядро составляют: *иностранец (40) / работа (30) / переезд, беженцы (27) / страна (15) / проблемы, граница, паспорт (13) / адаптация (12) / виза (11) / Европа, документы (10) / человек (9) / помощь, путешественник, преступность, война, бедность, трудности политика, религия (8) / Германия, гастарбайтер, гражданство, клан, деньги путешествие, язык, конфликт (7) / новизна, переселение, учеба, заработок, таджик, люди (6) / бегство, дом, Сирия, грязь, строитель, расизм, опасность, нелегал, Родина (5) / агрессия, безработица, государство, Азия, страх, эмигрант, акцент, США, дорога, безденежье, жилье (4);*

синтагматические типы отношений – 10 %, ядро: *приезжий (14) / черный, нелегальный, рабочий (5) / чужой (4);*

синтагматико-парадигматические типы отношений – 16 %, наиболее частотные реакции: *смена места жительства (7) / поиск лучшей жизни, культурный шок (6) / Ближний восток, другая культура, другой язык (5) / рабочая сила, большая семья, новая культура, языковой барьер, политическое убежище (4).*

Синтагматический тип отношений обеспечивает развертывание и структурирование высказывания, а парадигматический — выбор лексем и словоформ (Овчинникова, 2006, с. 87).

Синтагматические типы отношений представлены в меньшем объеме, но именно в них, «отражается речетворческая установка носителей языка на речевые реакции» (Тойм, 1997, с. 68), модель концепта «мигрант» представлена в большей степени единицами-репрезентатами и их основными характеристиками. Количество полученных ассоциатов демонстрирует, что концепт «мигрант» представляет собой актуальный общественный феномен, содержащий речетворческий потенциал.

Помимо синтагматических и парадигматических типов отношений, также выделяется и тематический тип отношений. Нами произведен тематический анализ, который отражен в укрупненных группах, схожие по смыслу реакции были объединены, например, *агрессия* и *агрессивный*, *опасный* и *опасность*, *рынок* и *центральный рынок*, *Америка* и *США* и т.д. В результате обработки материала выявлены следующие тематические группы:

Номинации (нейтральные) (165): *иностранец (40), беженцы (27), приезжий (14), человек (9), гастарбайтер (7), переселенец (6), люди (6), чужой (4), эмигрант (4), рабочая сила (4), кочевник (3), гражданин (3), гость (2), другой (2), нерусский (2), выходец (2), рабочие руки (2), незнакомец (2), искатель (2), иной, чужестранец, чужеземец, чужак, поселенец, космополит, иммигрант, маргинал, скиталец, странник, житель, отшельник, первооткрыватель, неместный, мечтатель, оранжевая жилетка, лицо без гражданства, физическое лицо, богатый жених, иго, орда, соседи, друзья бедолага;*

причины миграции (82): *проблемы (23), поиск лучшей жизни (9), безработица (4), выживание (4), бегство (3), бедствие (3), поиск работы (3), нехватка рабочих мест (3), изгнание (2), безысходность (2), мечта (2), вынужденность (2), спасение (2), кризис (2), новый опыт (2), нестабильность, неустроенность,*

усталость, депортация, неудобства, второй шанс, приключения, новые впечатления, цель, желание изменить жизнь, повышение уровня жизни поиск работы условия жизни, сложная жизненная ситуация, собачья жизнь;

перемещение (60): *переезд (27), переселение (6), миграция (3), дорога (3), переезжать (2), эмиграция (2), наплыв (2), перемещение (2), вторжение, перепоселение, движение, скитания, путь, отъезд, выезд, уезжать, въезд, возвращение, перенаселение, заповенение, волна;*

качества (41): *опасный (6), агрессивный (6), наглый (5), хитрый (3), интересный (3), смелость (2), жадный, злой, грубый, плохой, дикий, скрытные, замкнутые, непьющий, тихий, задорный, любвеобильный, веселый, необычные, вежливость, ответственность, решительность;*

профессия и сфера деятельности (37): *строитель (5), рабочий (5), рынок (5), дворник (3), дорожник (3) бизнес (3), разнорабочий (2), футболист (2), таксист, водитель, торговля, сфера обслуживания, стройка, ремонт, предприниматель, делает черную работу;*

язык и коммуникация (36): *язык (7), другой язык (5), языковой барьер (4), акцент (4), незнающий языка (2), русский язык (2), иностранный язык (2), непонимание (2), билингв, новый язык, изучение языка, иностранная речь, плохоговорящий, сложность в понимании, коммуникация, общение;*

документы (35): *паспорт (11), виза (11), документы (10), загранпаспорт (2), гринкарта;*

города и страны (34): *Европа (10), Германия (7), Сирия (5), США (4), Африка (2), Ирак, Иран, Россия, Франция, Москва, Италия;*

нарушение закона (34): *нелегальный (10), преступность (8), наркотики (3), беспорядки (3), насилие (2), преследуемый, правонарушение, криминал, разбой,*

тюрьма, незаконность, проблемы с законом, беззаконие;

культура (30): чужая культура (7), культурный шок (6), новая культура (4), культура (3), обмен культурами (3), культурные разногласия (2), культурная ассимиляция, интеграция, принятие культуры, взаимодействие культур, культурные различия;

номинации (уничжительные) (24): черный (5), предатель (2), чурка (2), хачик (2), понаехавший, незванный гость, диссидент, изгой, не патриот, обуза, мусор, варвар, шахид, фетишист, приспособленец, отступник, торгаши;

отношение (24): расизм (5), толерантность (3), негативное отношение (3), ненависть (2), неприятие, неприязнь, уважение, настороженное отношение, отторжение, снисходительность, осторожность, недоверие, жалко, сопереживание, недовольство населения;

материальное положение (23): бедность (5), голод (4), бедный (3), нищета (2), нужда (2), нищий, богатый, миллиардер, небогатый, бедняк, безденежье, обездоленный;

путешествие (22): путешественник (8), путешествие (7), чемоданы (3), поездка (2), турист (2);

национальность (22): таджик (6), азиат (3), узбек (3), латиноамериканец (2), армяне (2), цыган, араб, мексиканец, кавказец, итальянец;

внешность и возраст (22): специфичная внешность (6), грязный (6), чернокожий (3), загорелый, темнокожий, некрасивый, средних лет, немолодой, оборванный, неопрятный;

политика (22): политика (8), политическое убежище (4), миграционная политика, убежище, неудовлетворенность политикой, политический режим, режим, космополитизм, мультикультуризм, Трамп, Обама, Меркель;

новые возможности (21): новизна (6), новая жизнь (3), возможности (3), будущее (2), перемены, начало, новый мир,

перспективы, новое место, новые условия, лучшая жизнь;

жилье (21): смена места жительства (7), жилье (4), вид на жительство (2), приют (2), без определенного места жительства, ищущий новый дом, отсутствие жилья, строительные вагончики, палатки;

адаптация (17): адаптация (12), умение приспособливаться (2), ассимиляция (2), привыкание к новой жизни;

семейное положение (16): большая семья (4), многодетный (4), семья (3), безсемейный, дети, любовь к детям, многоженство, одинокий;

переживания, которые испытывает мигрант (15): страх (4), страдание (3), волнение (2), потеря, тревога, стресс, смятение, разочарование ностальгия;

религия (15): вера (6), мусульманин (5), религия (2), ислам (2);

образование (11): учеба (6), образование, студент, просвещение, университет, научная деятельность;

еда (7): фрукты (2), шаурма (2), узбекская кухня, доширак, плов;

поведение (6): непристойное поведение, пренебрежение правилами, неуважение к окружающим, неуважение к девушкам, наигранное дружелюбие неуважение, в чужой монастырь со своим уставом;

транспорт (6): транспорт (3), лодка, поезд, аэропорт;

социальные службы (5): паспортный стол (2), социальные службы, миграционная служба, миграционный центр;

терроризм (5): террористы (2), взрыв (2), бомба.

В ходе обобщения данных ассоциативного эксперимента было сформировано 30 тематических групп, что доказывает многогранность и многоаспектность концепта «мигрант». Самой большой группой является «Номинации», что вполне объяснимо, так

как информанты всегда в первую очередь называли синонимы. Большой объем тематических групп «Номинации» и «Перемещение» также объясняются тем, что в большинстве словарей дается следующее определение «мигрант»: *“лицо, совершающее миграцию, то есть пересекающее границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства навсегда или на более или менее длительное время”* (Демографический энциклопедический словарь, 1985, с. 289), *@лицо, совершающее переселение, меняющее место жительства внутри страны или переезжающее из одной страны в другую, чаще всего из-за экономической, политической, национально-правовой нестабильности@* (Комлев, 2006), то есть человек, который перемещается. В основном самые первые реакции у информантов были представлены многочисленными синонимами. Интересно отметить, что второй по численности тематической группой является «Причины миграции», это доказывает, что российскую общественность волнует процесс миграции, русские задумываются и пытаются понять, почему происходит увеличение миграционных потоков в мире, и, что заставляет людей покидать родную страну. Группы «Профессия и сфера деятельности», «Материальное положение» демонстрируют, что российские студенты воспринимают мигранта как иностранного работника, который приезжает на заработки. Тематические группы «Качества», «Семейное положение» и «Поведение» показывают, что мигрант это, в первую очередь, живой человек, индивидуальность, который обладает как негативными, так и положительными качествами, который живет обычной жизнью, так как все ассоциации данных групп можно применить к любому человеку независимо от его национальной принадлежности. Группы «Национальность» и «Религия» демонстрируют тот

факт, что мигрант воспринимается на контрасте, отличный от русского, ярко проявляется признак «свой – чужой». Такие группы как «Терроризм» и «Нарушение закона» объясняют достаточно настороженное и недоверительное отношение к мигрантам, подтверждая, что мигрант воспринимается как чужой или другой. Группы «Язык и коммуникация», «Адаптация», «Культура» свидетельствуют, что российскому обществу важно, чтобы мигрант полностью растворился в титульной нации, знал и разговаривал на языке носителя, полностью принял национальную культуру, так он проявляет уважение к конкретному обществу или группе. Группы «Политика» «Документы» и «Социальные службы» отражают непосредственно политический аспект, миграционные потоки регулируются законами страны, миграционная политика формирует через СМИ определенный образ мигранта и общество этот образ воспринимает по-разному, эти группы можно соотнести с реальной действительностью в России, любые документы оформляются через специальные службы и порой это действительно достаточно долгий процесс.

Заключение

Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент позволил выявить широкий набор языковых средств, репрезентирующих концепт «мигрант» как базовую категорию миграционного дискурса, что позволило представить модель концепта в аспекте актуализации парадигматических и синтагматических типов отношений. Самую большую группу составляют парадигматические типы отношений, выраженные синонимическими и антиномическими рядами, а также отношениями подобия. Синтагматические типы отношений также представлены синонимическими и антиномическими рядами и включают оценочно-признаковые характеристики. Синтагматические типы отношений

представлены в основном синтаксической моделью имя существительное + имя прилагательное.

Выделение тематических групп в концептуальном поле «мигрант» способствовало определению актуальных тем или топиков миграционного дискурса. Каждый топик может стать предметом самостоятельного исследования.

Количество реакций и проведенный анализ показывает, что исследуемый концепт представляет собой творческий и динамичный феномен, является коммуникативно-релевантным для российского общества. Структура концепта «мигрант» многообразна и содержательна, а это, в свою очередь, открывает широкие перспективы для изучения миграционного дискурса в целом.

Список литературы

Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 672 с.

Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. 608 с.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 116-133.

Ерофеева Е.В., Белоусов К.А. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов) // Политическая лингвистика, Уральский государственный педагогический университет, №3. 2015. С. 80-89.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006. 669 с. URL:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21422/МИГРАНТ (дата обращения 23.10.2018).

Мукомеля В.И. Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. Вып. 10. М. ; СПб. : Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 86-108.

Нестерова Я.А., Бутова Е.А. К вопросу об особенностях употребления метафор в миграционном дискурсе Германии, Австрии, Англии и Америки // Российский гуманитарный журнал, Т. 5, № 6, 2006. С. 565-570.

Овчинникова И.Г. Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности, № 4, 2006. С. 85-92.

Пименова М.В. Предисловие. Введение в когнитивную лингвистику. Выпуск 4. Кемерово: Наука, 2004. 208 с.

Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 38-45.

Тойм К. Сравнительный анализ словесных ассоциаций в разных языках // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, Вып. 429, 1977. С. 52-71.

Шустова С.В. Рекламный дискурс и рекламный текст: к вопросу о функциональном потенциале. Пермь: АНО ВО "Пермский институт экономики и финансов", 2016. 96 с.

Charaudeau P. Langage et discours. Paris: Hachette, 1983. 176 p.

Discher C. Sprachkontakt, Migration und Variation: Die frankophone Integration von Rumänien in Paris nach 1989. BoD – Books on Demand, 2015. 272 p.

Eddington D. Quantitative and Experimental Linguistics. LINCOM-Verlag, 2009. 419 p.

Hinrichs U. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. Beck, München, 2013. 591 p.

Geraghty B., Conacher J. Intercultural Contact, Language Learning and Migration. Bloomsbury Publishing, 2014. 224 p.

Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien. 2018. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения 09.09.2018).

Kerswill P. Migration and language // Klaus Mattheier, Ulrich Ammon & Peter Trudgill (eds.) Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international

handbook of the science of language and society, 2nd edn., Vol 3. Berlin: De Gruyter. 2006. P. 2271-2285.

Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Gunter Narr Verlag. Tübingen. 2004. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения 15.09.2018).

Piller I. Language and Migration. London: Routledge, 2016. 1600 p.

Silbereisen K., Titzmann P.F. The Challenges of Diaspora Migration: Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany. London: Routledge, 2016. 354 p.

Singleton D., Regan V. Linguistic and Cultural Acquisition in a Migrant Community. Multilingual Matters, 2013. 199 p.

Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Hrsg von Th. Stehl. Universitätsverlag Potsdam, 2011 URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения 01.10.2018).

Van Dijk Teun A. Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies / Teun A. Van Dijk. Houndsmills: Palgrave MacMillan, 2008. 320 p.

References

Bolshoy psihologicheskyy slovar (2004), [Great psychological dictionary] in B. G. Meshcheryakov and V. P. Zinchenko (ed.), OLMA-PRESS, Moscow, Russia. [in Russian].

Demografichesky ehntsiklopedicheskyy slovar (1985), [Demographic encyclopedic dictionary], Soviet encyclopedia, Moscow, Russia. [in Russian].

Demyankov V. Z. (2003), "Interpretation of political discourse in mass media", *Yazyk SMI kak obejkt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya*, Moscow, Russia, 116-133. [in Russian].

Erofeeva, E. V. and Belousov, K. A. (2015), "Semantic models of modern ideas about Russia (on the material of psycholinguistic experiments of different types)", *Politicheskaya lingvistika*, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, 3, 80-89. [in Russian].

Komlev, N. D. (2006), *Slovar inostrannykh slov*, [Dictionary of foreign words], Russia, [Online], available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21422/МИГРАНТ (Accessed 23 October, 2018).

Mukomel, V. I., (2011), "Russian discourses on migration: "the zero years"" *Reforming Russia: Yearbook-2011*, in academician of the Russian Academy of Sciences M. K. Gorshkov (ed.), Institute of Sociology, RAS, Nestor-History, Moscow, Russia, 10, 86-108. [in Russian].

Nesterova, Y.A. and Burova, E.A. (2006), The peculiarities of the use of metaphors in immigration discourse in Germany, Austria, England and America, *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 5(6), 565-570. [in Russian].

Ovchinnikova, I. G. (2006), Structure of mental lexicon: age dynamics of associative connections, *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 4, 85-92. [in Russian].

Pimenova, M. V. (2004), *Predislovie. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku*, [Preface. Introduction to cognitive linguistics], Nauka, Kemerovo, Russia. [in Russian].

Slyshkin, G. G. (2000), Discourse and concept (on the lingvocultural approach to the study of discourse), *Yazykovaya lichnost: institucionalnyj i personalnyj diskurs*, Peremena, Volgograd, Russia, 38-45. [in Russian].

Toim, K. (1977), Comparative analysis of word associations in different languages, *Zapadny tartuskiy universitet*, Tartu, Estonia, 429, 52-71. [in Russian].

Shustova, S. V. (2016), Advertising discourse and advertising text: to the question of functional potential, *ANO VO "Perm Institute of Economics and Finance"*, Perm, Russia. [in Russian].

Charaudeau, P. (1983), *Langage et discourse* [Language and discourse], Hachette, Paris. [in French].

Discher C. (2015), *Sprachkontakt, Migration und Variation: Die frankophone Integration von Rumänien in Paris nach 1989* [Language contact, migration and variation: The Francophone integration of Romania in Paris after 1989], Books on Demand, Germany. [in German].

Eddington D. (2009), *Quantitative and Experimental Linguistics*, LINCOM-Verlag, München, Germany. [in German].

Hinrichs U. (2013), *Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert* [Multi Culti German. How migration is changing the German language], Beck, München, Germany. [in German].

Geraghty B. and Conacher J. (2014), *Intercultural Contact, Language Learning and*

Migration, Bloomsbury Publishing, London. [in English].

Gugenberger E. (2018), *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft* [Theory and empiricism of migration linguistics. With a study of the Galicians in Argentinien. Austria: Research and Science. Literature and Linguistics], [Online], available at: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (accessed 9 September, 2018). [in German].

Kerswill, P. (2006), *Migration and language*, K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill (ed.), *Sociolinguistics, an international handbook of the science of language and society*, 2nd edn., Vol 3, De Gruyter, Berlin, Germany, 2271-2285. [in English].

Krefeld, Th. (2004), *Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla* [Introduction to migration linguistics. From Germania italiana to Romania multipla], [Online], available at: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (accessed 15 September, 2018). [in German].

Piller, I. (2016), *Language and Migration*, Routledge, London, UK. [in English].

Silbereisen, K. and Titzmann, P.F. (2016), *The Challenges of Diaspora Migration: Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany*, Routledge, London, UK. [in English].

Silbereisen, K. and Titzmann, P.F. (2016), *The Challenges of Diaspora Migration: Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany*, Routledge, London, UK. [in English].

Singleton, D. and Regan, V. (2013), *Linguistic and Cultural Acquisition in a Migrant Community*, Multilingual Matters. [in English].

Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik [Languages in mobilized cultures: aspects of migration linguistics], [Online], available at: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (accessed 1 October, 2018). [in German].

Van Dijk Teun, A. (2008), *Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies*, Houndsmills: Palgrave MacMillan, London, UK. [in English].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Зубарева Екатерина Олеговна, заместитель декана факультета современных иностранных языков и литератур (соискатель).

Ekaterina O. Zubareva, Vice Dean of the Faculty of Foreign Languages and Literatures (PhD Student).

УДК 81.119+81:502

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-5

Исаева М. Г.¹,
Моисеенко А. В.²**Параметры эколингвистического анализа иноязычных единиц
в региональных глянцевах журналах**

1) Череповецкий государственный университет
ул. Луначарского 5, г. Череповец, 162600, Россия
E-mail: mashasuprugina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0465-9788

2) Череповецкий государственный университет
ул. Луначарского 5, г. Череповец, 162600, Россия
E-mail: anna.moiseenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9809-8899

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области в рамках научного проекта № 18-412-350002 р_а «Взаимодействие языков в печатных и электронных СМИ г. Череповца и г. Вологды (эколингвистический аспект)».

*Статья поступила 27 октября 2018 г.; Принята 15 ноября 2018 г.;
Опубликована 31 декабря 2018 г.*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования иноязычных лексем в текстах глянцевах журналов Вологодской области. В настоящее время наблюдается интенсивное использование иноязычных лексем в журнальных текстах, вместе с тем отсутствуют критерии для определения уместности или неуместности их использования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработать структурированный алгоритм для изучения иноязычных единиц в эколингвистическом ключе. Материал исследования составляют тексты изданий «Fresh time» (г. Вологда) и «Fame» (г. Череповец), представляющих информацию о текущих событиях в регионе. Авторами статьи предложена комплексная методология анализа массмедийного текста с иноязычными лексемами, разработанная с привлечением общенаучных, лингвистических и эколингвистических методов. В работе сформулировано четыре параметра эколингвистического анализа иноязычных единиц в журнальных текстах: частотность, графическая форма, пояснение иноязычного слова, уместность сочетания иноязычной лексемы с контекстуальными синонимами. Проведенный анализ показал, что в изучаемых изданиях наблюдается умеренное использование иноязычных лексем, а ведущими стратегиями пояснения значения слова являются контекстуальные синонимы и определения. В заключительной части статьи представлен алгоритм из пяти действий для характеристики иноязычных лексем в региональных статьях.

Ключевые слова: эколингвистика, эколингвистический подход, иноязычная лексема, заимствование, кодовое переключение.

Информация для цитирования: Исаева М. Г., Моисеенко А. В. Параметры эколингвистического анализа иноязычных единиц в региональных глянцевах журналах // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 42-49, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-5

Maria G. Isaeva¹,
Anna V. Moiseenko²

**Parameters of the ecolinguistic analysis of foreign lexemes
in regional glossy magazines**

1) Cherepovets State University
5 Lunacharsky St., Cherepovets, 162600, Russia
E-mail: mashasuprugina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0465-9788

2) Cherepovets State University
5 Lunacharsky St., Cherepovets, 162600, Russia
E-mail: anna.moiseenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9809-8899

Received 27 October 2018; Accepted 15 November 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The article deals with the peculiarities of foreign lexeme functioning in the texts of glossy magazines in the Vologda region. Currently, there is an intensive use of foreign lexemes in journal texts, however, there are no criteria for determining the appropriateness or inappropriateness of their use. Thus the research topicality is determined by the necessity to work out a structured algorithm for analyzing foreign lexemes on the basis of the ecolinguistic approach. The language material of the research includes texts from the following regional glossy magazines: «Fresh time» (Vologda) and «Fame» (Cherepovets) that present information on current events in the region. The authors suggest an integrated methodology for analyzing the mass media text with foreign lexemes worked out on the basis of general scientific, linguistic and ecolinguistic methods. In the paper, four parameters of the ecolinguistic analysis of foreign lexemes in magazine texts are described: frequency, graphic form, definition type, and the appropriateness of their combination with contextual synonyms. The analysis shows that a moderate use of foreign words can be observed in the regional magazines; the main strategies to reveal the meaning of such words include contextual synonyms and definitions. In the conclusion, a five-step algorithm to characterize how foreign lexemes are used in the regional articles has been offered.

Key words: ecolinguistics; ecolinguistic approach; foreign lexeme; borrowing; code switching.

Information for citation: Isaeva, M. G. and Moiseenko, A. V. (2018), “Parameters of the ecolinguistic analysis of foreign lexemes in regional glossy magazines”, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 42-49, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-5

Для современных глянцевых изданий Вологодской области характерно использование иноязычных единиц, а именно заимствований и кодовых переключений. Актуальность данного исследования определяется его междисциплинарным характером и необходимостью изучать заимствования и кодовые переключения в рамках

экологической лингвистики – направления, которое последовательно определяет круг исследовательских проблем, очерчивает зоны взаимодействия с другими науками (Chen, 2016: 108-109) и формирует свою методологию. Объектно-предметная область эколлингвистики в настоящее время имеет мозаичную картину, поскольку в экологическом ключе изучаются самые

разнообразные явления – биологический характер взаимосвязей языка, мышления и сознания (Kravchenko, 2016: 109-110); обучение иностранным языкам при обеспечении устойчивого положения локального языка и сохранении этнической идентичности (Wiertelwska, 2011: 148-149); дискурсивный анализ текстов экологической тематики; особенности экологических лексиконов (Yuniawan, Rokhman, Rustono, Mardikantoro, 2017: 296-297). В отечественном языкознании одним из актуальных направлений эколингвистики является выявление нарушений и негативных явлений в речевой практике носителей языка (Abuzyarova, Takhtarova, Ionova, 2018: 181). Данный подход позволяет определить параметры экологичного и неэкологичного использования иноязычных лексем; (Экология русского языка, 2017, с. 102) и далее в прикладном аспекте составить перечень рекомендаций для журналистов и редакторов изданий по экологичному включению иноязычных единиц в тексты журнальных статей (Моисеенко, 2015: 61).

Целью работы является описание алгоритма анализа регионального массмедийного текста с иноязычными лексемами. Для достижения поставленной цели формулируются следующие задачи: 1) проанализировать тексты выбранных для исследования изданий г. Вологды и г. Череповца на предмет функционирования иноязычных единиц; 2) определить насыщенность региональных медиатекстов иноязычными вкраплениями; 3) охарактеризовать иноязычные единицы с точки зрения их структурных особенностей; 4) описать основные стратегии пояснения значения анализируемых единиц.

В данном исследовании применяется комплексная методология. В группе общенаучных методов главенствующими являются системный метод и метод классификации, применяемые для разработки алгоритма анализа массмедийного текста с включением

иноязычных лексем. Вторая группа релевантных для данного исследования методов представлена собственно лингвистическими методами анализа материала. Метод структурного анализа используется для определения основных черт морфологической структуры иноязычных лексем в статьях журналов; методы компонентного и лексикографического анализа словарных дефиниций используется для уточнения значения лексических единиц в массмедийных текстах. Третья группа представлена эколингвистическими принципами анализа иноязычных лексем в региональных медиатекстах. Принцип развития системы за счет окружающей среды, заключающийся в том, что любая система может развиваться за счет информационных источников и возможностей окружающей среды (Реймерс, 1992: 60), позволяет выявить перечень тем, для раскрытия которых авторы медиатекстов прибегают к использованию иноязычных вкраплений. Согласно принципу токсиканта (Реймерс, 1992: 76) иноязычные лексемы в ряде случаев могут выступать в роли потенциальных токсичных элементов (Молчанова, 2016: 49), экологичность функционирования которых определяется частотностью и уместностью использования в текстах журналов. Так малые концентрации ассимилированных и неассимилированных иноязычных вкраплений могут обогатить речевое пространство региональных медиатекстов, однако необоснованное употребление таких единиц, напротив, угнетает пространство медиасреды.

Материал представлен 255 кодовыми переключениями и заимствованиями, извлеченными методом сплошной выборки из двух печатных глянцевого издания «Fresh time» (г. Вологда) и «Fame» (г. Череповец); из них 116 единиц – из журнала «Fresh Time» и 139 единиц – из журнала «Fame». Общий объем

проанализированных печатных изданий составляет 6 номеров за 2017-2018 гг.

Центральные понятия исследования – единицы языкового контакта: кодовое переключение и заимствование. Под кодовым переключением понимается структурная единица языка-источника, используемая в высказывании на родном языке, который выстраивает данное высказывание с точки зрения морфосинтаксиса; такое кодовое переключение всегда выполняет прагматические функции, также способно выполнять стилистическую функцию в тексте (Исаева, Моисеенко, 2016: 152). Заимствование – отдельные лексемы, зафиксированные в словарях иностранных слов и обозначающие новые для данной культуры явления и предметы; данные лексемы подвергаются фонетической, графической и морфосинтаксической ассимиляции (Исаева, 2012: 5). Для исследуемого материала характерны обе разновидности иноязычных единиц. В материал включены заимствования, вошедшие в систему русского языка в конце 20 и начале 21 вв.

Рассмотрим примеры использования иноязычных единиц в глянцевах региональных журналах: 1. «*Работая в продажах, я использую **small talk**, считаю это важным для установления контакта и начала беседы на встречах и переговорах, этому научилась, работая медицинским представителем*» (Fame, <http>). Иноязычная единица **small talk** является кодовым переключением на английский язык, так как отсутствует графическая и морфосинтаксическая ассимиляция, в русском языке есть общеупотребимый эквивалент – «светский разговор, беседа», единица не служит для обозначения нового для русской культуры понятия. 2. «*В юности, во времена сухого закона, Хемингуэй занимался **бутлегерством** – привозил алкоголь с Кубы и продавал в США*» (Fame, <http>). В данном примере иноязычная единица является заимствованием, так как она передана на

письме графическими средствами кириллицы, морфосинтаксически ассимилирована к структуре высказывания при помощи функциональной морфемы (окончания ед.ч., т.п.), и имеет следующее значение: бутлегерство – «незаконное производство (фальсификация) и контрабанда спиртных напитков» (Словари и энциклопедии, <http>).

Эколингвистический анализ кодовых переключений и заимствований предполагает выявление случаев экологичного и неэкологичного использования иноязычных единиц в текстах журнальных статей на основе ряда параметров. Данные параметры могут варьироваться в зависимости от того, какой вид контактной единицы мы рассматриваем – кодовое переключение или заимствование.

Проведенный анализ материалов глянцевах региональных журналов позволяет сформулировать следующие параметры эколингвистического анализа иноязычных единиц:

1. Частотность использования на страницах одного журнала. Данный параметр можно использовать для эколингвистического анализа кодовых переключений и заимствований в равной степени. Перегруженность статьи и, в целом, журнала иноязычными единицами свидетельствует о нарушении экологии русскоязычного публицистического текста. В исследуемых журналах на каждые две страницы приходится одно кодовое переключение или заимствование, что, на наш взгляд, не нарушает экологическую составляющую публицистического издания.

2. Графическое оформление иноязычной единицы. Данный параметр анализа является обязательным только для кодовых переключений. С точки зрения эколингвистического подхода к изучению кодовых переключений, необходимо соблюдать единообразие графического оформления единиц в пределах одной статьи или одного журнала либо при

помощи средств латиницы, либо кириллицы. Например: А) «... сертифицированный мастер перманентного макияжа, квалифицированный **Brow master**, тренер *Brow Art*» (Fresh time, [http](#)). Б) «Услуги **броу-мастера**» (Fresh time, [http](#)). А) «Видео и посты зачастую бывают настолько интересными, что вызывают бурное обсуждение у **френдов**» (Fresh time, [http](#)). Б) «*My friends*» (Fresh time, [http](#)). В данных примерах графическое оформление кодового переключения в рамках одного выпуска журнала Fresh time является вариативным, в первой паре примеров русскоязычное оформление фиксирует ошибочное произношение англоязычной единицы, тем самым нарушая экологическую среду медиатекста. В следующих случаях кодовое переключение передается при помощи только одного типа графических средств: А) «*На моих занятиях мы будем учиться профессионально делать **мейк**...*» (Fame, [http](#)). Б) «*На уроках ученицы осваивают навыки **мейкапа***» (Fame, [http](#)). Б) «**Комбат-тур** – это путешествие для тех, кто мечтает побывать на Камчатке, испытать себя и приобрести новые знания от Максима Богатырева в окружении близких по духу людей» (Fresh time, [http](#)). «**Комбат-тур** превзошел все ожидания» (Fresh time, [http](#)).

3. Наличие в тексте пояснения значения иноязычной единицы. Стратегии пояснения значения – перевод на русский язык, определение из толкового словаря иностранных слов, уточнение значения иноязычной единицы при помощи контекстуальных синонимических средств. Например: 1. «**CRM** (от англ. **Customer Relationship Management** – управление взаимоотношениями с клиентами) – это специальные компьютерные программы, которые помогают выстроить траекторию управления бизнесом» (Fame, [http](#)). Выбранная стратегия пояснения значения кодового переключения – перевод. 2. «У нас с женой **коллаборация** (коллаборация, или сотрудничество, –

совместная деятельность в какой-либо сфере для достижения общих целей, в процессе которой происходит обмен знаниями, обучение и достижение согласия – Примеч. авт.)» (Fame, [http](#)). Стратегия пояснения значения заимствования – определение из толкового словаря. 3. «*Но в первом случае организм получит питательные вещества и **макронутриенты**, а во втором – «пустые калории», в которых главный источник – сахар*» (Fresh time, [http](#)). Выбранная стратегия пояснения значения заимствования – контекстуальные синонимы («питательные вещества»). Для пояснения значения кодового переключения характерны все стратегии, для пояснения значения заимствования в большей степени актуальны такие стратегии, как определение или пояснение с помощью контекстуальных синонимов. В целях облегчения понимания значений таких единиц существенным для журналистов (редактора журнала), на наш взгляд, является последовательность в выборе стратегии пояснения значения иноязычной единицы как в рамках одного текста, так и в материалах издания в целом.

4. Уместное использование контекстуальных синонимов, когда одна единица принадлежит русскому языку, а вторая – иностранному. Данный параметр может быть использован для кодовых переключений и заимствований в равной степени. Как правило, такие лексемы помогают избегать лексических повторов, вносят разнообразие в повествование и детализируют описание. Например, в статье об одном из самых значительных спортивных событий лета 2018 г. используются две единицы с одним значением – «чемпионат мира» (русский язык), заимствование «мундиаль» (испанский язык), а также «вратарь» (русский язык) и «голкипер» (английский язык): «Звезда российского футбола по итогам **чемпионата мира** – 2018: Игорь Акинфеев». «После матча с Испанией на

чемпионате мира об Игоре Акинфееве – вратаре сборной России по футболу – знают даже те, кто провёл в подполье весь мундиаль». «Делимся интересными фактами о лучшем голкипере страны» (Fame, [http](http://)).

Обозначенные параметры эколингвистического анализа иноязычных единиц в журнальных публикациях можно оформить в виде следующего алгоритма, состоящего из пяти шагов.

1. Определение частотности использования кодовых переключений или заимствований в отдельно взятом журнале, а именно подсчет общего количества каждого типа иноязычных единиц, а также числа иноязычных единиц на одну журнальную страницу. Особый интерес в данном случае представляет фиксация социально значимых событий, для представления которых используется большее число иноязычных единиц.

2. Графический анализ иноязычных единиц на предмет единообразия графического оформления при помощи латиницы или кириллицы в журнальных статьях.

3. Проверка текста журнальной статьи на уместное использование единиц родного и иностранного языка со схожим семантическим значением.

4. Выявление стратегий пояснения значения иноязычных единиц для читательской аудитории, проверка текстов журнала на единообразие использования стратегий.

5. Формулирование заключения об экологичном или неэкологичном функционировании иноязычных лексем в пространстве медиатекста.

Согласно заявленному выше принципу токсиканта частотность включения иноязычных единиц в анализируемых журналах находится на допустимом уровне: изучаемые журнальные статьи в среднем содержат от одного до трех англицизмов, частично ассимилированных. Такие лексемы преимущественно представлены графиче-

ческими средствами русского языка (*плейлист, голбол, герлы, кэш, лайки, персоналити*) и поясняются в тексте статьи с помощью использования синонимических замен, реже определений. Вместе с тем, в журнале «Fresh time» в ряде случаев фиксируются примеры непоследовательного использования иноязычных единиц. Так, например, название журнала подается четырьмя способами: *Fresh time, Ft, Фреш Тайм, Свежее время*. Отмечены также примеры необоснованного использования англоязычных единиц, дублирующих русскоязычные лексемы и нарушающих экологичность русскоязычной письменной речи: «*Step by step, шаг за шагом, я начал переезжать с места на место, с меньшего на большее*» (Fresh time, [http](http://)); «*Меня захантил Яндекс*» (Fresh time, [http](http://)); «*Сейчас она усиленно заливаёт в стории видеобращения к френдам, как сотворить фигуру своей мечты*» (Fresh time, [http](http://)). Использование иноязычных слов в таком русле «опирается на представление о престижности» и обуславливается совокупностью экстралингвистических факторов (Брусенская, 2016: 99). Согласно принципу развития системы за счет окружающей среды и влиянию различных социокультурных факторов в репортажах и интервью туристической, ресторанной, косметологической и спортивной тематики фиксируется наибольшее число включений преимущественно из английского языка, что связано с аспектами заимствования названий блюд, косметологических процедур и препаратов, новых направлений в области спорта.

Таким образом, анализ иноязычных единиц в эколингвистическом ключе в глянцевых изданиях г. Вологды и г. Череповца позволяет предложить последовательность действий для определения степени экологичности функционирования таких единиц в современных медиатекстах. Описанные выше исследовательские шаги базируются

как на количественных, так и качественных параметрах.

На первом этапе важно определить количественную насыщенность журнального текста заимствованиями и кодовыми переключениями; на втором этапе осуществляется анализ разнообразных языковых параметров иноязычного вкрапления – графических и структурных; третий этап представляет собой изучение условий функционирования таких единиц в тексте, т.е. выявляются способы, с помощью которых авторы журнальных текстов поясняют и уточняют их значение; в качестве заключения предлагается сформулировать вывод об экологичном или неэкологичном использовании заимствований и кодовых переключений в медиатексте, предложить рекомендации по улучшению ситуации, если это необходимо.

Ведущими критериями экологичного использования иноязычных вкраплений в тексте является единообразие в их графическом оформлении, последовательность в выборе стратегий уточнения значений лексем в пространстве текста и уместное использование таких единиц в качестве контекстуальных синонимических замен.

Список литературы

Брусенская Л. А. Экологическая лингвистика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 184 с.

Исаева М. Г. Кодовые переключения в СМИ. Череповец: ЧГУ, 2012. 162 с.

Исаева М. Г., Моисеенко А. В. Кодовые переключения в структуре контекстуальных синонимических рядов (эколингвистический аспект): материалы II Международной конференции и X международного научно-практического семинара «Многоязычие и межкультурная коммуникация: Вызовы XXI века» (Пула, 16-23 июля 2016). М.: Инновации и эксперимент в образовании, 2016. С. 151-153.

Моисеенко А. В. Субстандартная синонимия: лингвоэкологический аспект исследования. Череповец: ЧГУ, 2015. 191 с.

Молчанова Г. Г. Лингвоэкология и современное состояние языка // Вестник

Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 47-54.

Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества: Концептуальная экология. М.: ИЦ «Россия Молодая» – Экология, 1992. 367 с.

Словари и энциклопедии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/13392> (дата обращения: 20.10.2018).

Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. д.филол.наук, проф. А. П. Сквородников. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. 384 с.

Abuzyarova D. L., Takhtarova S. S., Ionova S. V. Ecolinguistics and prospects of anthropocentric research in linguistics // Revista Publicando. 2018. 5 No 16. (1). P. 178-185.

Chen S. Language and ecology: A content analysis of ecolinguistics as an emerging research field // Ampersand. 2016. № 3. P. 108-116.

Fame [Электронный ресурс]. URL: <https://famemag.ru> (дата обращения 22.10.2018).

Fresh time [Электронный ресурс]. URL: <http://fresh35.com> (дата обращения 22.10.2018).

Kravchenko A. V. Two views on language ecology and ecolinguistics // Language Sciences. 2016. № 54. P. 102-113.

Wiertelwska J. Ecolinguistic approach to foreign language teaching on the example of English // Glottodidactica. An International Journal of Applied Linguistics. 2011. Volume 37. P. 140-151.

Yuniawan T, Rokhman F, Rustono R, Mardikantoro H. B. The Study of Critical Eco-Linguistic in Green Discourse: Prospective Eco-Linguistic Analysis // Humaniora. 2017. Vol. 29, № 2. P. 291-300.

References

Brusenskaya, L. A. (2016), *Ekologicheskaya lingvistika* [Ecological linguistics], FLINTA, Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Isaeva, M. G. (2012) *Kodovye pereklyucheniya v SMI* [Code switching in the mass media], Cherepovets State University, Cherepovets, Russia. [in Russian].

Isaeva, M. G. and Moiseenko, A. V. (2016), “Code switching in the structure of contextual synonymic sets (ecolinguistic aspect)”, *the 2nd International Conference and the 10th International Scientific and Practical Seminar «Multilingualism and Intercultural*

Communication: Challenges of the XXI Century», Pula, Croatia, 16-23 July, 151-153. [in Russian].

Moiseenko, A. V. (2015), *Substandardnaya sinonimiya: lingvoekologicheskiy aspekt issledovaniya* [Substandard synonymy: linguoecological aspect of the research], Cherepovets State University, Cherepovets, Russia. [in Russian].

Molchanova, G. G. (2016) *Lingvoekologiya i sovremennoe sostoyanie yazyka* [Linguistic ecology and the present-day language], Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Linguistics, 2, 47-54. [in Russian].

Rejmers, N. F. (1992), *Nadezhdy na vyzhivanie chelovechestva: Kontseptualnaya ekologiya* [Hopes for human survival. Conceptual ecology], Rossiya Molodaya – Ekologiya, Moscow, Russia. [in Russian].

Slovari i ehntsiklopedii [Dictionaries and encyclopedias] [Online], available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/13392> (Accessed 20 October 2018). [in Russian].

Ekologiya russkogo yazyka. Slovar lingvoekologicheskikh terminov (2017) [Ecology of the Russian language. Dictionary of the linguoecological terms] / avt.-sost. d.filol.n., prof. A.P. Skovorodnikov. FLINTA: Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Abuzyarova, D. L., Takhtarova, S. S. and Ionova, S. V. (2018), “Ecolinguistics and prospects of anthropocentric research in linguistics”, *Revista Publicando*, 5 No 16 (1), 178-185. [in English].

Chen, S. (2016), “*Language and ecology: A content analysis of ecolinguistics as an emerging research field*”, *Ampersand*, 3, 108-116. [in English].

Fame [Online], available at: <https://famemag.ru> (Accessed 22 October 2018). [in Russian].

Fresh time [Online], available at: <http://fresh35.com> (Accessed 22 October 2018). [in Russian].

Kravchenko, A. V. (2016), “Two views on language ecology and ecolinguistics”, *Language Sciences*, 54, 102-113. [in English].

Wiertelwska, J. (2011), “Ecolinguistic approach to foreign language teaching on the example of English”, *Glottodidactica. An International Journal of Applied Linguistics*, 37, 140-151. [in English].

Yuniawan, T., Rokhman, F., Rustono, R. and Mardikantoro, H. B. (2017) “The Study of Critical Eco-Linguistic in Green Discourse: Prospective Eco-Linguistic Analysis”, *Humaniora*, 29 (2), 291-300. [in English].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Acknowledgements

The reported research was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the government of the Vologda region of the Russian Federation, grant № 18-412-350002.

Исаева Мария Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет.

Maria G. Isaeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Germanic Languages and Intercultural Communication; Cherepovets State University.

Моисеенко Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет.

Anna V. Moiseenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Germanic Languages and Intercultural Communication; Cherepovets State University.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-6

Клоков В. Т.¹
Блажевич Ю. С.²**Возникновение гибридных кодов как результат
языкового взаимодействия в Камеруне**

¹) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» ул. Астраханская, 83, Саратов 410012, Россия
E-mail: kvassili@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6648-8385

²) ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: blazhevich@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0002-6738-3515

*Статья поступила 30 октября 2018 г.; Принята 20 ноября 2018 г.;
Опубликована 31 декабря 2018 г.*

Аннотация: В статье рассматривается проблема языкового взаимодействия в Камеруне, в результате которого возникают различные гибридные языковые коды. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения процессов, происходящих в языках в условиях их существования вне пределов своих исконных территорий, в постоянном контакте с автохтонными языками и в новом социокультурном окружении. Цель работы – описать и проанализировать примеры манифестации, а также экстралингвистические и лингвистические факторы, которые приводят к возникновению гибридных кодов. Для этого ставятся задачи: описать социолингвистическую ситуацию в Камеруне; проанализировать существующую терминологию для обозначения рассматриваемого в качестве примера гибридного кода, описать основные структуры, из которого он состоит; определить и проанализировать основы словаря «камфрангле», источники его пополнения, а также семантические процессы, сопровождающие процесс заимствования из других языков. В результате исследования было обнаружено, что «камфрангле» пока что не является отдельным языком с собственной системой. Базовые структуры данного субкода состоят из французского языка, а лексика заимствована из камерунских языков, камерунского пиджин-инглиш, английского, французского и других европейских языков. С функциональной точки зрения, камфрангле имеет четкие социальные функции, а именно, выражает протест против власти и ожиданий общества, накладывающих ограничение на свободу выбора и действий.

Ключевые слова: Камерун, языковое взаимодействие, социолингвистическая ситуация, французский язык, английский язык, камфрангле, заимствование, камерунские языки.

Информация для цитирования: Клоков В. Т., Блажевич Ю. С. Возникновение гибридных кодов как результат языкового взаимодействия в Камеруне // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 50-62. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-6

Vasiliy T. Klokov¹
Yuliya S. Blazhevich²

**Emergence of hybrid linguistic codes as a result
of linguistic interaction in Cameroon**

¹) Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevskiy
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation
E-mail: kvassili@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6648-8385

²) Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: blazhevich@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0002-6738-3515

Received 30 October 2018; Accepted 20 November 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The article considers the problem of linguistic interaction in Cameroon resulting in the emergence of various hybrid codes. The work is topical because of the demand in studying the processes and variations occurring in the languages functioning beyond the borders of their native habitats in a constant contact with indigenous languages and in a new social and cultural environment. The aim of the article is to consider and analyze manifestations, as well as linguistic and extralinguistic factors contributing to the emergence of hybrid codes. For this purpose, the following tasks are set: to analyze the existing terms denominating the hybrid linguistic code used as an illustration; to consider the basic structures of which it consists; to identify and analyze the basis of its dictionary, the main sources of its replenishment, and semantic processes that accompany the process of borrowing from other languages. As a result, it was found that “Camfranglais” is not a separate language with its own structure. The matrix structures of this code are French, while the lexical units could be borrowed from the indigenous Cameroonian languages, Cameroonian Pidgin English, English, French, and other European languages. From the functional point of view, “Camfranglais” has clear social functions. It protests against authority and expectations of society, limiting people’s freedom of choice and action.

Key words: Cameroon; linguistic interaction; sociolinguistic situation; French; English; Camfranglais; loanword; Cameroonian languages.

Information for citation: Klokov, V. T. and Blazhevich, Yu. S. (2018), “Emergence of hybrid linguistic codes as a result of linguistic interaction in Cameroon”, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 50-62, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-6

Введение. Благодаря своему богатому природному, историческому и культурному разнообразию, а также выгодному географическому положению, Камерун называют «Африкой в миниатюре», «лоскутным одеялом» и «перекрестком культур». Это место встречи и взаимодействия цивилизаций.

Здесь ученые находят богатейший материал для своих наблюдений и исследований, поскольку в Камеруне сосуществуют около 270 языков афразийской, нило-сахарской и нигеро-конголезской языковых групп, а также два европейских языка, имеющих статус официальных: французский и английский.

Уникальная мозаика Камеруна состоит из большого числа этносов, неизбежно приводящих к контакту многочисленных культур, сформировавшихся в специфических исторических и социально-экономических условиях.

Социолингвистическая ситуация.

В соответствии с Конституцией Республики Камерун (см. Ст.38, №2 от 04.06.1998; Ст.31, п.3 1996), английский и французский языки, будучи официальными, закреплены за всеми официальными сферами, и используются как в устной, так и письменной формах (Республика Камерун, 2017).

В то время как в большинстве стран Африки существует одна модель образования, унаследованная от бывшей метрополии, современная система школьного образования в Камеруне сохранила деление на две подсистемы: французскую и британскую. Это явление объясняется историческими обстоятельствами развития страны в период пребывания под мандатным управлением Франции и Великобритании, а также сохранением официального билингвизма. В регионах бывшего «британского Камеруна» преподавание ведется на английском языке, французский является вторым обязательным. На территории бывшего «французского Камеруна» обучение ведется на французском языке, а вторым обязательным является английский язык. В 1974 г. автохтонные языки Камеруна обрели статус «национальных», что послужило толчком для новых проектов по разработке письменности этнических языков, а также программ по внедрению наиболее распространенных местных языков в образовательную систему страны. В соответствии с законом об ориентации образования №98/004, 2008 г. во многих школах Камеруна был введен пилотный проект по преподаванию предмета «Национальный язык и культура» (Республика Камерун). Эта дисциплина предназначена для учеников младшей и

средней школ и направлена на изучение родных этнических языков и культур (обычаев и традиций, музыки и танцев, традиционной кухни) (Tchouakak, 2016).

В 2016 г. правительство приняло решение о введении в школах англоязычного региона преподавания на французском языке в ущерб английскому, а также о переводе юридического делопроизводства с английского языка на французский. Такой необдуманный поступок вызвал массовые протесты в англоязычном городе Баменда в Западном Камеруне, усугубляя так называемую «английскую проблему» (Степушова, 2016).

Государственная телевизионная и радиовещательная компания Камеруна «Cameroon Radio Television» (CRTV) в своей работе придерживается официальной языковой политики билингвизма, поэтому телевизионные программы выходят на французском (2/3) и английском языках (1/3). Французский язык преобладает на телевидении, радио и в печатных СМИ. В регионах ведется теле- и радиовещание на наиболее распространенных автохтонных языках. Газеты и журналы в республике выходят в основном на французском и английском языках, некоторые на пиджин-инглиш. Официальный правительственный вестник «Le Journal Officiel de la République du Cameroun», в котором печатаются принятые законодательные акты и указы, а также главное периодическое новостное издание «Cameroon Tribune», выходят на двух официальных языках. Остальные газеты и журналы издаются преимущественно на одном языке (в основном французском). Пресса на местных языках периодически появляется в малых тиражах, но быстро прекращает свое существование из-за нехватки финансирования, а иногда по причине отсутствия читателей.

Гибридные языковые коды как результат взаимодействия. Многоязычие в республике Камерун благоприятствует

возникновению смешанных кодов (пиджин-инглиш, франфульфульде, камфрангле и др.)

Продемонстрируем этот процесс на примере гибридного языкового кода «Камфрангле» (фр. Camfranglais). Камфрангле – это городской язык Камеруна на основе французского, английского, камерунского пиджина, камерунских языков и неологизмов, придуманных молодежью. Он зародился на улицах города Дуала в районах Басса и Дейдо, а затем распространился по другим крупнейшим городам Камеруна. Любой франкоязычный говорящий способен понять этот язык, но трудности в понимании могут вызвать некоторые заимствования из английского и камерунских языков. На нем общается городская молодежь Камеруна, а точнее ученики и студенты, уличные торговцы, лавочники, таксисты, безработные и др. Базовые структуры данного смешанного субкода состоят из французского языка, а лексика заимствована из камерунских языков, камерунского пиджин-инглиш, английского, французского и других европейских языков. Например, высказывание на камфрангле может выглядеть следующим образом:

Камф. *Le patèr (om латинского) et la matèr (om латинского) ont djoss (om английского to discuss) all la naite (om английского night) et la matèr est go et go go (переосмысление от английского to go).* фр. *Les parents se sont disputés toute la nuit, la maman est parti de la maison pour de vrai.* рус. «Родители всю ночь ругались, и мама навсегда ушла из дома».

Термин «камфрангле» образован из слов «Камерун» (фр. Cameroun), «французский» (фр. Français) и «английский» (фр. Anglais). Следует уточнить, что это не единственное название данного кода. Это еще раз подтверждает тот факт, что термин еще не устоялся. Встречаются также названия «франкангле», «франкамангле»,

«франангле», «франкам», «кам-англе» и др. (Feral, 1993).

Существует мнение, что камфрангле возник в середине 70-х годов XX столетия после того, как в 1972 г. Камерун стал унитарным государством. Объединение франкоязычной и англоязычной частей повлекло за собой изменения в языковой политике. Официальный билингвизм перестал функционировать по территориальному принципу, когда в англоязычной части языком документооборота и обучения был английский, а во франкоязычной – французский. Было введено изучение второго официального языка в начальной школе. Lobé-Ewane придерживается версии, что камфрангле создали студенты университета Яунде (Lobé-Ewane, 1989: 33), а причиной как раз и послужило введение изучения второго официального языка. Студенты были вынуждены заниматься языком, которым они не владели или владели недостаточно хорошо. Ради шутки они вставляли английские слова в свою речь на французском языке, а позже туда добавились и лексические единицы из автохтонных камерунских языков. Языком-суперстратом (составляющим морфосинтаксическую основу) выступил французский язык, поскольку он значительно доминирует в Камеруне, а города Яунде и Дуала (где возник камфрангле) находятся в зоне франкофонии. Созданный гибридный код стал служить камерунской молодежи тайным языком или жаргоном, с помощью которого они могли противопоставить себя старшему поколению, а также камерунской элите, относящей себя к избранным франкофонного мира (Kießling, 2005: 87).

«В обществе, особенно в периоды радикальных социальных перемен и следующего за ними возбуждения лингвистических процессов наблюдается всплеск «острого отношения» к языку. Социально маркированы также факторы оценки изменений в языке его носителями.

То, что воспринимается нейтрально представителями одних социальных групп, у представителей других вызывает протест или раздражение» (Багана, 2014: 21). Несмотря на то, что появился этот язык как молодежный жаргон, он постепенно трансформировался в мощный инструмент камерунского общества, направленный на выражение протеста против существующей действительности.

В 90-е гг. XX века национальное ежедневное периодическое издание «Cameroon Tribune» выделяло четвертую часть своего содержания рубрике «Юмор человека улиц», которая выходила на камфрангле. Эту рубрику создала группа журналистов как вызов официальному французскому языку – языку избранных и привилегированных элит. В настоящее время камфрангле можно встретить в газетах для молодежи, таких как 100% Jeune, Planete jeunes, а также в некоторых радио и телевизионных передачах.

Мощным инструментом распространения камфрангле стала музыка. Среди музыкантов, популяризовавших этот языковой код, можно назвать Lapiro de Mbanga, Petit Pays и др. Особый отклик у камерунской молодежи вызывают тексты песен, наполненные лексикой из местных камерунских языков и пиджин-инглиш. Они напоминают слушателю о его этнических корнях, ассоциируется с чем-то родным и приятным. Музыкальное творчество Lapiro de Mbanga еще больше привлекает молодежь своей смесью пиджина и французского языка. В текстах таких песен как: «No make erreug» (Не ошибись, внимание), «timba we» (думай о нас), можно встретить такие гибридные структуры, как: «reme ana djaka don dry laka echantillion fo ethiopia» (la mere et les enfants ont maigri comme des echantillons ethiopiens – досл. «Мать и дети исхудали как эфиопы»), «integration nationale na weti non» (l'integration nationale c'est quoi donc? – досл. «Национальная интеграция, это вообще что?») и др.

Камфрангле также набирает популярность благодаря юмору и народному театру. Такие актеры, как Dave K. Moktoi, Jean Miche Kankan, критикуют социально-политическую и экономическую обстановку в стране и обличают людские пороки. Некоторые известные писатели Камеруна, как например, Mercedes Fouda или Patrice Nganang, также широко используют камфрангле в своем творчестве (Harter, 2005). В своих высказываниях они используют гибридный синтаксис. Например, обороты вроде «je dis que taisez toi...» (досл. «Я говорю, что замолчите»).

Несмотря на попытки классифицировать этот субкод (жаргон, арг, пиджин, сабир и даже переключение кодов), трудно определить, идет ли речь о разновидности арга как субкода французского языка (который используется в определенной коммуникативной ситуации и на определенную тему) или же о новом самостоятельном языке, возникшем в результате взаимодействия языков в Камеруне (Feral, 2006).

Однако часть термина «англе», который присутствует в терминах: «камфрангле» или «канфрангле», обладает коннотациями, которые в последствии ощущаются не только самими говорящими, но и теми, кто за ними наблюдает, в том числе лингвистами.

В камфрангле очевидно, что английский язык взаимодействует с французским. Это может натолкнуть на мысль, что камфрангле используют для общения на актуальные темы среди двуязычных, говорящих как на французском, так и на английском языке, что в таком случае является переключением кодов. Однако большая часть франкоговорящей молодежи Камеруна знает английский язык лишь на том уровне, которым смогло овладеть в рамках школьного курса, а англоязычное и франкоязычное население обычно проживает отдельно друг от друга, не смешивается и не проявляет друг к другу

особой любви. Если главным условием для того, чтобы говорить на камфрангле является быть франкоязычным, тогда нет необходимости знать английский язык: камфрангле не является смешанным кодом как франлоф (или франколоф) язык интеллигентов Дакара, где «собеседники прибегают к смешиванию двух кодов (французский и волоф) таким образом, чтобы компетенция на французском языке при разговоре на определенную тему проявлялась как приблизительно такая же, как и на волоф» (Thiam, 1994: 50).

Присутствие термина «английский» создает риск того, что может быть переоценено прямое влияние английского (не только как второго официального камерунского языка, но также и языка глобализации) в использовании молодежью и при этом будет недооценена роль пиджина в качестве донора лексики английского происхождения. В действительности, значительная часть лексики пиджина имеет английское происхождение, и на пиджине говорят не только во всей англоговорящей части Камеруна, но также в некоторых частях франкоязычных регионов (регион бамилеке, Дуала, и даже в некоторой степени в Яунде, который расположен за пределами пиджиноговорящей зоны (Feral 1989, 1994). Из этого следует, что среди говорящих на камфрангле, гораздо большее количество способно бегло общаться скорее на пиджине, чем на английском.

Сама часть неологизма «franglais» (франгле) вызывает ассоциацию, что камфрангле несет в себе угрозу не только «испортить» французский язык, но и привести к появлению в относительно ближайшем будущем пиджина или креола. Возможно, что сам термин «камфрангле» придумал студент университета или камерунский журналист, озабоченный чистотой французского языка, а далее этот термин подхватила пресса (камфрангле очень распространен в медиа среде) и молодежь.

Исследования в области использования камфрангле среди говорящих позволяют предполагать, что этот язык вплетен в судьбу французского языка Камеруна. Существует «континуум» французского языка Камеруна, на одном полюсе которого находится очень чистый литературный язык, на котором пишут известные африканские писатели и интеллигалы, а второй полюс теряется в неизвестной зоне, где с трудом можно различить формы, которые являются результатом упрощенных структур языка-субстрата (Manessy, 1978: 93).

Но если статус французского языка в лингвистической мозаике Камеруна не вызывает сомнений, то его действительная ценность в качестве языка, отражающего идентичность, позволяющего говорящим передать в нем свою принадлежность к Камеруну, остается под вопросом. Именно под таким углом зрения многие камерунские и зарубежные лингвисты, такие как Biloa (Biloa 1999;2003), Chia (Chia,1990), Echu (Echu 1999;2001), C. De Feral (Feral 2004; 2006), Mendo Ze (Mendo Ze, 1990), Efoa Zengue (Efoa Zengue, 1990) и др. проводили в течение нескольких лет изучение многочисленных граней камфрангле, как с точки зрения семиотики, так и с точки зрения функционирования по отношению к языкам-суперстратам. Все эти исследования показывают роль, которую камфрангле может сыграть в поисках камерунской идентичности и в завтрашней языковой политике. Камфрангле для многих символизирует свободный выбор языка, что хорошо вписывается в концепцию многоязычной среды Камеруна. Он очень эволюционировал за последнее время и пополнил свой лексический состав языковым материалом из таких сфер жизни камерунцев, как социальная, экономическая и культурная.

Что касается языка молодежи в целом, то отличительной чертой камфрангле является именно его лексика. Поэтому в первую очередь необходимо

составить лексический словарь терминов, которые выражают языковую личность говорящего на камфрангле.

Любое высказывание или фраза имеет глубинную структуру из одного из главных источников или языков-суперстратов. Это означает, что фраза на камфрангле может быть построена на основе структуры французского языка (Cameroon Pidgin English), а лексические единицы из языков-субстратов могут служить компонентами этих структур.

Например:

кфа. *Gars tu know que le prof a interrogé hier? Il a tell que ceux qui n'étaient pas au school auront zéro.* фр. *gars, sais-tu que le professeur a interrogé hier? Il a dit que ceux qui n'étaient pas au cours (à l'école) auront zéro.* – рус. «Парень, ты знаешь, что учитель спрашивал вчера? Он сказал, что те, кого нет на занятиях (в школе), получают ноль» (Ebongué, 2000, 241).

кфа. *Ma macho est back des States dans la night.* фр. *Ma mère est rentrée des Etats-Unis hier soir.* рус. «Моя мама вернулась из Соединенных Штатов вчера вечером».

Если структура языка-суперстрата, на основе которого строится высказывание на камфрангле, сложная, она упрощается в момент речи.

Например: кфа. *Le test de linguistique étant sharp, j'ai préféré piack.* = фр. *Comme le devoir de linguistique était difficile, j'ai préféré m'en aller.* рус. «Поскольку задание по лингвистике было сложным, я предпочел уйти».

Предложение на французском языке имеет более сложную структуру, чем на камфрангле.

Займствования. Как правило, языки не живут в изолированном мире, а находятся в постоянном взаимодействии и конкуренции с другими лингвистическими системами, являющимися внутренними или внешними по отношению к конкретному социолингвистическому сообществу. Ситуация в Камеруне благоприятствует различным формам симбиоза контактирующих языков, что

проявляется в виде интерференции, особенно на лексическом уровне.

В Камеруне займствования во французском языке представлены тремя основными источниками: местными камерунскими языками, английским языком и пиджин-инглиш (Pidgin-English).

Лексические займствования из местных языков. Французский язык в Камеруне все больше обогащается благодаря лексическим единицам, заимствованным из местных языков, которые с одной стороны, способствуют взаимопониманию, а с другой стороны, конкурируют с лексикой французского языка. Как отмечает Mendo Zé, «в процессе общения между камерунцами, национальные языки находятся в центре коммуникации и влияют на языковые привычки говорящего». (Mendo Zé, 1992: 77). Эта взаимодополняемость французского и камерунских языков является необходимым условием для выживания французского языка в Камеруне. Именно принятие во внимание таких лексических изменений превратит французский язык в Камеруне из иностранного языка, языка колонизаторов, культурной и политической ассимиляции в полезное средство общения, отныне принадлежащее лингвистическому наследию страны.

Что касается основных **источников займствования**, то Chia (Chia 1990), Efoua-Zengue (Efoua-Zengue 1999) и Mendo Ze (Mendo Ze 1999) в своих работах выделяют 5 групп языков этнического и межэтнического общения, которые являются основными донорами лексики:

1. Баса и дуала
2. Языки экваториального леса (яунде и булу)
3. Бамилеке
4. Языки фула и хауса
5. Пиджин-инглиш

Например:

«Сасо» (из дуала) – сущ. в языке-источнике обозначает «багаж, сумка».

Означает также «подарки, которые кладут с сумку или мешок; подарок». Приобретает также дополнительное значение «любая вещь, которую кладут в сумку или багаж: одежду, личные вещи».

Пример 1: кфа. *Je vais travel avec le caco de mon mbindi.* фр. *Je vais voyager avec le sac de mon petit frère.* рус. «Я собираюсь путешествовать с сумкой моего младшего брата».

Пример 2: кфа. *Où sont les cacos que tu m'as gardé de mbeng ?* фр. *Où sont les cadeaux que tu m'as ramenés de panam?* рус. «Где подарки, которые ты мне привез из заграницы?»

Пример 3: кфа. *Quand j'étais mbindi, je tchayais souvent les cacos de mon big pour comôt.* фр. *Quand j'étais petit/plus jeune, je mettais souvent les vêtements (chemises, pantalons, tennis, montres etc) de mon grand frère pour sortir.* рус. «Когда я был младше, я часто надевал на выход одежду (рубашки, брюки, кроссовки, часы и т.д.) моего старшего брата».

«Nyè» (из эвондо) – сущ. и глагол. Происходит от слова *ngnyé* из языка эвондо (отвратительный, гадкий) и означает «человека в форме полицейского, жандарма и т.п.» Они получили такое прозвище из-за своей откровенной коррумпированности, нападений на водителей, особенно таксистов, вызывающих ненависть у населения Камеруна.

В другом контексте может означать «увидеть, встретить».

Пример: кфа. *L'autre day je suis go nyè le directeur.* фр. *L'autre jour je suis allé rencontrer le directeur.* рус. «На днях я пошел встретиться с директором».

«Wâka» – сущ. Происходит от *waka* (ходьба или человек, который постоянно ходит) и обозначает «женщин легкого поведения» (потому что они постоянно ходят по тротуару в поисках клиентов).

Пример: кфа. *Les wâkas de maintenant ne lap plus avec les dôs, si tu n'as pas fap kolos pour la naïte, passe ta route.* фр. *Les prostitués d'aujourd'hui ne rigolent plus avec*

les tarifs, si tu n'as pas au moins 5000f pour passer la nuit avec elle, passe ton chemin. рус. «Современные проститутки больше не шутят с расценками, если у тебя нет как минимум 5000 франков, чтобы провести с ней ночь, иди своей дорогой».

«Dak» сущ. и гл. от слова из языка булу *da'ak* (сущ. уголь; коксовая мелочь; жар; деньги; гл. жарить на углях). Курящего человека часто замечают в темноте по огоньку сигареты. Отсюда произошли значения «сигарета» и «курение».

Пример 1: кфа. *Gui moi one dak.* фр. *Donne-moi une cigarette.* рус. «Дай мне сигарету».

Пример 2: кфа. *J'ai dak all le paquet que tu m'as gui hier.* фр. *J'ai fumé tout le paquet de cigarette que tu m'as donné hier.* рус. «Я выкурил пачку сигарет, которую ты мне дал вчера».

«Dangoua» – глагол и сущ. из языка дуала «идти пешком; поход». Сохраняет тот же смысл в камфрангле.

Пример: кфа. *La dangoua a bolè mes tchakass.* фр. *La marche à pied a usé mes chaussures.* рус. «От постоянной ходьбы мои туфли износились».

Займствования из английского языка. Пример. Кфа. *Le prof-ci va me finir, je n'ai pas do son work qu'il a give hier.* фр. *Le professeur va me punir, je n'ai pas fail le devoir qu'il a donné hier.* рус. «Учитель меня накажет, я не сделал задание, которое он задал вчера».

В данном примере лексические единицы «do» и «give» используются в таком же значении, как и в английском языке, «делать» и «давать» соответственно. Тем не менее, многие займствования приобретают новые значения. Приведем несколько примеров.

«Level» – сущ. от английского «уровень», в некоторых случаях означает также «размер»; «статус человека».

Пример 1: кфа. *Ton level de game a grap.* фр. *Ton niveau de jeu (généralement on parle du football) a augmenté.* рус. «Твой

уровень игры повысился (обычно о футболе)».

Пример 2: кфа. *Ce gars waka avec les high level.* фр. *Ce gars marche avec les gros calibres (personnes importantes).* рус. «Этот парень ходит с важными людьми».

«Spirit» – сущ. от английского «дух». Используется для описания человека либо выдающихся способностей, либо смелого.

Пример: кфа. *Ton spirit est trop fort ; tu as dou how pour composer la nga gui a ndem all môte ici o kwatt?* фр. *Tu es très courageux; comment as-tu fait pour conquérir cette fille qui a dit non à tous les autres gars qui lui ont fait des avances dans ce quartier?* рус. «Ты очень смелый; как ты смог завоевать эту девушку, которая в этом квартале отказала всем парням, которые ее добивались?».

Займствований из пиджин-инглиш. Пиджин-инглиш является частью лингвистической реальности Камеруна. В настоящее время, как и другие 250 языков, он представляет собой часть культурного наследия страны, и принимает активное участие в формировании лексики камфрангле, становясь одним из важнейших его источников.

Например: makalapati, mbinda, nangaboko, ngatta, ngomnah, ngrimbah, nguémé, njangui, do, tchotchoro, ndoss, etc.

«Awache» – гл. означает «забирать, воровать».

Пример: кфа. *On a awache mon phone en ville.* фр. *On m'a piqué (volé) mon téléphone en ville.* рус. «У меня украли телефон в городе».

«Hambock» – гл. «морочить голову, издеваться».

Пример: кфа. *Les ngas aiment d'abord hambock les gars avant de tell qu'elle yah moh.* фр. *Les filles aiment d'abord faire tourner les gars en rond avant de leur dire qu'elles les aiment aussi.* рус. «Девушки любят заморочить голову парням, прежде чем они скажут, что тоже любят».

«Tchor» – гл. и сущ. из пиджин-инглиш, происходящее от англ. *chew up* «жевать», означает «есть».

Пример: кфа. *J'ai tchor le soya à la brique avant de go jonam les gars pour le ndjoka.* фр. *J'ai mangé du soya à la Brique avant d'aller rejoindre les gars pour faire la fête.* рус. «Я поел сою в квартале Ля Брик, перед тем как пойти веселиться с друзьями».

Займствования из местных языков. Мы можем также привести примеры, демонстрирующие участие местных языков в формировании камфрангле (например, лингала и хауса)

«Kongossa» – сущ. «сплетни». Произошло от слияния слов «Конго» и «Заир». Исторически две страны разделяла река, поэтому новости распространялись очень быстро, нужно было только встретить человека на лодке. И поскольку источник новостей не всегда был ясен, сплетни можно было «приукрасить».

Пример: кфа. *C'est le kongossa qui vous killam dans ce kwatt.* фр. *C'est à cause du commérage que votre quartier a mauvaise réputation.* рус. «Именно из-за сплетен ваш квартал имеет плохую репутацию».

«Mazembè» – сущ. из языка лингала, означает «вор», «бандит».

Пример: кфа. *Les mazembès ont nilam mon cota hier soir.* фр. *Les agresseurs/bandits ont poignardé/agressé mon pote hier soir.* рус. «Вчера вечером бандиты напали на моего друга».

Необходимо отметить, что при семантической адаптации займствований нередко наблюдаются явления, связанные с сужением или расширением значения.

Расширение значения

«Back» – гл. от английского *to come back* «возвращаться». В первом случае значение совпадает.

Пример 1: кфа. *Ma macho est back des States dans la night.* фр. *Ma mère est rentrée des Etats-Unis hier soir.* рус. «Моя мама вчера вечером вернулась из Соединенных Штатов».

Дополнительное значение в КФА – *возвращать что-либо*;

Пример 2: кфа. *Je lui ai **back** son CD.* фр. *Je lui ai rendu son CD.* рус. «Я вернул ему его диск».

«Ngomna» – сущ. Производное от *ngovina* (булу), в свою очередь произошедшее от английского *governor*, означает «государственный чиновник; губернатор, префект или суперпрефект». С расширением значения также означает «власть государства» и «любого человека, работающего в администрации».

Пример 1: кфа. *Le **ngomna** est venu installer notre nkukuma.* фр. *Le préfet/sous-préfet est venu installer notre chef de village.* рус. «Префект приехал, чтобы назначить старосту деревни».

Пример 2: кфа. *Mon pater wok pour le **ngomna**.* фр. *Mon père travaille dans l'administration (il est fonctionnaire).* рус. «Мой отец работает в администрации (он чиновник)».

«Pach» – гл. Происходит от французского «passer» – *проводить, проходить, заходить* и др. При сохранении прежнего значения, имеет также дополнительный смысл французского «dépasser» – превосходить.

Пример 1: кфа. *Je suis **pach** devant la piaule de ma nga sans la mite.* фр. *Je suis passé devant la maison de ma copine sans la voir.* рус. «Я прошел мимо дома моей подруги, не заходя к ней».

Пример 2: кфа. *Le wok qu'on m'a gui **pach** les do.* фр. *La quantité de travail que j'ai à faire dépasse (est supérieure au) le salaire que j'aurai.* Досл. рус. «Объем работы, который мне нужно сделать, превосходит зарплату, которую я получаю».

Сужение значения

«Nak» – от англ. глагола *to knock* – «стучать». Означает «бить кого-либо».

Пример 1: кфа. *Un man qui **nak** sa nga est un ndemeur.* фр. *Un homme qui tape sur sa femme est un fainéant/faible.* рус. «Мужчина, который бьет свою женщину, слабак».

«Criss» или «crish» – сущ. От английского *crisis* – «кризис», означает «сильный гнев».

Пример 1: кфа. *Mon pater a **crish** sur mon mbindi parce qu'il a lost l'exam.* фр. *Mon père était en colère contre mon petit frère parce qu'il n'a pas réussi à son examen.* рус. «Мой отец рассердился на моего младшего брата за то, что тот провалил экзамен».

Закключение. Необходимо отметить, что камфрангле пока что не является отдельным языком с собственной системой. Его грамматическая система то подчиняется грамматике французского языка, то нарушает его правила. Камфрангле это очень живой, динамичный и пестрый языковой код. Отсутствие формальных правил и ограничений оставляет простор для импровизации и создания неологизмов, появлению которых способствуют условия коммуникативной ситуации. С функциональной точки зрения, камфрангле имеет четкие социальные функции, а именно, выражает протест против власти и ожиданий общества, накладывающих ограничение на свободу выбора и действий. Несмотря на то, что появился этот язык как молодежный жаргон, он постепенно трансформировался в мощный инструмент камерунского общества, направленный на выражение протеста против существующей действительности, а именно, коррупции, трайбализма и социальной незащищенности.

Список литературы

Багана Ж., Хапилина Е.В., Блажевич Ю.С. Английские заимствования в территориальных вариантах французского языка Африки: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 106 с.

Республика Камерун. URL: <http://nic.gov.ru/ru/inworld/EU/Cameroun> (дата обращения: 30.09.2017).

Степушова Л. Камерун повторяет украинский сценарий URL: <https://www.pravda.ru/world/restofworld/africa/24>

- 11-2016/1318786-cameroon-0/ (дата обращения: 30.09.2017).
- Biloua E. Structure phrastique du camfranglais: état de la question // Bilinguisme officiel et communication linguistique au Cameroun / eds. G. Echu et A. W. Grundstrom. New York: Peter Lang, 1999. pp. 147-171.
- Biloua E. La langue française au Cameroun: Analyse linguistique et didactique. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Vienna: Peter Lang, 2003. 343 p.
- Chia E. The New Speech Forms in Rapidly Growing City: Pidgin French and Camfranglais in Yaoundé // Annales de la Faculté des Arts, Lettres et Sciences Humaines. Vol. VI. №1 et 2. Yaoundé: Université de Yaoundé, 1990. pp. 101-129.
- Echu G. Colonialism and linguistic dilemmas in Africa: Cameroon as a paradigm (revisited) // Quest: An African Journal of Philosophy. 1999. № XIII (1–2). pp.19-26.
- Echu G. Le camfranglais: l'aventure de l'anglais en contexte multilingue camerounais // Ecritures VII : L'aventure, Yaoundé: éd. CLE, 2001. pp. 207-221.
- Efoua Zengué, R. L'emprunt: figure néologique récurrente du camfranglais, un français fonctionnel au Cameroun // Le français langue africaine: enjeux et atouts pour la francophonie / G. Mendo Zé (eds.). Paris: Publisud, 1999. p. 168-177.
- Feral C. de Pidgin-english du Cameroun: description linguistique et sociolinguistique. Paris, Peeters/Selaf, 1989. 209 p.
- Feral C. de Le français au Cameroun. Approximations, vernacularisation et camfranglais // Le français dans l'espace francophone. Paris: eds. Robillard D., de Beniamino M., Paris: Champion, 1993. V.1. pp. 205-218.
- Feral C. de Créolisation d'un parler endogène: le cas du pidgin english au Cameroun // Études créoles. 1994. V.XVII, №1. pp. 50-67.
- Feral C. de Français et langues en contact chez les jeunes en milieu urbain: vers de nouvelles identités // Penser la francophonie; concepts, actions et outils linguistiques, Actes des premières Journées scientifiques communes des réseaux de chercheurs concernant la langue, Ouagadougou (Burkina Faso), 31 mai-1er juin 2004. Paris: Editions des Archives Contemporaines, pp. 583-597.
- Feral C. de Etudier le camfranglais: recueil des données et transcription // Le français en Afrique. 2006. № 21. pp. 211-218.
- Harter A.-F. Cultures de l'oral et de l'écrit à Yaoundé // Glottopol. № 5, Situations de plurilinguisme en France : transmission, acquisition et usages des langues, 2005. pp. 92-107.
- Kießling R. Bak mwa me do – Camfranglais in Cameroon // Lingua Posnaniensis, 2005. XLVII. pp. 87-107.
- Lobé-Ewane M. Cameroun: le camfranglais // Diagonales. 1989. № 10. pp. 33-34.
- Manessy G., Le français d'Afrique Noire: français créole ou créole français? // Langue française. 1978. №37. pp.91-105.
- Mendo Zé G. Une crise dans les crises. Le français en Afrique noire francophone, le cas du Cameroun. Paris: ABC, 1990. p. 367
- Tchouakak A. Les langues locales aux programmes scolaires au Cameroun. URL: <http://www.afrique-saharienne/education/actualites/langues-locales-programmes-scolaires-cameroun.html> (дата обращения: 30.09.2017).
- Thiam N. Nouveaux modèles de parlars et processus identitaires en milieu urbain: la cas de Dakar // Des villes et des langues, actes du colloque de Dakar, Paris: Didier Erudition, 1992. pp. 495- 511.

References

- Baghana J., Khapilina E. V., Blazhevich Yu. S. (2014), *Angliyskie zaimstvovaniya v territorialnykh variantakh frantsuzskogo yazyka Afriki* [English loans in territorial variants of the French language of Africa: a monograph], INFRA-M, Moscow, Russia. [in Russian].
- Republic of Cameroon [Online], available at: <http://nic.gov.ru/ru/inworld/EU/Cameroon> (Accessed 30 September 2017). [in English].
- Stepushova, L. (2016), *Kamerun povtoryaet ukrainskiy stsenariy* [Cameroon repeats the Ukrainian scenario] [Online], available at: <https://www.pravda.ru/world/restofworld/africa/24-11-2016/1318786-cameroon-0/> (Accessed 30 September 2017). [in Russian].
- Biloua, E. (1999), “Structure phrastique du camfranglais: état de la question” [Phrase structure of Camfranglais: the state of the question] in G. Echu et A. W. Grundstrom (ed.), *Bilinguisme officiel et communication linguistique au Cameroun*, Peter Lang, New York, 147-171. [in French].
- Biloua, E. (2003), *La langue française au Cameroun: Analyse linguistique et didactique*

[The French Language in Cameroon: linguistic and didactic analysis], Peter Lang, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Vienna. [in French].

Chia, E. (1990), “The New Speech Forms in Rapidly Growing City: Pidgin French and Camfranglais in Yaoundé”, *Annales de la Faculté des Arts, Lettres et Sciences Humaines*, vol. VI. №1 et 2. Université de Yaoundé, Yaoundé, 101-129. [in English].

Echu, G. (1999), “Colonialism and linguistic dilemmas in Africa: Cameroon as a paradigm (revisited)”, *Quest: An African Journal of Philosophy*. № XIII (1–2), 19-26. [in English].

Echu, G. (2001), “Le camfranglais: l’aventure de l’anglais en contexte multilingue camerounais” [Camfranglais: the adventure of English in the multilingual context of Cameroon], *Écritures VII: L’aventure*, éd. CLE, Yaoundé, 207-221. [in French].

Éfoua Zengué, R. (1999), “L’emprunt: figure néologique récurrente du camfranglais, un français fonctionnel au Cameroun” [Borrowing: neological figure in Camfranglais, the French language functioning in Cameroon] in G. Mendo Zé (ed.) *Le français langue africaine: enjeux et atouts pour la francophonie*, Publisud, Paris, 168-177. [in French].

Feral, C. de (1989), *Pidgin-english du Cameroun: description linguistique et sociolinguistique* [Pidgin-English of Cameroon: linguistic and sociolinguistic description] Peeters/Selaf, Paris. [in French].

Feral, C. de (1993), “Le français au Cameroun. Approximations, vernacularisation et camfranglais” [The French language in Cameroon. approximations, vernacularization and Camfranglais], V.1. in Robillard D., M. Beniamino (eds.), *Le français dans l’espace francophone*, Champion, Paris, 205-218. [in French].

Feral, C. de (1994), “Créolisation d’un parler endogène: le cas du pidgin english au Cameroun” [Creolization of indigenous speech: the case of Pidgin-English of Cameroon], *Études créoles*, vol. XVII, №1, 50-67. [in French].

Feral, C. de (2004), “Français et langues en contact chez les jeunes en milieu urbain: vers de nouvelles identités” [French and other languages in contact of the young people in urban environment: on the new identities], *Penser la francophonie; concepts, actions et outils linguistiques, Actes des premières Journées*

scientifiques communes des réseaux de chercheurs concernant la langue, Ouagadougou (Burkina Faso), 31 mai-1er juin 2004, Editions des Archives Contemporaines, Paris, 583-597. [in French].

Feral, C. de (2006), “Etudier le camfranglais: recueil des données et transcription” [To study Camfranglais: collection of data and transcription], *Le français en Afrique*, № 21, 211-218. [in French].

Harter, A.-F. (2005), “Cultures de l’oral et de l’écrit à Yaoundé” [Oral and written culture in Yaounde], *Glottopol*, № 5, Situations de plurilinguisme en France: transmission, acquisition et usages des langues, 92-107. [in French].

Kießling, R. (2005), “Bak mwa me do – Camfranglais in Cameroon” [*Lingua Posnaniensis*, XLVII, 87-107. [in English].

Lobé-Ewane, M. (1989), “Cameroun: le camfranglais” [Cameroon: Camfranglais], *Diagonales*, № 10, 33-34. [in French].

Manessy, G. (1978), “Le français d’Afrique Noire: français créole ou créole français?” [The French language of Northern Africa: French creole or Creole French?], *Langue française*, №37, 91-105. [in French].

Mendo Zé, G. (1990), *Une crise dans les crises. Le français en Afrique noire francophone, le cas du Cameroun* [The crisis in crises. The French of the Black Francophone Africa, the case of Cameroon], ABC, Paris. [in French].

Tchouakak, A. (2016) “Les langues locales aux programmes scolaires au Cameroun” [Local languages in school curricula in Cameroon] [Online] // available at: <http://www.afrique-sub-saharienne/education/actualites/langues-locales-programmes-scolaires-cameroun.html> (Accesses 30.09.2017). [in French].

Thiam, N. (1992). “Nouveaux modèles de parlers et processus identitaires en milieu urbain : la cas de Dakar” [New modes of speech and identity processes in the urban environment: the case of Dakar], *Des villes et des langues, actes du colloque de Dakar*, Didier Érudition, Paris, 495-511. [in French].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Клоков Василий Тихонович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения.

Vasiliy T. Klokov, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance and Germanic Philology and Translation Studies.

Блажевич Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации.

Yuliya S. Blazhevich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Professional Communication.

УДК 802. 0-561.3

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-7

Прохорова О. Н.¹,
Чекулай И. В.²,
Громинова А.³**Комбинаторные особенности адъективных лексем
в современном пространстве языка**

- ¹⁾ ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» ул. Университетская, 14, Белгород, 308015 Россия
E-mail: prokhorova@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0001-9441-819X
- ²⁾ ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» ул. Университетская, 14, Белгород, 308015 Россия
chekulai@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0001-8599-1699
- ³⁾ Университет им. Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнава. Площадь им. Й. Герду 2, 917 01
Трнава, Словацкая Республика
E-mail: andrea.grominova@ucm.sk

Статья поступила 31 октября 2018 г.; Принята 19 ноября 2018 г.;
Опубликована 31 декабря 2018 г.

Аннотация. В современной лингвистике в фокусе внимания остаются вопросы, связанные с комбинаторным потенциалом лексических единиц. Актуальность и значимость проблемы комбинаторного потенциала лексем не уменьшается в современной лингвистике, особенно с учетом того, что за комбинаторными возможностями лексем лежит понятийный субстрат, находящий воплощение при актуализации семантики конкретной лексемы при вхождении в определенную структурную схему предложения. В предлагаемой статье речь идет о комбинаторном потенциале адъективных лексем, которые в английском и в русском языках являются достаточно рекуррентными в употреблении. С одной стороны, нас интересует вопрос сочетаемости адъективных лексем типа *anxious, certain, difficult, beautiful* в английском языке, и их эквивалентов в русском, а с другой, функциональные особенности названных лексем в зависимости от структурной схемы, в которую они входят. Объектом рассмотрения в статье является адъективные лексемы, а предметом — особенности функционирования данных лексем в разных конструкциях. Интерес представляет демонстрация функциональных различий адъективных лексем, терминированных их семантической структурой, и их семным составом. В качестве материала используются данные словарей, выборка из художественной литературы и публицистики. В процессе анализа используются метод компонентного анализа, концептуальный и трансформационный методы. В результате исследования было выявлено 4 класса адъективно-предикативных лексем, основные характеристики которых детерминируются спецификой их комбинаторной и семантической структуры. Такие прилагательные могут выполнять различные семантические роли, при этом сохраняя изоморфные семантические характеристики. В исследовании делается вывод о том, что семантика прилагательного является основным источником, задающим общий

вектор синтагматики построений и является детерминантом использования определенных классов глаголов в форме инфинитива, а местоимений или существительных – в роли субъекта.

Ключевые слова: адъективные лексем, структурная схема, инфинитив, ретроактивный инфинитив, сема, оценка.

Информация для цитирования: Прохорова О. Н., Чекулай И. В., Громинова А. Комбинаторные особенности адъективных лексем в современном пространстве языка // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 63-73. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-7

Olga N. Prokhorova¹,
Igor V. Chekulai²,
A. Grominova³

**Combinability peculiarities of adjectival lexemes
in modern language space**

- ¹⁾ Belgorod State National Research University, 14 Studencheskaya St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: prokhorova@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0001-9441-819X
- ²⁾ Belgorod State National Research University, 14 Studencheskaya St., Belgorod, 308015, Russia
chekulai@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0001-8599-1699
- ³⁾ University of St. Cyril and Methodius, Nám. J. Herdu 2, 917 01 Trnava, Slovenská republika
E-mail: andrea.grominova@ucm.sk

Received 31 October 2018; Accepted 19 November 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The modern linguistic science still keeps the issues concerning the combinatorial potential of the lexical units in the focus of its attention. The significance and importance of the problem of adjectival lexemes' combinability remains burning in modern linguistics, especially taking into account that behind the combinatorial possibilities of lexical units there lays the notional substratum that finds implementation during the semantic actualization of a definite lexeme when this lexeme enters a certain structural model of a sentence. The present paper deals with the combinatorial power of adjectival lexemes that are rather recurrent in their usage both in English and in Russian. On the one hand, we are interested in the combinatorial analysis of such adjectival lexemes as anxious, certain, difficult, beautiful, etc., in English and their equivalents in Russian, and, on the other hand, in the functional peculiarities of the named lexemes as dependent on a structural scheme in which they are used. The adjectival lexemes are the object of the present paper, and the peculiarities of these lexemes' functioning in different constructions constitute its subject. No less interesting is the demonstration of functional differences of adjectival lexemes determined by their semantic structure and their seme composition. The dictionaries data, extracts chosen from fiction and media editions are used as a material for the investigation. The method of componential analysis, the conceptual and transformational methods compose the methodic framework of the paper. As a result, there have been determined the four classes of

the adjectival-predicative lexemes, their main characteristic features being determined by their specific combinatorial and semantic structure. Such adjectives may perform different semantic roles while preserving their isomorphic semantic peculiarities. In the paper, the conclusion is given that the semantic peculiarity of the adjectives is the main source for the common vector of the constructions' syntagmatic features, as well as the determinant of using the definite classes of verbs in the form of the infinitive and pronouns and substantives in the role of a subject.

Key words: adjectival lexemes; structural scheme; infinitive; retroactive infinitive; seme; evaluation.

Information for citation: Prokhorova, O. N., Chekulai, I. V. and Grominova, A. (2018), "Combinability peculiarities of adjectival lexemes in modern language space", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 63-73, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-7

Введение. Современная парадигма лингвистических исследований характеризуется антропоцентрическим подходом, в центре которого не перестает находиться проблема «язык – речь – мышление» – триада, которая на протяжении многих десятилетий привлекает внимание исследователей.

За каждым языковым явлением, несомненно, стоит определенная когнитивная модель, которая в лингвистике последних лет нашла номинацию, концепт, скрипт, гештальт и т.д., одним словом, определенной ментальной структуры. И это вполне естественно, так как за порождением любого предложения-высказывания стоит конкретный речемыслительный процесс, коррелирующий с механизмами речевой и мыслительной деятельности человека.

Порождение конструкций с адъективными лексемами не является исключением. Как известно, прилагательные занимают третье место после существительных и глагола по рекуррентности употребления в речи. И более того, в английском языке выражение предикации является в большей мере именным, а не глагольным.

Прилагательное на протяжении всей истории лингвистической мысли находится в центре лингвистических воззрений. Его исследование шло не только по линии изучения как части речи и тех категориальных признаков, которые

стоят за этой частью речи: качества, признаки, но и особенностей функциональных, когда признаки, свойства, качества актуализируются без участия предмета, вещи, явления. И это вполне естественно, так как, как отмечает З.А. Харитончик, именно в сфере прилагательного очевидна абстрагирующая и анализирующая мыслительная деятельность человека (Харитончик, 1986: 3).

Теоретический обзор: Среди исследователей, которые рассматривали прилагательное в своих исследованиях в различных аспектах, можно назвать следующих: Lees R.B. (Lees, 1960), Е.М. Вольф (Вольф, 1978), Е.С. Кубрякова (Кубрякова, 1977), А.А. Уфимцева (Уфимцева, 1974), М.М. Фалькович (Фалькович, 1982), З.А. Харитончик (Харитончик, 1986), А.Н. Шрамм (Шрамм, 1979) и многие другие.

Интерес к изучению прилагательных не угасает у исследователей и в последние десятилетия. Появляются новые работы, в ракурсе которых попадают комбинаторные свойства прилагательных, их роль в организации разных типов дискурса, сопоставительные исследования адъективных лексем в многоязычном и поликультурном пространстве и др. (Е.Я. Городецкая, Т.В. Милевская, С.М. Гетманцев и многие другие).

Постановка проблемы: Данная статья посвящена рассмотрению

комбинаторных особенностей адъективных лексем в современном английском и русских языках.

Как уже отмечалось ранее, за прилагательными стоит абстрагирующая и анализирующая мыслительная деятельность, которая обуславливает специфику номинирующей роли адъективных лексем, а именно: за прилагательным всегда стоит не конкретный денотат, а сигнификат. Данный тезис подтверждается словами А.А. Уфимцевой, которая подчеркивает, что «знаковое значение имен прилагательных носит сигнификативный характер, и подобно глаголам, может быть даже более облигаторно, конкретизирует обозначаемое им виртуальное понятие в минимальных синтагмах» (Уфимцева, 1974: 153).

Особенности номинирующей природы прилагательных детерминируют присутствие оценочной семы у них. Потенциал прилагательных оценивать, квалифицировать свойства, действия, явления обуславливает легкость данного класса слов актуализировать «характеризующую» функцию в рамках целой пропозиции. Именно эта специфика позволяет адъективным лексемам выполнять две основные функции в предложении: атрибутивную и предикативную.

Среди характеристик, которые присущи прилагательным и сближающих данную часть речи с глаголом, можно назвать следующие: во-первых, наличие семы «временной признак», т.е. признак, ограниченный временными рамками. Во-вторых, актуализация значения реляционности, т.е. способность устанавливать отношения между предметами. Последняя характеристика реализуется в комбинаторике адъективных лексем в силу связанности своей семантики с семантикой окружающих слов.

Как известно, в основе любых сочетаний лежат валентные свойства составляющих, актуализируемых в конкретных комбинаторных свойствах

лексических единиц. Комбинаторные свойства лексических единиц зависят не только от их лексического значения, но и от той структурной схемы, в рамках которой происходит актуализация того или иного значения, иными словами, структурная схема конкретизирует, управляет семантическим потенциалом лексемы, вынося на поверхность единственно возможное значение в данной дистрибуции.

В данной статье речь пойдет об особенностях комбинаторики таких прилагательных как *anxious, curious, certain, difficult, easy, hard, beautiful*. На первый взгляд они представляют собой достаточно разнородный ряд, однако их синтагматические особенности в какой-то мере конгруэнтны. Это объясняется тем, что, принадлежа к классу прилагательных, они обладают оценочной семой и могут участвовать в организации оценочных суждений, например:

It is hard to say, whether he is right,
It is difficult to understand him,
It is easy to deal with,
It is curious, whether he'll come,
It is certain he'll come.

Однако, пожалуй, не все из названных прилагательных могут участвовать в построении указанного типа. По всей видимости, имеются какие-то ограничения, не позволяющие им формировать безличные построения.

Научные результаты и дискуссия: Для нахождения причин, лимитирующих такую синтагматику, обратимся к словарной дефиниции прилагательного *anxious*. В словаре Хорнби она представлена следующим образом: ЛСВ3 □ *strongly wishing*, ЛСВ2 □ *causing anxiety*, т. е. *to cause smb anxiety*. Как видно из дефиниций в обоих случаях имплицитно сема «одушевленность». Именно эта сема блокирует возможность употребления прилагательного *anxious* в неличных конструкциях.

Что касается прилагательного «*beautiful*», то оно, в отличие от

прилагательного *anxious*, не содержит семы «одушевленность», как облигатную. Как следствие этого факта конструкции типа *It is beautiful to look at her* вполне возможны. Более того построение такого типа переводится на русский язык, начиная с конца предложения: Смотреть на нее приятно, т.е. значение «красивый», актуализируемое в построениях типа *a beautiful girl, she is a beautiful woman, she is beautiful*, имплицитно, а *beautiful* переходит в данном случае в синонимический ряд прилагательных *nice, good, pleasant*.

Если мы обратимся к лексикографической дефиниции прилагательного *curious*, то увидим его особенности. В ЛСВ1 он имеет значение *eager (to learn to know)*: *I am curious to know what he said*.

If a boy is curious, he is always asking questions.

В этом значении прилагательное «*curious*» не может употребляться в безличных предложениях, так как эксплицитно сему «одушевленность», несовместимую с семой «безличность», что свидетельствует об отсутствии конгруэнтности семантической структуры лексем «*It*» и «*curious*» в значении «сильно хотеть». Однако, в значении «странный» (ЛСВ3 – *strange, unusual*) такие конструкции допустимы:

Isn't it curious we've never met before?

Кроме того, прилагательное *curious* может актуализировать значение «интересный», «любопытный» (ЛСВ2 *having or showing too much interest in the affairs of others*). Например:

I was just curious because it seems like a strange thing to do to walk into a room, audition and walk out with a box of raisins.

Для всех названных в этой статье прилагательных типичным является употребление, как в атрибутивной, так и в предикативной функции.

Мы можем увидеть употребление прилагательных в модели *S+Pr* или *Adj+N*, как в русском, так и английском языках: а

curious question – любопытный / странный вопрос; *a difficult / a hard question* – трудный вопрос; *a beautiful girl* – красивая девочка, *an anxious time* □ тревожное / беспокойное время, *on certain condition* – при определённых обстоятельствах.

Наиболее рекуррентной среди конструкций с изучаемыми в данной статье прилагательными является модель: глагол *to be* + прилагательное + инфинитив. Предикативная функция изучаемых прилагательных особенно ярко проявляется в сочетании с последующим инфинитивом.

Как известно, способность прилагательного сочетаться с последующим инфинитивом называется индуктивностью. Эта способность прилагательного сближает его с глаголом, однако в лингвистической литературе отмечается тот факт, что адъективная валентность является слабее глагольной.

Для того, чтобы, выражаясь словами Ю.С. Степанова, образовался длинный семантический компонент (Степанов, 1981), нужны определенные условия конгруэнтности, семантической солидарности, а именно: наличие общих сем рядоположенных лексем для предопределения возможности появления другого слова. Однако специфика синтагматики построений такого типа имеет еще одну особенность. Она заключается в том, что прилагательное в них должно тоже удовлетворять каким-то семантическим критериям, а именно передавать определенные значения, вписывающиеся в сферу значений «отношение к действию». В этом смысле показательны дифференциации таких случаев, как *He is anxious to puzzle* и *He is difficult to puzzle*.

Во втором примере прилагательное *difficult*, в отличие от *anxious*, не выражает отношение субъекта к собственному действию, лексема *difficult* выражает характеристику субъекта, с одной стороны, и оценочную характеристику воздействия на субъект, с другой стороны, что

способствует ретроактивному осмыслению значения инфинитива. Это можно продемонстрировать с помощью трансформов:

He is difficult to puzzle = It is difficult to puzzle him.

В данном случае наблюдается нарушение целостности предиката и расчленение его на два, с разной ориентированностью на субъект. Иными словами, происходит переосмысление качественной характеристики субъекта в оценочную характеристику, исходящую от наблюдателя со стороны, а прилагательное коррелирует со всей пропозицией в целом. Связь между частями предиката можно назвать энгрессивной.

Целостность же построения с прилагательными типа *anxious* можно показать с помощью трансформации номинализации, при которой оба компонента остаются неизменными:

He is anxious to do it = His anxiety to do this.

He is eager to do this = His eagerness to do this.

Говоря о прилагательных типа *anxious*, *curious*, *eager* и др., следует отметить, что все они содержат сему «желание», которая накладывает определенные ограничения на их комбинаторику с последующим инфинитивом, что проявляется в избирательности класса глаголов, следующих за прилагательным.

Наличие названной семы у прилагательного *anxious* наиболее ярко представлено, поэтому ограничения актуальны в выборе последующего инфинитива глагола со значением «волеизъявление». В построениях с прилагательным *anxious* не употребляются лишь глаголы, передающие значение желание, во избежание тавтологического эффекта. Например:

– Edward was most anxious to hear all the news of Chicago (Maugham).

Тоже самое можно сказать о прилагательном *eager*:

He is very eager to walk over the pass while the weather held good (Hemingway)

Диапазон сочетаемости прилагательного *curious* ограничивается возможностью сочетаться с инфинитивами, которые имеют значение познание, коррелирующими со значением жажда, любопытство.

Наличие семы «желание», передающей направленность пропозиции в целом на будущее, объясняет невозможность употребления инфинитива в перфектной форме.

Последнее объясняется тем, что сема «желание», имеющаяся у прилагательных типа *anxious*, *eager*, не допускает употребление перфектных форм инфинитива, так как желание направлено на перспективу. Более того в построениях такого типа в качестве субъекта построения могут употребляться только антропонимы.

Говоря о построениях с прилагательными типа *certain*, можно сказать, что они передают более систематизированное, по сравнению с оценочным, модальное значение гипотетичности. Они характеризуются наличием семы «направленность, релятивность», которая актуализируется в направленности на ситуацию в целом, а не на отдельное действие. Для этих прилагательных также характерно наличие модальной семы, являющейся ведущей в их семантической структуре.

«Поведение» прилагательных данной группы можно поставить в параллель с аксиологическими операторами, что доказывается возможностью корреляции большинства из них с однокорневыми наречиями и следующей трансформации: *sure* – *surely*; *certain* – *certainly*; *possible* – *possibly* и др.

He is sure to do it – Surely he'll do it.

He is certain to come – Certainly he'll come.

Для структур типа *He is anxious to come* такая соотносимость невозможна:

He is anxious to come – *Anxiously...

Специфика прилагательных, образующих построение типа *He is certain to come*, проявляется также в отсутствии в их семном составе семы антропонимичность. Отсутствие данной семы манифестируется прежде всего, в том, что в роли подлежащего предложения могут выступать как антропонимы, так и не антропонимы.

В отличие от прилагательных структуры *He is anxious to come*, семантика прилагательных данной группы не влияет на выбор последующего инфинитива по семантическим критериям, то есть семантика прилагательного не детерминирует употребление той или иной семантической группы глаголов, так как между семным составом прилагательного и глагола нет семантической согласованности. Подтверждением этого факта является свободное их употребление со всеми классами глаголов без ограничения.

– *Everyone knows. In fact, he is certain to know* (Forster).

– *He's certain to be a very valuable character* (Snow).

Все прилагательные рассматриваемого типа, подобно глаголам пропозиционального отношения, обозначают «внешнюю деятельность» (Арутюнова, 1976:61) и не замыкаются на определении субъекта, а переходят на объект, образуемый в рассматриваемой структуре пропозицией.

- *He is certain to come*
- *It is certain he'll come.*
- *He is certain to come*
- *His coming is certain.*
- *He is anxious to come*
- *His coming is anxious.*

Говоря о построениях с прилагательными типа *beautiful, difficult/hard, easy* и др., следует отметить, что данная группа прилагательных характеризуется широкой, емкой, но вполне законченной семантикой оценки. Последующий инфинитив обычно

ограничивает, уточняет и конкретизирует значение прилагательных.

Именно поэтому прилагательные, функционирующие в рамках рассматриваемого построения, приобретают значение, отличное от того, которое они имеют в структуре без инфинитива. Это дает право некоторым лингвистам, например, О. Есперсену, считать, что в данном случае инфинитив при предикативном прилагательном выполняет специфическую, детализирующую функцию (*specification*) (Jespersen, 1927: 262). А.Г. Шапиро называет её ограничительной функцией (Шапиро, 1965: 32). М. Дейчбайн трактует инфинитив при прилагательном типа *pleasant to look at* как инфинитив цели и назначения (Deutchbein, 1928: 160). Но это не совсем так, так как сочетание *pleasant to look at* передает значение «приятный на вид», а не «приятно смотреть», т.е. приятно в определенном отношении. Очевидно, что прилагательные этой группы не предикативны в оценочном значении без их распространения и детализации.

Все инфинитивы глаголов, которые употребляются в данном построении, являются глаголами направленного действия, т.е. требующие прямого или предложного дополнения. Среди них можно назвать следующие глаголы: *to manage, to deal with, to get at, to look at, to pick out, to dance with, to talk to, to get on with, etc.* В восприятии направленность на объект индицируется либо самой семантикой глагола, либо предлогом. Например:

– *Recruits were difficult to manage* (Harvest).

– *...he was even more beautiful to look at* (James).

Особенность данной группы глаголов выражается в том, что не наблюдается корреляции между их активной формой и пассивным значением, передаваемым этой формой неморфологизированным способом. Такой инфинитив, активный по

форме, но пассивный по содержанию, О. Есперсен назвал ретроактивным инфинитивом (Jespersen, 1954: 217). Позднее этот термин, отражающий противоречивую сущность указанного явления, широко используется в лингвистической литературе (Басова, 1982), (Аверьянова, 1985 и др.). В связи с вышеизложенным можно констатировать, что построение типа *he is difficult to deal with* по способу выражения действия, свойства, признака можно называть имплицитно-пассивной конструкцией в отличие от эксплицитно-пассивных конструкций, в которых глагол выражен пассивным залогом.

Следует также отметить, что специфика категориального значения инфинитива данного построения предопределяет его гомогенную парадигму: он употребляется только в форме действительного залога *Indefinite*. Для построений данного типа невозможно употребление инфинитива в формах *Continuous*, *Perfect*, что детерминировано тем фактом, что инфинитив передает не планируемое действие, а только его концепт, понятие.

Говоря о модели с прилагательным с последующим наречием *enough* или предшествующим *too* (постпозиция или препозиция), можно констатировать, что в построениях такого типа степень вероятности употребления того или иного прилагательного с оценочной семой достаточно высока и вероятна. Это объясняется тем, что модификаторы *too* и *enough* допускают употребление практически всех прилагательных, допускающих градацию или степень качества на понятийном уровне, выражаемую в русском языке слишком – *too* или достаточно – *enough*.

В данных построениях, которые на русский язык переводятся с помощью сложноподчиненных предложений с придаточным цели/причины достаточно рекуррентны как в русском языке, так и в английском:

– Она достаточно красива, чтобы...

– Он достаточно умен, чтобы...

В конструкциях такого типа практически нет ограничений для употребления прилагательных. Особенность прилагательных, входящих в данное построение, заключается в том, что они характеризуют/квалифицируют лицо или предмет как носителя определенного качества, наличие которого позволяет реализовать субъекту или предмету какое-либо действие/восприятие или испытать воздействие (при пассивном инфинитиве). Прилагательные, образующие такие построения, могут характеризовать предмет или субъект квантитативно (*inaugurate*, *ample*, *(in)sufficient*) и квалификативно (*strong*, *young*, *old*, *clever* и др.).

Более того, квалификативные прилагательные могут характеризовать субъект или предмет по различным параметрам.

Прилагательные рассматриваемой группы могут употребляться атрибутивно и предикативно:

– *She is too small to bring this*

– *She is a small girl.*

– *He is clever enough to understand it* –

He is a clever boy.

Отсутствие семы направленного признака проявляется у прилагательных, входящих в рассматриваемое построение, прежде всего в том, что они не имеют обязательной валентности на пропозицию. Будучи употребленными предикативно в структуре типа *She is gay*; *He is clever* и подобных, они образуют вполне информативные, семантически и коммуникативно самодостаточные структуры. Прилагательные, таким образом, индифферентны, неизбирательны по отношению к последующему инфинитиву, то есть связь между прилагательными и инфинитивом возникает как обязательная только при наличии оператора степени. Например:

– He was too clever not to see the arguments for Roger’s policy, but he would not like them (Snow).

– «I’m not naive enough to believe, that you often eat supper alone», she scoffed (Winspear).

– But of course Jane was much too simple to intend an innuendo (Maugham).

Семантически инфинитивы глаголов могут передавать не только действия, но и отношение к действию, образуя еще более усложненные предикаты. Например:

– The town is usually too poor to afford to pay for the killing of the bull... (Hemingway).

Инфинитив может быть представлен глаголом с модальным значением, что также ведет к усложнению, например:

– You’re probably still young enough to be able to make the choice... (Hilton).

Все приведенные примеры доказывают, что структура *He is clever enough to do it* может быть образована глаголами различных семантических классов, набор того или иного класса никак не детерминируется семантикой и валентностью прилагательных.

Парадигма инфинитива представлена также достаточно широко и разнообразно. Инфинитив может иметь форму *Indefinite Active, Passive; Continuous Active, Perfect Active*. Наиболее типично употребление форм *Indefinite Active* и *Passive*. Инфинитив часто выражает либо вневременные действия, либо несовершенные, либо прошлые. С этой точки зрения инфинитив глаголов в рассматриваемом построении обозначает не действие как таковое, а только концепт действия. Например:

– He’s too old to be getting a woman all to himself like that (Caldwell).

– “If I am lucky enough to be elected”, he said, “I think I shall feel obliged to offer it to Getliffe (Snow).

На основе фактического материала можно сделать вывод, что для рассмотренного построения нетипична четкая временная отнесенность, так как

качественная характеристика вообще не имеет временной отнесенности. Характеристика может быть временной (для конкретного действия), либо постоянной. Инфинитив глагола не референтен, он только называет действие, показывая его как гипотетическое.

Выводы: Проведенный анализ прилагательных четырех групп позволяет заключить, что действительно прилагательное – это особый класс признаков лексем, позволяющий функционировать в речевой цепочке в двух ипостасях: атрибутивно и предикативно. Это детерминируется особенностями семантики данного класса лексем, сближающих их, с одной стороны, с глаголами, а с другой, с существительными. Индуктивность, как способность прилагательных сочетаться с последующим инфинитивом, сближает его с глаголами и позволяет выстраивать синтагматическую цепочку, в которой семантика прилагательного является ведущей в синтагматике построений. Именно она детерминирует появление определенных классов глаголов в качестве инфинитивов, а также местоимений или существительных в роли субъекта. Более того от семантики прилагательных зависит парадигма построений.

В атрибутивной функции важна прежде всего концептуальная конгруэнтность, которая затем выражается на языковом уровне.

Анализ прилагательных показал, что комбинаторный потенциал адъективных лексем находит свою актуализацию при вхождении лексем в ту или иную структурную схему, где реализуется один из лексико-семантических вариантов лексем, семантика которой позволяет или лимитирует комбинаторные возможности адъективной лексемы.

Представляется перспективным рассмотрение на более широком материале построения с адъективными лексемами в предикативной функции, а также расширение плоскости исследования с

одного языка на несколько. Пока есть только намек на реальные основания о том, что подобная фактологическая картина наблюдается и в других языках германской группы.

Список литературы

Аверьянова Н.А. Средства выражения неморфологического пассива в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 16 с.

Басова Р.В. К вопросу о ретроактивном инфинитиве в английском языке // Учен. зап. / Иркутский гос. пед. ин-т ин. яз. Вып. 6. Улан-Удэ, 1962. С. 31-47.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: На материале иберо-романских языков. М., Наука, 1978. 199 с.

Кубрякова Е.С. Имя прилагательное // Историко-типологическая морфология германских языков. М., 1977. С. 286-352.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 206 с.

Фалькович М.М. Функционально-семантические особенности английского прилагательного // Иностр. яз. в школе. 1982. № 5. С. 17-20.

Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск: Вышэйш. шк., 1986. 93 с.

Шапиро А.Г. О структурных особенностях словосочетаний типа «прилагательное + инфинитив» // Исследования по английской филологии: Сб. Ленингр. ун-та им. А.А. Жданова. Л., 1965. Сб. № 3. С. 23-43.

Jespersen O. Modern English Grammar on Historical Principles. – London, 1927. – Pt. 3. – 415 p.

Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. – Copenhagen, 1954. Vol. 3. 415 p.

References

Aver'yanova N.A. (1985), *Sredstva vyrazheniya nemorfologicheskogo passiva v sovremennom angliyskom yazyke* [The means of expressing the non-morphological passive voice in modern English]: *Avtoref. diss. kand. filol. nauk*

[Abstract of PhD dissertation]. L. 16 p. [in Russian].

Basova R.V. (1962), *K voprosu o retroaktivnom infinitive v angliyskom yazyke* [To the problem of the retro-active infinitive in English]// *Uchjon.zap.* [Scientific papers] /Irkutsk.gos.ped. in-t in.yaz. Ulan-Udae. Vyp. 6. P. 31-47. [in Russian].

Vol'f Ye.M. (1978), *Grammatika i semantika prilagat'el'nogo: na materiale iberoromanskikh yazykov* [The grammar and semantics of the adjective: Based on the material of Iberian-Romanian languages]. M., Nauka. 199 p. [in Russian].

Fal'kovich M.M. (1982), *Funktsional'no-semanticheskiye osobennosti angliyskogo prilagat'el'nogo* [The functional and semantic peculiarities of the adjective in English] // *Inostrannije yazyki v shkole* [Foreign languages in school]. #5. P. 17-20. [in Russian].

Stepanov Ju.S. (1981), *Imena. Predikaty. Predlozheniya: Semioticheskaya grammatika* [Names. Predicates. Sentences: The semiotic grammar]. M., Nauka. 360 c. [In Russian].

Ufimtseva A.A. (1974), *Tipy slovesnykh znakov* [The types of word-signs]. M., Nauka. 206 p. [In Russian].

Kharitonch'ik Z.A. (1986), *Imena prilagat'el'nye v leksiko-grammaticheskoy sisteme sovremennogo angliyskogo yazyka* [Adjectives in the lexical and grammatical structure of Modern English]. Minsk, Vyshejsk. shk. 93 p. [in Russian].

Kubryakova Ye. S. (1977), *Imya prilagat'el'noye* [The adjective] // *Istoriko-tipologicheskaja morfologija germanskikh yazykov* [The historic and morphologic typology of the Germanic languages]. M. P. 286-352. [In Russian].

Shapiro A.G. (1965), *O strukturnykh osobennostjakh slovosochetaniy tipa 'prilagatel'noye+infinitiv'* [About the structural peculiarities of the 'Adjective + Infinitive' type constructions] // *Issledovaniya po angliyskoy filologii* [Issues in English philology]. Sb. Leningr.un-ta im A.A. Zhdanova. L. Sb. № 3. P. 23-43. [In Russian].

Jespersen O. (1927), *Modern English Grammar on Historical Principles*. London, Pt. 3. 415 p. [In English].

Jespersen O. (1954), *Modern English Grammar on Historical Principles*. Copenhagen. Vol. 3. 415 p. [In English].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Прохорова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений.

Olga N. Prokhorova, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Cross-cultural Communication and International Relations.

Чекулай Игорь Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor.

Громинова Андреа, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русистики, старший преподаватель.

Andrea Grominova, PhD in Philology, Senior Lecturer, Head of Department of Russian Studies.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-8

Arthur A. Maksaev¹,

Stanislava B. Smirnova²

Questions associated with the social adaptation of immigrants in the British society from a linguistic point of view

1) Russian University of Cooperation,
12/30 Vera Voloshina St., Mytishi, Moscow region, 141014, Russia
E-mail: amaksaev@rucoop.ru
ORCID: 0000-0002-4396-2918

2) Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: stacey33@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2497-4697

Received 30 October 2018; Accepted 13 November 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The present research is aimed at studying the peculiarities of linguistic fixation of lexemes that verbalize the processes of mutual social adaptation of both Muslim immigrants and members of the British linguistic culture. The study of these questions allows us to present an image of the functioning of the processes in the language leading to a change in the semantics of the meaning of the relevant lexical units. The study of these processes is carried out on the analysis of anonymous letters, which have received considerable distribution in British society. These letters were distributed among the British with opposing goals, however, they are quite comparable for conducting this kind of research. As a result of studying the letters, there were identified and classified the lexical units, reflecting the necessary changes in the language. There were also revealed the changes in their semantics used in the axiological aspect, which allows assessing the degree and possible means of manipulating the opinion of the speakers. Thus, according to the results of the study, a number of lexemes were identified, characterized by an associative connection with the concept of Muslim immigrants. In the future, the results of this study will form the basis of the level model of language variability. With further deepening of the linguistic aspect of the study, it is possible to compile a database for studying manipulative strategies of regulating public opinion, and, as a result, changes at the verbal level

Key words: concept; social adaptation; immigrants; British linguistic culture.

Information for citation: Maksaev, A. A. and Smirnova, S. B. (2018), “Questions associated with the social adaptation of immigrants in the British society from a linguistic point of view”, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 74-80, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-8

**Максаев А. А.¹,
Смирнова С. Б.²****Вопросы социальной адаптации иммигрантов
в британском обществе с лингвистической точки зрения**

1) Российский университет кооперации,
ул. Веры Волошиной, 12/30, Мытищи, Московская область, 141014, Россия

E-mail: amaksaev@rucoop.ru

ORCID: 0000-0002-4396-2918

2) Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национально-исследовательский университет»,
ул. Победы, 85, Белгород, 308001, Россия

E-mail: stacey33@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2497-4697

Статья поступила 30 октября 2018 г.; Принята 13 ноября 2018 г.;

Опубликована 31 декабря 2018 г.

Аннотация. Настоящее исследование направлено на изучение особенностей лингвистического закрепления единиц, вербализующих процессы взаимной социальной адаптации как иммигрантов-мусульман, так и членов британской лингвокультуры. Изучение этих вопросов позволяет представить картину функционирования в языке процессов, приводящих к изменению семантики значения релевантных лексических единиц. Изучение этих процессов осуществляется на материале анализа анонимных писем, получивших значительное распространение в британском обществе. Эти письма были распространены среди британцев с противоположными целями, однако, вполне сопоставимы для проведения такого рода исследования. В результате изучения писем были выявлены и классифицированы лексические единицы, отражающие в языке необходимые изменения, но и как изменение их семантики задействуется в аксиологическом аспекте, что позволяет оценить степень, а также возможные средства манипулирования мнением носителей. Таким образом, по итогам исследования был выявлен ряд лексем, характеризующих ассоциативной связью с понятием иммигрантов-мусульман. В дальнейшем, результаты настоящего исследования лягут в основу уровневой модели вариативности языка. При дальнейшем углублении лингвистического аспекта исследования возможно составление базы данных для изучения манипулятивных стратегий регулирования общественным мнением, а, как следствие, и изменений на вербальном уровне.

Ключевые слова: концепт, социальная адаптация, иммигранты, британская лингвокультура.

Информация для цитирования: Максаев А. А., Смирнова С. Б. Вопросы социальной адаптации иммигрантов в британском обществе с лингвистической точки зрения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 74-80. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-8

INTRODUCTION. As it is known, the cultural worlds of the West and the East are not the same. Recently, due to the political situation and the emerging local conflicts of

various levels and scale, the largest number of refugees has arrived in Europe from such countries as Afghanistan, Iraq, Syria, and Libya. These are Muslim countries with their

own special mentality, lifestyle, norms and values, in which the most important role is played by religion, the code of laws spelled out in the most important book of Muslims – the Koran – in opposition to the liberal attitude to religious issues on the part of Europeans. In Europe, it is not accepted to practice any religious cult publicly. Muslims pray right in the streets without any embarrassment, but it should be noted that the main reason for this is the lack of mosques. It is also important that the overwhelming number of refugees are young men who are very aggressive and may increase the crime rate. The second important difference is the overall cultural level of those arriving in Europe, which is quite low.

In Western culture, the society is settled to the principle that if a serious social problem has arisen, it is necessary to conduct a serious, expensive advertising campaign. The fact is obvious that the money spent on educating citizens is not so large in comparison with possible costs of eliminating the consequences of their unconsciousness. The UK Government has recently closed the Marketing and Communications Agency of the Central Information Office, and the Cabinet of Ministers closely monitors the information reflected in advertising messages. The topic of the problem of migration is very sensitive, which can lead to accusations of human rights abuses, racism and intolerance.

Theoretical review. From the terminological point of view, these questions deal with such abstract things as values and ethics. So, values are defined by The Cambridge Dictionary as *the beliefs people have*, especially about what is right and wrong and what is most important in life, that control their behavior. The Collins Dictionary explains values as *the moral principles and beliefs or accepted standards of a person or social group*. According to The Cambridge Dictionary *morals are standards for good or bad character and behavior*. The Collins Dictionary defines morals as *principles of behavior in accordance with standards of right and wrong*. Definition of ethics in The

Cambridge Dictionary is *the study of what is morally right and wrong, or a set of beliefs about what is morally right and wrong*. According to The Collins Dictionary ethics has several meanings:

1) the philosophical study of the moral value of human conduct and of the rules and principles that ought to govern it; moral philosophy;

2) a social, religious, or civil code of behavior considered correct, especially that of a particular group, profession, or individual;

3) the moral fitness of a decision, course of action, etc.

The problem of cultural interaction between the countries of the East and the West is also demonstrated by migrants who have been living in Europe for quite a long time, however, they don't hurry to adopt the cultural traditions of the West, remaining true to the Islamic law and laws. In general, one can note the aggravation of relations between the indigenous population and migrants, which is promoted a lot by the behavior of the refugees themselves, disrespect for the culture of the host countries, and even the commission of crimes.

As it was mentioned above, the topic of the problem of migration is very sensitive, which can lead to accusations of human rights abuses, racism and intolerance. In this respect, it is very difficult to find examples of social advertising on the topic of migrants in British sources. However, recently, in April 2018, the letters were sent to the residents of London urging not to remain indifferent to the problem of Muslims who had migrated to their country. First, people received the 'Punish a Muslim day' letters (Punish a Muslim Day, 2018), urging people not to remain indifferent to the actions of Muslims that infringe upon the European population and to take active steps, including killing, and to drive them out of the country. Then, in response to this propaganda, the 'Love a Muslim day' letters (Love a Muslim Day, 2018) were sent with opposing ideas.

Research Results and Discussion. Before proceeding to the lexical analysis, it is

worth noting that the letters are identical in structure, use of fonts, arrangement of characters, as well as grammatical and syntactic structures. The main feature of the letters is their complete opposition, they contain a lot of opposition.

Thus, a primary lexical analysis was conducted. The lexeme ‘**Punish**’ in the title of the letter is opposed to the lexeme ‘**Love**’. The Cambridge Dictionary gives the following definitions:

Punish – 1) to make someone suffer because they have done something bad.

Love – 1) to like someone very much and have romantic or sexual feelings for them; 2) to like a friend or a person in your family very much; 3) to enjoy something very much or have a strong interest in something.

The letter begins with a description of the activities of Muslims living among Europeans. The verb ‘**hurt**’ is opposed by the verb ‘**love**’. The Cambridge Dictionary suggests the following meaning:

Hurt – 1) to cause someone pain or to injure them; 2) If a part of your body hurts, it is painful; 3) to cause emotional pain to someone; 4) to have a harmful effect on something.

Then, the expression ‘**made you loved ones suffer**’ is contrasted with ‘**made you so many carries and kebabs**’. From the expressions we can single out the most emotionally colored words such as ‘**suffer**’ and ‘**carries and kebabs**’. Then the negative word ‘**pain and heartache**’ is again contrasted with the word ‘**love**’. Further, the text matches words in quotes in a figurative sense: the word ‘**sheep**’ in the sense of people who do not have the courage to express their opinions and stand out from the crowd, and the word ‘**normal**’ in the meaning of most people who have no opinion and act like everyone else. It may be noted that, despite the radically opposite ideas of these letters, the words ‘**sheep**’ and ‘**normal**’ in the context of these letters have similar meanings. These words can be distinguished as a “red rag” technique for the reader. After all, it is known that for the British it is of great

importance to be special, standing out from the crowd. Thus, the appeal of this kind attracts the reader and forces to delve into the essence of the problem.

Further, the text provides a number of arguments for the benefit and for the harm that Muslims bring in immigrants. Among the arguments from the letter ‘**Punish a Muslim Day**’, one can single out the following key phrases: *to become democracies, to become harm, to turn democracies*. Among the arguments from the letter ‘**Love a Muslim Day**’, the following key phrases can be identified: *to contribute billions of pounds, thousands of doctors, to contribute to our democracies*. Obviously, in a return letter, there are more arguments about the benefits of Muslim immigrants than in the first.

The letters resent the actions to be carried out in tables. Actions are ranked. The importance of the action depends on the “rewards” that the performer will receive. Unfortunately, it seems impossible to conduct a lexical analysis due to the high degree of syntactic integrity.

However, this actions ranking is developed as visual lists of values in order from the least significant to the most significant. In the letter ‘**Love a Muslim Day**’, the highest value is the lifetime trip to Mecca and the least significant is to smile at a Muslim. In the letter ‘**Punish a Muslim Day**’, the highest value is to nuke Mecca, and the least valuable is to verbally abuse a Muslim. Moreover, it should be noted that these values are inextricably linked with the idea of the values of Muslim immigrants. In the letter ‘**Love a Muslim Day**’, values are compared with the estimated values of Muslim immigrants, and in the ‘**Punish a Muslim Day**’ letter values are related to the alleged anti-values of Muslim immigrants. The values from the last letter are anti-values from a humanistic point of view, therefore we will denote them further as anti-values. We have compiled an analytical report with expressions used in the letters considered that reflect values and anti-values (ranked by an axiological trigger, the term “axiology” is

borrowed from N.N. Kazydub (Kazydub, 2008)).

So, vital values, that are life-death, health-sickness oppositions, are represented in the ‘Punish a Muslim Letter’ by:

- to throw acid in face;
- to beat up;
- to torture;
- to butcher;

which are PRO-Muslim, and are represented by:

- to hurt smb;
- to cause pain and heartache;
- to do harm;

which are CONTRA-Muslim. Vital values of the ‘Love a Muslim Letter’ are represented by:

- to heal the sick;

which is PRO-Muslim. CONTRA-Muslim phrases were not outlined.

The second detected axiological trigger is sacred values. It is represented by the opposition Motherland-Foreign land. The ‘Punish a Muslim Letter’ shows only CONTRA-Muslim direction verbalized by:

- to turn democracies into Sharia.

The ‘Love a Muslim Letter’ presents only a PRO-Muslim component verbalized by

• to contribute to politics, the media, the judiciary and to democracies;

without CONTRA-Muslim component.

Hedonic values, as Happiness-Grief opposition, are represented in the ‘Punish a Muslim Letter’ by:

- verbally abuse;

which is PRO-Muslim. The CONTRA-Muslim component is represented by

- to make your loved ones suffer.

‘Love a Muslim Letter’ presents hedonic values only in PRO-Muslim component by:

- to love you;
- to create so much love

phrases. CONTRA-Muslim elements are absent here.

Social values, i.e. Labour-Idleness opposition, is not represented in the ‘Punish a Muslim Letter’ both in PRO- and CONTRA-

components. But the ‘Love a Muslim Letter’ presents both of them. Social values are represented here by:

- to buy a coffee with cake;
- 1. to invite to your home;
- 2. to take a weekend trip;

and that is a PRO-Muslim component.

The CONTRA-Muslim component is represented by:

3. to make so many curries and kebabs.

Next outlined axiological triggers are material and intellectual values, oppositions Wealth-Poverty and Sense-Stupidity sequentially. But these values are present only in the ‘Love a Muslim Letter’ and are of the PRO-Muslim component:

- 4. to do a fund raiser for the needy;
- 5. to contribute billions of pounds;
- 6. to educate our children.

Another group of values of the adjacent meaning is moral and emotional. Oppositions that correspond them are Truth-False and Laugh-Sadness, and they are less represented in both studied materials. ‘Punish...’, a PRO-Muslim component, is verbalized by

- not to be a ‘sheep’

and the CONTRA-Muslim component in ‘Love...’ is verbalized by:

- not to be a ‘normal’ person;
- to smile;
- to throw flowers.

Finally, the analysis outlined the religious values with the opposition Heaven-Hell. The phrases verbalizing the PRO-component of religious values in the ‘Punish a Muslim Letter’ are:

• to pull the head scarf’ off a Muslim ‘woman’;

- to burn or bomb a mosque;
- to nuke Mecca.

The PRO-component of the ‘Love a Muslim Letter’ is verbalized by:

• to fast in Ramadhan with a Muslim and to celebrate Eid;

• to buy a Hajj package for a Muslim family.

CONCLUSIONS. These letters present the basic meaning with value coloring in verb expressions. The given letters analysis

presents that in the letters studied there are all kinds of values and anti-values according to the grouping. However, their ratio in letters is different. In the ‘Punish’ letter, more preference is given to vital and religious values and anti-values, and in the Love’ letter social-utilitarian and religious are dominant. Also there is a division of expressions with a value reflecting on the focus on actions that are aimed at Muslims and on actions that are produced by Muslims. Thus, it is clearly seen that in the ‘Punish’ letter anti-value-oriented actions directed at Muslims significantly prevail in number over anti-value-oriented actions emanating from Muslims. However, it is also worth noting that the value-ignored actions from the ‘Love’ letter are the most diverse in value types and in the number of uses in the text.

It is impossible to ignore the fact that the values from the letter ‘Punish’ are anti-values from a humanistic point of view, but in this situation from the point of view of the British themselves, infringed upon the actions of migrants, these actions are values and are aimed at protecting their existence.

The analysis allows us to conclude that when the complex, ambiguous with axiological picture of the world, arises for a certain linguistic culture of the situation, even a limited set of lexical tools with the axiological meaning attracted allows you to freely use the concept of values and, if desired, replace them.

Acknowledgements. Published with the support of the Fund of the President of Russia for young scientists – PhD №MD-2687.2017.6 “Variation of English language in Great Britain in the aspects of political, social and economic factors (based on Internet discourse)”.

Список источников

Cambridge Dictionary [Online], URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-english/> (дата обращения 28.08.2018)

Collins Dictionary [Online], URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 28.08.2018)

Кук Дж. Дискурс. Оксфорд Университи Пресс, 1992. 168 с.

Дейк ван Т.А. Исследование дискурса // Дискурс как структура и процесс / под ред. Т.А. ван Дейка. Л., 1997. с. 1-34.

Джерико А., Симансен Дж.Б. Цивилизации: разлом или сотрудничество? Ислам в меняющемся мире. Европа и Ближний Восток. Рутледж, 2013. 220 с.

Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в инновационном пространстве лингвистического образования: инновационные подходы: тезисы науч.-практич. конф. в рамках Инновационной образовательной программы МГЛУ «Система формирования языковой компетентности – важный фактор инновационного развития России (Лингвапарк)» [Текст] (Иркутск, 2008), Иркутск, 2008.

Куприева И.А. История влияния арабского мира на английский язык // Куприева И.А., Брыкова Е.М. Современные проблемы науки, технологий и инновационной деятельности – сб.науч.тр. по материалам международной научно-практической конференции, г. Белгород, 31 августа 2017. Белгород, 2017. 160 с.

Харрис З. Дискурс-анализ // Язык. 1952. Вып.28. с. 474-494.

Love a Muslim Day [Online], URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-leeds-43401384> (дата обращения 07.07.2018)

Punish a Muslim Day [Online], URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/blog/2018/4/3/uk-muslims-stand-together-after-vile-punishamuslimday-attempt> (дата обращения 07.07.2018)

References

Cambridge Dictionary [Online], available at:

<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-english/> (Accessed 28 August 2018). [in English].

Collins Dictionary [Online], available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (Accessed 28 August 2018). [in English].

Cook, G. (1992), *Discourse*, Oxford University Press, Oxford, UK. [in English].

Dijk, T. A. van (1997), “The study of Discourse”, *Discourse as Structure and Process*, Sage Publications, 1–34. [in English].

Jerichow, A. and Simansen, J. B. (2013), *Civilizations: Clash or Cooperation? Islam in a changing world. Europe and the Middle East*, Routledge. [in English].

Harris, Z. (1952), “Discourse Analysis”, *Language*, Vol. 28, P. 474–494. [in English].

Kazydub, N. N. (2008), “Axiological systems in innovative space of linguistic education: innovative ways”, *Tezisy nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkakh Innovacionnoy obrazovatelnoy programmy MSLU “Formation system of linguistic competence as an important factor of innovative development of Russia (Lingvuapark)”*, Irkutsk, Russia. [in Russian].

Kuprieva, Irina (2017), “History of Muslim World Impact on English language”, in Kuprieva Irina, Brykova Elizaveta, *Modern problems of Science, Technology and Innovative Developments*, sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, Belgorod, Belgorod, Russia. [in Russian].

Love a Muslim Day [Online], available at: <https://www.bbc.com/news/uk-england-leeds-43401384> (Accessed 7 July 2018). [in English].

Punish a Muslim Day [Online], available at: <https://www.alaraby.co.uk/english/blog/2018/4/3/uk-muslims-stand-together-after-vile-punishamuslimday-attempt> (Accessed 7 July 2018). [in English].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Максаев Артур Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент, ректор.

Arthur A. Maksaev, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Rector.

Смирнова Станислава Борисовна, ассистент.

Stanislava B. Smirnova, Assistance Lecturer.

УДК 81'272

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-9

Ню Юйфэн

Фразеологизмы китайского языка, характеризующие события в жизни человека и его деятельность

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: niuyufeng0108@icloud.com
ORCID: 0000-0002-8928-5529

*Статья поступила 31 октября 2018 г.; Принята 30 ноября 2018 г.;
Опубликована 31 декабря 2018 г.*

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению этимологии фразеологических единиц китайского языка, семантика которых ассоциирована с номинацией жизни человека и его деятельности. В основе определения того или иного устойчивого выражения в качестве репрезентанта заявленной группы лежит способность фразеологизма называть одушевленный предмет, а кроме того, именовать любые стороны жизнедеятельности личности и поведенческие характеристики этой личности. Поскольку китайский язык является достаточно поэтичным, хорошо исторически развитым и одновременно консервативным, он изобилует примерами фактического материала, которые невозможно понять или перевести без учета знания этимологии. Как правило, появление фразеологизмов в этом языке связано с историей, фольклором, художественными произведениями. В этой связи к описанию особенностей значения таких выражений привлекается этимология выражений, учитываются исторические сведения, устанавливается коннотация устойчивого выражения.

Ключевые слова: фразеологизм, китайский язык, человек, деятельность человека, события.

Информация для цитирования: Юйфэн Н. Фразеологизмы китайского языка, характеризующие события в жизни человека и его деятельность // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 81-89. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-9

Niu YuFeng

Phraseological units of the Chinese language, characterizing events in human life and activities

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: niuyufeng0108@icloud.com
ORCID: 0000-0002-8928-5529

Received 31 October 2018; Accepted 30 November 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The article describes some phraseological units of the Chinese language, whose semantics is associated with the nomination of human life and its activities. The basis of the definition of a set expression as a representative of the declared

group is the ability of the idiom to nominate an animated object, and in addition, to name any aspect of a person's life activity, the behavioral characteristics of that person. Since Chinese is quite poetic, well-developed and conservative at the same time, it abounds with examples of factual material that cannot be understood or translated without taking into account the knowledge of etymology. As a rule, the appearance of phraseological units in this language is associated with history, folklore, and fiction. In this regard, an etymological analysis is used to describe the characteristics of the meaning of such expressions. In this regard, the etymology of expressions is used to describe the characteristics of the meaning of such expressions, historical information is taken into account, and the connotation of a set expressions is established.

Key words: idioms, Chinese language, person, human activity, events.

Information for citation: YuFeng, N. (2018), "Phraseological units of the Chinese language, characterizing events in human life and activities", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 81-89, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-9

Введение. Фразеологические единицы любого национального языка в своей совокупности представляют собой целый комплекс исторических, культурных знаний, которые передаются от одного поколения к другому. При этом сами по себе они выступают гораздо более сложным образованием, нежели простые слова, поскольку вся их семантическая структура подвержена процессу метафоризации или вторичной номинации. В пределах фразеологического значения принято выделять план содержания в комплексе сигнификативной, денотативной и коннотативной составляющих, и план выражения в виде материальной оболочки фразеологизма (Баранов, Добровольский, 2008). Однако для того, чтобы называться фразеологизмом, любому словосочетанию необходимо соответствовать ряду критериев: устойчивость (использования, структурно-семантической стороны, полного либо частично переосмысленного значения, словарного состава; морфологическая и синтаксическая), устойчивость, опирающаяся на стабильность порядка лексических единиц в составе фразеологизма, трансформация которых возможна только в пределах многовариантности структурной синонимии и окказиональных преобразований (Кунин, 2005).

Обращаясь к любому языковому исследованию, современные ученые все чаще отмечают необходимость анализа феномена с позиций интегративного междисциплинарного подхода с целью получения максимальной объективности результата. В этой связи важен учет максимального лингвистического и релевантного нелингвистического знания, благодаря чему на научном Олимпе появляются смежные дисциплины лингвоаксиология, лингвокультурология и т.д. При этом в приоритетном, центральном положении находится человек, личность, как основа речетворчества, концептуализации сведений об окружающем мире и трансляции этих знаний в диалектике. Антропоцентрическая научная парадигма позволяет принять во внимание и понять знание, стоящее за формированием знания фразеологических единиц, учесть этимологические сведения (Багаутдинова, 2007; Корнилов, 1999). Лингвокультурологическое знание дает возможность описать культурный фон и код фразеологических единиц, апеллировать к внутренней форме фразеологизма. Лингвоаксиология вскрывает положительный или отрицательный модус устойчивых выражений, оценочные коннотации.

Фразеологический фонд китайского языка репрезентирован несколькими классами фразеологизмов, которые характеризуются функционально-стилистическими, эмоционально-экспрессивными чертами, структурно-семантическими особенностями. Китайские фразеологизмы структурно представлены как правило четырьмя знаменательными элементами, редко или практически не бывают заимствованными, мотивированность их значения базируется на этимологии и истории возникновения. Семантическая вариативность таких фразеологизмов гораздо больше предопределена источником возникновения, источником заимствования, рекуррентностью функционирования, стилевыми особенностями.

Отметим, что цвет в китайской лингвокультуре, равно как и ассоциированные с цветом понятия, имеют давнюю и интересную историю. Причем по свидетельству многих ученых, китайская система цветообозначений не имеет аналогов в европейских языках, поскольку сама по себе связана с историей и культурой, мифологией и традициями страны. При этом знание и понимание некоторого количества иероглифов, способность к их интерпретации имеет важное значение для описания мира азиатской культуры, китайского мышления и менталитета. Таким образом предполагается, что в традиции китайского менталитета имеются соответствующие специфические пространственно-цветовые зоны, любая из которых обладает способностью цветообозначения как части универсалий китайской лингвокультуры. Обратимся к описанию фразеологизмов, ассоциированных с деятельностью человека, далее.

Основная часть. Связь с человеческим началом в настоящем исследовании по большей части позволяет фразеологизмам, отвечающим критерию одушевленности, описывать деятельность человека, важные события в его жизни,

процессуальность. Проиллюстрируем сказанное примерами фактического материала и дополним этимологическим и компонентным анализом.

Безэквивалентная фразеологическая единица китайского языка 乌头白马生角 (wū tóu bái mǎ shēng jiǎo), дословно переводимая как «если голова вороны станет белой, а у лошади появятся рога» употребляется для описания ситуации, когда при наличии желания невозможное становится возможным. Как и в случае с любым фразеологизмом немотивированного значения, его содержание можно вывести при учете анализа его этимологии. Представленная фразеологическая единица берет свое начало в исторической ретроспективе, легенде, когда царевич княжества Янь пришел во дворец императора Цинь и попросил его впустить во дворец, на что император ответил ему, что впустит только тогда, когда лошадь станет рогатой, а голова вороны – белой (汉语大词典 1994).

Другой фразеологизм, описывающий необычное событие, которое потенциально произойдет в человеческой жизни, имеет дословный перевод «белая радуга затмевает солнце» 白虹贯日 (bái hóng guàn rì). Этимология представленного немотивированного фразеологизма берет начало в древности, когда появление белой радуги ассоциировалось у человека с неожиданными событиями, которые должны были произойти в его жизни [汉语大词典 1994].

Появление фразеологической единицы 白鱼入舟 (bái yú rù zhōu) («белая рыба плывет к лодке») ассоциирован с хорошим предзнаменованием или появлением на горизонте хорошего события, которое в скором времени произойдет с человеком. Значение представленного фразеологизма не выводится из перевода входящих в его состав компонентов, поэтому для его трактовки актуально обращение к этимологии, как и в двух предыдущих случаях. Согласно легенде, флотилия

одного из основателей китайской династии Чжоу терпели потери и поражение в битве. И уже на стадии практически полного провала Чжоу Уван посмотрел в воду и внезапно увидел в ней большую белую рыбу. Рыба направлялась прямо к лодке. Уван созвал всю команду и попросил тоже посмотреть в воду. Но оказалось, что эту рыбу не видел никто, кроме главного командующего. Это видение было расценено как божественный знак, поскольку белый цвет объекта лингвокультурой приравнивается к божественному началу. После этого видения команда возликовала, поскольку одержала победу в сражении. С тех пор это выражение приобрело положительную коннотацию и стало обозначать предвестника радости (中国成语大辞典 1994).

Другое устойчивое словосочетание с положительной коннотацией 白日升天 (bái rì shēng tiān) имеет буквальный перевод «вознестись на небеса под белым солнцем». Фразеологизм берет начало в даосском учении о бессмертном начале (中国成语大辞典 1994) и в современном мире имеет значение «внезапно получить повышение, разбогатеть». Реже выражение имеет первоначальную семантику и называет ситуацию «вознестись до небес»

Следующий фразеологизм лакунарной и присущей только китайскому языку семантике 黄粱美梦 (huáng liáng měi mèng) («сон желтой (пшенной) каши») согласно легенде содержит в своем значении рассказ о том, как молодой ученый Лу Шэн получил возможность изменить свою судьбу благодаря послеобеденному сну. Однажды в трактире, куда молодой человек зашел поесть пшенной каши, он встретил старца, которому поведал, как провалил экзамен на гражданскую службу. Старец, один из бессмертных Даосов, протянул ему подушку и пообещал, что как только голова юноши коснется подушки, его желания будут исполнены. Так и случилось. В своем сне молодой ученый увидел исполнение всех желаний: он получил хорошую работу, почет и

уважение коллег, он женился на прекрасной девушке, у них родились дети. Но счастье было таким скоротечным. Сразу же юношу обвинили в преступлениях, которые он не совершал, посадили в тюрьму. Проснувшись, юноша был напуган и сразу оценил прелести собственной жизни и судьбы (中国成语大辞典 1994). К тому моменту каша из пшена еще не была готова. В современном китайском языке это выражение имеет значение «химерные, несбыточные мечты» (Большой китайско-русский словарь, 2002) и на системном уровне по большей части наделено отрицательной коннотацией.

Выражение 不到黄河心不死 (bù dào huáng hé xīn bù sǐ) («следовать цели до самой смерти») (Сизов, 2005) происходит из древней китайской легенды о том, как никчемный сын знатного человека решил доказать отцу собственную серьезность и до военного лагеря при реке Хуанхэ (Желтая река) шел пешком трое суток без остановок (中国成语大辞典 1994). Выражение, безусловно, имеет положительную коннотацию и описывает серьезного человека, следующего собственной мечте и цели.

Фразеологизм 回黄转绿 (huí huáng zhuǎn lǜ) («зеленый цвет меняется на желтый») в художественной литературе переводится как «смена времен года» (俄汉成语词典 1998). Истоки фразеологизма заключены не столько в легендах, сколько в географическом положении Китая и его климатических условиях. Так, символическое описание времен года в Китае отождествляет желтый цвет с осенью и зимой, а лето и весну с зеленым цветом ввиду невыраженных климатических метаморфоз в четырех временах года (中国成语大辞典 1994). На функциональном уровне рассматриваемая фразеологическая единица знаменует естественный переход от одного состояния к другому и в зависимости от прагматики способна менять свою коннотацию.

Фразеологизм с положительной коннотацией **白头到老** (bái tóu dào lǎo) («совместно дожить со белых волос») появился благодаря легенде о том, как один из правителей Цзин отправил посла в царство Лу, где тот наблюдал, как седовласая женщина терпеливо ухаживала за седовласым мужчиной, работавшим в поле. Весь процесс почтения супругов друг друга настолько впечатлил посла, что в голове его мелькнула мысль о том, что это прекрасно состариться вместе в любви и почтении, дожить до седых/белых волос (**中国成语大辞典** 1994). На уровне системного значения, равно как и на функциональном уровне коннотативный потенциал рассматриваемой фразеологической единицы не меняется в контекстуальных условиях.

Буквальное значение фразеологической единицы **黄袍加身** (huáng páo jiā shēn) – «облачиться в халат желтого цвета» – в переводах художественной литературы встречается как «надеть на себя корону императора». При понимании данной фразеологической единицы принципиальна опора на исторические факты о том, что императоров изначально облачали в желтый халат, который символизировал собой посредника между божественным началом и миром людей (**中国成语大辞典** 1989). В зависимости от контекста настоящая фразеологическая единица может менять свою коннотацию, хотя по большей части ее коннотативный потенциал больше склоняется в сторону отрицательного.

Также отрицательным значением обладает и фразеологизм **口吐黄** (kǒu zhōng cí huáng) («с охрой во рту»), поскольку обозначает ситуацию, когда человек часто меняет свое мнение. Согласно культурно-историческим фактам, охра в Древнем Китае была использована для окрашивания ошибочно написанного сообщения или текста. Соответственно, человек с охрой во рту – это человек с непостоянным отношением к любым вопросам, склонный к предательству и т.д.

(**国成语大辞典** 1994). Это крайне отрицательное значение не имеет модификаций на положительное в контексте.

Китайско-русский идиоматический словарь (Сизов, 2005), представляет фразеологическую единицу **直捣黄龙** (zhí dǎo huáng lóng) в буквальном смысле слова как «ударить по желтому дракону». В иносказательном смысле фразеологическая единица обозначает «захват стратегических объектов противника». Это значение выводится из легенды о том, как город Цзянькан (Нанкин), тогдашняя столица Китая, подвергался нападению Су Цзунь. Силы были неравны и армии оставалось сдаться, когда предводитель почти захваченного города предложил «ударить по желтому дракону». Эта стратегия помогла и войско отбило земли от напасти противника (**中国成语** 1994). Представленный фразеологизм имеет положительную коннотацию и регулярно используется в агитационных текстах в качестве элемента призывной речи.

Следующий немотивированный фразеологизм **黄人捧日** (huáng rén pěng rì) («желтые люди охраняют солнце») также не может быть переведен на любой язык мира без знания его этимологии. Так, семантика рассматриваемого фразеологизма основывается на легенде о том, что император Древнего Китая обратился к богам с просьбой послать мир на его враждующие земли. На что боги дали положительный ответ, а взамен попросили охранять землю от злых людей. Император согласился и мир на его землях был установлен (**汉语大词典** 1994). В таком ключе значение фразеологической единицы могло бы быть интерпретировано как

Следующие два фразеологизма являются близкородственными по семантике **青出于蓝** (qīng chū yú lán) «синяя краска берется из индиго» и **青出于蓝而胜于蓝** (qīng chū yú lán ér shèng yú lán) «синяя краска берется из индиго, но она лучше индиго», более того, как отмечается в

большом китайско-русском словаре первый фразеологизм является сокращенным вариантом второго (Большой китайско-русский словарь, 2002), что позволяет им переводиться одинаково как «превзойти своего учителя». Этимология этих выражений ассоциирована с фразой Сюнь Цзы: 青取之于蓝 而青于蓝 («синяя краска получается из индиго, но она синее самого индиго») (汉语大词典 2003) о том, что человек может все, а его возможности не имеют границ. Оба устойчивых выражения одинаково частотны и имеют положительную коннотацию.

Фразеологическая единица 白龙鱼 (bái lóng yú fú) в буквальном смысле обозначает «белый дракон в рыбьем обличье» и в современном мире эквивалентен пословице «назвался груздем – полезай в кузов» (Сизов, 2005). Этимологически фразеологическая единица связана с легендой о том, когда дракон, превратившись в рыбу, был почти пойман рыбаком, о чем он рассказал мудрецу поднебесной. На это владыка ответил дракону, что виноват в такой ситуации будет сам дракон, так как нельзя останавливаться на достигнутом, дело бросать на полпути нельзя (汉语大词典 1994). Коннотация фразеологизма меняется в контексте, соответственно, в зависимости от ситуации фразеологизм может иметь положительное и отрицательное значение.

Фразеологизм 白叟黄童 (bái sǒu huáng tóng) («седой старик, златовласый младенец») видится весьма мотивированным для обозначения цикла «юность-старость» (Большой китайско-русский, 2002). Однако интересен тот факт, что в европейских реалиях в идентичных ситуациях говорят о юности прежде, чем о старости, тогда как в китайском с учетом почитания старейшин – наоборот. Коннотация такого фразеологизма также коррелирует с контекстуальным смыслом и может менять полюс с положительного на отрицательный и, наоборот.

Отрицательная коннотация присуща значению фразеологизма 白日做梦 (bái rì zuò mèng) («сны среди белого дня»), означающего несбыточную мечту, химеру, бред наяву, фантазии (汉语大词典 1994; 俄汉成语词典 1998). Фразеологизм рекуррентен в ситуации описания мечтателей и любителей фантазировать.

Фразеологическая единица 不分皂白 (bù fēn zào bái), которая переводится как «без разбора», «без разницы кто прав, кто виноват» (Большой китайско-русский словарь, 2002) обозначает ситуацию, когда кто-либо не способен отличить правду от неправды. Соответственно, эта ситуация имеет отрицательную оценку, что говорит в пользу отрицательной коннотации семантики рассматриваемой фразеологической единицы. Другое устойчивое словосочетание 白纸黑字 (bái zhǐ hēi zì) очень схоже по семантическому составу, то есть в своем составе содержит черный и белый цвета, однако имеет несколько другое значение - «просто как дважды два» и употребляется в контексте, когда необходимо подчеркнуть очевидность суждений (中国成语大辞典 1994). В основном выражение имеет нейтральную коннотацию, однако в зависимости от контекста значение выражения может менять свой модус.

Фразеологизм, который переводится как «без разбора», 不分青红皂白 (bù fēn qīng hóng zào bái) в китайском языке буквально означает «не отличить белого от красного» и говорит о нейтральной коннотации, которая, равно как и в предыдущем случае, бывает положительной и отрицательной в зависимости от контекста.

Следующее выражение имеет отрицательную коннотацию 背黑锅 (bēi hēi guō). Оно буквально переводится как «носить на спине закопченный сажей котел» (八用中文成语辞典 2000) и описывает несчастного человека, на плечи которого упал весь груз ответственности, причем эта ответственность преимущественно за действия других. В русском языке такое

выражение вполне соответствует идиоме «козел отпущения» (Сизов, 2005).

Фразеологическая единица 黑心肠 (xīn cháng) буквально переводится как «черная душа» и имеет значение «гадина, злодей» (俄汉成语词典, 1998). Из перевода вполне эксплицитна отрицательная коннотация устойчивого выражения, поскольку данное словосочетание описывает плохой характер человека и его отрицательное поведение.

Функциональное значение фразеологизма «одного поля ягоды» 清一色 (qīng yī sè) также профилирует то положительную, то отрицательную коннотацию в зависимости от интенции автора (Сизов, 2005). Это устойчивое выражение описывает ситуацию, когда два человека крайне схожи внешне, а чаще всего – внутренне. Самой рекуррентной коннотацией данного фразеологического оборота является положительная, поскольку больше всего в данном случае описываются родственные связи.

Несколько иное значение имеет фразеологизм 近朱者赤, 近墨者黑 («ляжешь спать с собакой, проснешься с блохами»), поскольку четко отражает российский эквивалент «с кем поведешься, от того и наберешься» (俄汉成语词典, 1998). О положительной или отрицательной коннотации выражения возможно судить с учетом интерпретации контекста, хотя в основном коннотация отрицательная.

Фразеологическая единица 天下乌鸦一般黑 (tiān xià wū yā yī bān hēi) описывает схожесть людских пороков по части характера (汉语大词典, 1994). Условно данное выражение соответствует русскому фразеологизму «одним миром мазаны» и по большей части имеет отрицательную коннотацию.

Фразеологизм 杳如黄鹤 (yǎo rú huáng hè) («скрыться, как желтый журавль вдалеке») означает «исчезнуть из виду», «пропасть без вести». В большинстве случаев этот фразеологизм профилирует отрицательную коннотацию.

Положительная коннотация явно прослеживается в значении фразеологизма 白首同归 («долгая, крепкая дружба до старости»), который отражает теплые чувства друзей и умение сохранять дружбу вопреки жизненным обстоятельствам.

Другая фразеологическая единица 白璧无瑕 (bái bì wú xiá) «на белой яшме ни пятнышка» также положительно характеризует выполнение какого-либо задания человеком, то есть, когда все выполнено без сучка и без задоринки, без каких-либо изъянов. При этом фразеологическая единица 交白卷 («не выполнить задание») профилирует обратную ситуацию, описываемую предшествующим фразеологизмом и, соответственно, имеет отрицательную коннотацию.

Фразеологическая единица, включающая в качестве основного элемента «красный», 看破红尘 (kàn pò hóng chén) («видеть красную пыть мира») описывает полное отрешение человека от мирского, полное состояние нирваны, переход от мирской суеты в буддистскую веру.

И если предыдущая фразеологическая единица имеет положительную коннотацию, то фразеологизм 红杏出墙 (hóng xìng chū qiáng) («красное абрикосовое дерево перевешивается через забор») обладает отрицательным оттеночным значением, поскольку называет жену, у которой завелся любовник. Эта ситуация крайне отрицательна для общества.

В следующем фразеологическом выражении слово «красный» ассоциировано с энергией. Это выражение 红红火火 [hóng hóng huǒ huǒ] («красный, красный, огонь, огонь») передает богатую жизнь, процветание и роскошь. Это выражение имеет значение пожелания или императива, обозначает удачу. Также функционирует в усеченном варианте 红火 и подразумевает импликацию.

Фразеологическая единица с компонентом «зеленый» 绿林好汉 (lǜ lín hǎo hàn) («герой из Гринвуда») является

антропонимом в некоторой степени, поскольку номинирует человека, живущего в лесах и противодействующего режиму, устанавливаемому властями. Этот герой отдаленно соответствует прототипическому образу Робина Гуда.

Устойчивое выражение 戴绿帽子 (dài lǜ mào zi) («носить зеленую шляпу») описывает мужа-рогоносца или мужчину, которому изменяет любимая женщина. Соответственно, фразеологизм имеет отрицательную коннотацию.

Белый цвет, как неоднократно заявлено ранее, в китайской лингвокультуре имеет неоднозначный экстралингвистический подтекст. Во фразеологической единице 穷二白 (yī qióng è bái) («сначала бедный потом белый») профилируется переход человека от бедности к богатству, от финансовой несостоятельности к благополучию, что позволяет фразеологизму на функциональном и системном уровне иметь положительную коннотацию.

Другой ахроматический цвет, «черный», в составе фразеологической единицы 起早贪黑 (qǐ zǎo tān hēi) («рано вставать и дожидаться темноты») говорит о людях, которые встают рано и ложатся поздно. Это выражение имеет негативную коннотацию в большей степени, хотя эта степень колеблется в зависимости от контекстуального использования.

Выражение 颠到黑白 (diān dǎo hēi bái) («менять местами черное и белое») обозначает «перевирать факты». Описывает крайне негативную ситуацию и вне зависимости о контекста имеет отрицательную коннотацию.

В философии и традициях даосской религии белый цвет олицетворяет пустоту, которая неотделима от совершенства. Идея пустоты инициирует постижение духовных ценностей личностью. Соответственно, значение фразеологизма 知白守黑 (букв. «узнать белое и держаться в тени, не выставлять себя напоказ, отличать истинное от ложного, но сохранять безучастность») иллюстрирует принцип даосизма, который базируется на созерцании происходящего.

Красный цвет, согласно экстралингвистическим данным, в Древнем Китае служит символом императорской власти и ранговый цвет знати, а в КНР неотъемлемой частью всей государственной атрибутики (герб, флаг) является алый, революционный красный. Он ассоциирован с кроваво-красным 鲜血 («свежая кровь»). В начале XX века как символа революции, новой власти: 红旗报 (букв. сообщить победу с красным флагом «о победной новости»).

Как представляется перечисленные фразеологические единицы являются далеко не полным перечнем фразеологизмов, обозначающих деятельность человека и события в его жизни в китайском языке. Тем не менее, их выбор обусловлен их репрезентативностью и рекуррентностью.

Заключение. В настоящей работе предпринята попытка описания семантики лакунарных фразеологических единиц с компонентом «цвет» в китайском языке с учетом этимологии и исторических фактов. Перечисленные фразеологические единицы в китайском языке являются далеко не исчерпывающим перечнем устойчивых выражений. Их выбор для анализа в настоящей работе обусловлен их репрезентативностью и рекуррентностью. Все они отобраны при помощи сплошной выборки, обладают определенной степенью сращенности, фразеологичности и способностью являться единицами вторичной номинации. Принципиальным критерием отбора изучаемой группы выступает не только наличие компонента «цвет» в качестве составного элемента рассматриваемого фразеологизма, но и способность фразеологизма ассоциироваться с критериальным признаком одушевленности, что позволяет ему называть человеческую активность. Последнее дает возможность фразеологизмам, отвечающим такому критерию, описывать деятельность человека, важные события в его жизни, процессуальность. Соответственно

указанному критерию выделяются фразеологизмы цветообозначения китайского языка, характеризующие положительные характеристики деятельности человека, и его отрицательные стороны. Такая градация согласно характеристике коннотативного потенциала открывает большие перспективы в плане поиска универсальных оснований типологизации так называемых трудно-переводимых устойчивых выражений.

Список литературы

Багаутдинова Н.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Казань, 2007. 35 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии М.: Знак, 2008. 656 с. (Studia philologica)

Большой китайско-русский словарь: около 120 000 слов и словосочетаний / З.И. Баранова, В.Е. Гладсков, В.А. Жаворонков, Б.Г. Мудров; под ред. Б.Г. Мудрова. 5-е изд., стер. Москва: Живой язык, 2002. 524 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 1999. 341 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., стереотип. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.

Сизов С.Ю. Словарь наиболее употребительных китайских идиоматических выражений, пословиц и поговорок. Москва: АСТ [и др.], 2005. 317 с.

汉语大词典/罗竹风. 上海上海辞书出版社1994年. 18676页.

俄汉成语词典/周纪生, 仇路培, 章其编. 石家庄: 湖北人民出版社1998年. 723页.

中国成语大辞典 / 王金明. 上海上海辞书出版社1994. 1989页.

八用中文成语辞典. 香港: 香港汇通书店印行, 2000年532页.

现代成语词典. - 北京: 商务印书馆1994年. 1581页.

汉俄对等成语词典. 上海: 上海教育出版社2003年. 275页.

References

Bagautdinova, N. A. (2007), "A man in phraseology: anthropocentric and axiological

aspects", Abstract of Ph.D. dissertation, Kazan, Russia. [in Russian].

Baranov, A. N. and Dobrovolskiy, D. O. (2008), *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the Theory of Phraseology], Znak, Moscow, Russia. [in Russian].

Baranova, Z. I., Gladtskov, V. E., Zhavoronkov, V.A. and Mudrov, B. G. (2002), *Bolshoi kitaisko-russkii slovar: okolo 120 000 slov i slovosochetanii* [The Large Chinese-Russian Dictionary: About 120,000 words and phrases], Zhivoi yazyk, Moscow, Russia. [in Russian].

Kornilov, O. A. (1999), *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities], CHERo, Moscow, Russia. [in Russian].

Kunin, A. V. (2005), *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A course of modern English phraseology], Feniks+, Dubna, Russia. [in Russian].

Sizov, S. Yu. (2005), *Slovar naibolee upotrebitelnykh kitaiskikh idiomaticheskikh vyrazheniy, poslovits i pogovorok* [Dictionary of the most common Chinese idiomatic expressions, proverbs and sayings], AST, Moscow, Russia. [in Russian].

Luo Zhufeng (1994), *Chinese Dictionary*, Shanghai Dictionary Press, Shanghai, China. [in Chinese].

Zhou Jisheng, Qiu Yupei, Zhang Qibian (1998), *Russian-Chinese Idioms Dictionary*, Shijiazhuang: Hubei People's Publishing House, China. [in Chinese].

Wang Jian (1994), *Chinese Idiom Dictionary*, Shanghai Dictionary Press, Shanghai, China. [in Chinese].

Eight Chinese idiom dictionary, (2000), Hong Kong Huitong Bookstore, Hong Kong. [in Chinese].

Modern idiom dictionary (1994), The Commercial Press, Beijing, China. [in Chinese].

Chinese-Russian equivalent idiom dictionary (2003), Shanghai Education Press, Shanghai, China. [in Chinese].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Ню Юйфэн, аспирант.

Niu YuFeng, Postgraduate Student.

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

УДК 811.111'37

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-10

Морева А. В.¹
Грекова О. М.²**Особенности и трудности перевода эвфемизмов**
(на материале новостных статей BBC)

- ¹) Национальный исследовательский Томский государственный университет
пр. Ленина 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: stasija@mail.ru
- ²) Национальный исследовательский Томский государственный университет
пр. Ленина 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: olgagrekova96@gmail.com

Статья поступила 30 октября 2018 г.; Принята 15 ноября 2018 г.;
Опубликована 31 декабря 2018 г.

Аннотация. СМИ, в частности, пресса сегодня – это основной источник сведений об обстановке в мире, о происходящих событиях, к которым нередко относятся «отрицательные» новости. С целью смягчения или маскировки преподносимой информации негативного характера или её отдельных элементов в прессе используются косвенные переименования – эвфемизмы. Эвфемия как многоаспектное и весьма динамичное явление изучается довольно подробно в рамках разных подходов: разрабатываются классификации и способы образования эвфемизмов, рассматриваются сферы эвфемизации в разных языках. Несмотря на то, что пресса насыщена разного рода эвфемизмами, в научных работах редко ставится чисто прикладная цель выявления и адекватной передачи таких единиц средствами переводящего языка; ибо, если эвфемия не распознана, в текст перевода может быть привнесена негативная тональность, искажено отношение пишущего к передаваемому событию и т.п. Этими соображениями определяется актуальность и проблема нашего исследования, основанного на анализе корпуса, состоящего из 50 эвфемизмов, и его функционирования в современной британской прессе (новостные статьи интернет-издания BBC News за 2013-2018 гг.). Выявлены такие особенности и трудности перевода эвфемистических единиц, как: идентификация эвфемизма в тексте и его понимание; наличие/отсутствие эквивалентных соответствий в случае близких сфер эвфемизации; наличие/отсутствие адекватных словарных замен при передаче эвфемизмов; перевод эвфемизмов-терминов. Трудности перевода эвфемизма наблюдаются как на этапе его вычленения в тексте, так и на этапе поиска соответствия. Эквивалентный эвфемизм в языке перевода может отсутствовать или при его наличии в словаре эвфемизмов может не подходить в данном конкретном контексте, менее явно передавать функцию вуалирования. При переводе заимствований из профессиональных сфер используются калькирование и переводческое транскрибирование/ транслитерация. Важно учитывать также степень эвфемизации единицы: в случае устоявшегося

эвфемизма наиболее удачным будет подбор устоявшегося (полит)корректного слова или выражения.

Ключевые слова: эвфемизм; британская пресса; трудности перевода.

Информация для цитирования: Морева А. В., Грекова О. М. Особенности и трудности перевода эвфемизмов (на материале новостных статей BBC) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 90-102. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-10

Anastasija V. Moreva¹
Olga M. Grekova²

**Peculiarities and difficulties of translating euphemisms
(based on the BBC news articles)**

¹) National Research Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia
E-mail: stasija@mail.ru

²) National Research Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia
E-mail: olgagrekova96@gmail.com

Received 30 October 2018; Accepted 15 November 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The media, in particular, the press today is the main source of information about world situation and developments, often including negative news. In order to disguise or conceal negative information or its individual elements in the press journalists tend to use indirect naming, or euphemisms. Euphemization as a complex and dynamic phenomenon is being studied in detail within different approaches: classifications and ways of formation of euphemisms are being developed, spheres of euphemization in different languages are being considered. Despite the fact that the press is abundant in different kinds of euphemisms, scientists rarely focus on a purely applied aim to identify and reproduce such units by using means of a target language. Unless euphemisms are recognized, translators might add negative shade of meaning to a source text, distort the attitude of the writer towards described events, etc. These considerations determine the relevance and the issue of our study, based on the analysis of the corpus, consisting of 50 euphemisms, and its functioning in modern British press (news articles taken from the BBC News website in 2013-2018). The work reveals such peculiarities and difficulties of translation of euphemisms as identification of euphemisms in the text and its interpretation; presence or absence of equivalents in case of similar spheres of euphemization; choosing an adequate dictionary equivalent; translation of terms used as euphemisms. One can face translation difficulties not only on the stage of identification but also while searching for its equivalent. There might be no equivalent euphemism in a target language or (if any) it might be not appropriate in the context, or might refer the function of concealing less explicitly. Words borrowed from professional fields are generally rendered through transcription, transliteration and calque translation. It is important to consider the degree of euphemization of a unit: well-established euphemisms are better be rendered through a well-established politically correct word or phrase.

Key words: euphemisms; British press; difficulties of translation.

Information for citation: Moreva, A. V. and Grekova, O. M. (2018), “Peculiarities and difficulties of translating euphemisms (based on the BBC news articles)”, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 90-102, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-10

Введение

Рассуждая о языке, мыслители разных времён и народов нередко сравнивали его мощь с оружием: ср. «Слово – самое сильное оружие человека» (Аристотель) или «Меч и огонь менее разрушительны, чем болтливый язык» (Ричард Стил). Речь как действие, как поступок (основной постулат современной прагматики) осознавалась уже в древности, когда ораторы учились облекать разное содержание в ясные и изящные формы, производя впечатление на слушателей. Содержание не всегда могло быть приятным, приличным или уместным в обществе, поэтому приходилось подыскивать иные, не прямые и более мягкие формы для его выражения – то, что сегодня в лингвистике именуется эвфемизмами.

Эвфемия как явление изучается довольно давно: первое упоминание термина в 1656 г. связывают обычно с именем английского лексикографа Томаса Блаунта (Никитина, 2008: 49), хотя активно эвфемизмы исследуются на протяжении последних ста лет в рамках разных подходов. Подробно разрабатываются классификации эвфемизмов, способы их образования, рассматриваются сферы эвфемизации в разных языках и культурах. Однако по-прежнему фрагментарны исследования, в центре внимания которых находится собственно переводческий аспект. Между тем современная пресса со всеми её «отрицательными» новостями и «неудобными» темами изобилует эвфемистическими образованиями разного рода, что не может быть не учтено при переводе. Важно, во-первых, распознать эвфемизм, а, во-вторых, уметь его адекватно передать; в противном случае велика вероятность того, что в текст перевода будет привнесена негативная

тональность, может быть искажено отношение пишущего к передаваемому событию и т.п. Таким образом, актуальность нашего исследования определяется необходимостью выявления эвфемии в текстах прессы и адекватной её передачи в языке перевода.

Безусловно, помощь переводчику окажут толковые словари эвфемизмов (например, Holder, 2002; Rawson, 1981; Сенчикина, 2008), однако следует помнить, что эвфемизация – явление достаточно подвижное: эвфемизмы могут стираться, переставая восприниматься как смягчённые переименования; разные единицы отмечены неодинаковой степенью эвфемизации. О создании же двуязычных словарей эвфемизмов говорить тем более не приходится, по всей видимости, именно в силу сложности и динамичности процесса эвфемизации. Все эти соображения побудили нас обратиться к исследованию эвфемизмов в современной британской прессе с конечной целью выявления трудностей их перевода на русский язык.

Теоретический обзор

На сегодняшний день исследование эвфемии ведётся в разных, не только в собственно лингвистических, направлениях. В одном из выпусков журнала *Lexis*, полностью посвящённом эвфемизмам, Д. Жамэ пишет во вступительной части: «...euphemism is not a mere linguistic device, but participates in a larger, more general phenomenon used by speakers to soften the potentially offensive effects of a taboo area to preserve social harmony in communication and to avoid any face-threatening acts» (Jamet, 2012: 3). Таким образом, эвфемизмы становятся предметом рассмотрения в прагматике общения, включающей теорию вежливости (см. упоминание в цитате известного

понятия лица *face* Э. Гоффмана). Классическим в англоязычных работах по лексикологии стало определение эвфемизма и эвфемистического языка, данное К. Алланом и К. Барридж, так же коррелирующее с прагматикой вежливости и гармонизации человеческих отношений: ср. «A euphemism is used as an alternative to a dispreferred expression, in order to avoid possible loss of face: either one's own face or, through giving offence, that of the audience, or some third party» (Allan, Burridge, 1991: 11). Можно сказать, что в основе трактовки эвфемии лежит как лингвопрагматический, так и социолингвистический подход, ибо наряду с понятиями прагматики и теории вежливости чрезвычайно важными становятся такие понятия, как «политкорректность», «табу» и т.п. (ср. также Крысин, 1996, 2004; Гальперин, 1981: 173). И последнее не случайно, ведь первоначально эвфемизмы изучались этнографами именно в связи с проблематикой табу в вербальном (и невербальном) поведении людей в первобытных сообществах (Никитина, 2008: 49).

В собственно лингвистическом смысле эвфемия всегда связана с синонимией, поскольку в случае любого эвфемизма речь идёт о замене одного слова другим. Так, в энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой эвфемизмы определяются как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» (*пожилой* вместо *старый*) (Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1998: 590). Основная мысль о замене недопустимого по тем или иным причинам обозначения в коммуникации прослеживается и в следующих дефинициях: эвфемизм – это «нейтральное слово или выражение, которым заменяется другое – нетактичное, грубое, неприличное и потому с этических позиций неприемлемое» (Матвеева, 2010:

537); эвфемизмы – это «способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами» (Кацев, 1988: 92).

Эвфемизмы противостоят дисфемизмам, которые также являются заменами, но они заменяют эмоционально и стилистически нейтральные слова и выражения более грубыми и пренебрежительными (Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1998: 590), т.е., как правило, стилистически отмеченными единицами (*осточертеть* вместо *надоесть*). В определённом смысле и эвфемизмы, и дисфемизмы «обходят» прямое обозначение денотата, являясь, по выражению Э. Креспо-Фернандеса, «obverse sides of the same coin» (лицевыми сторонами одной и той же медали), т.е. они не представляют собой чётко очерченные категории (Crespo Fernández, 2007: 15).

Однако эвфемистические замены не всегда вызваны только причинами морально-этического и религиозного характера. К эвфемизмам относятся также «окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» (Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1998: 590) или замены, «с помощью которых скрадывается, маскируется нечто отрицательное» (*медико-санитарная служба* вместо *вытрезвитель*) (Матвеева, 2010: 537). Такие эвфемизмы часто используются в текстах СМИ, их суть удачно отражает англоязычный термин *doublespeak* (или *doubletalk*), под которым понимают намеренное использование языкового обмана, сокрытие правды, изображение действительности не такой, какая она есть на самом деле.

Обращаясь к функциям эвфемизмов в газетном тексте информационного типа, Т.В. Бойко выделяет две группы:

политически-корректные эвфемизмы и эвфемизмы «doublepeak». Первые способствуют созданию коммуникативного и этического комфорта при обсуждении таких тем, как расовая и этническая принадлежность, умственные / физические недостатки, старость, бедность и т.п. (Бойко, 2006: 14). Нетрудно заметить, что в случае таких эвфемизмов речь идёт о заменах по этическим соображениям, многие из них представляют собой уже устойчивые, порой стёртые замены (ср. первое определение эвфемизма выше).

Эвфемизмы второй группы («doublepeak») используются намеренно разного рода государственными и корпоративными учреждениями с целью ввести в заблуждение, скрыть неприятное (*casualties* ‘потери (на войне)’, *friendly fire* ‘обстрел со стороны своих войск’) (Бойко, 2006: 13). За счёт того, что такие эвфемизмы дают расплывчатое представление о негативных событиях и явлениях, о которых нельзя умолчать, тем самым отвлекая читателя от их сути, острота восприятия последнего значительно снижается. Эта группа эвфемизмов отличается большим творческим потенциалом, здесь может наблюдаться прирост всё новых окказиональных образований в силу необходимости номинации с целью маскировки истинного положения вещей (ср. второе определение эвфемизма выше).

Оставляя в стороне вопросы, связанные с классификациями эвфемистических единиц на различных основаниях, а также со способами их образования (семантические сдвиги, изменение формы, заимствования; см. Кацев, 1988: 35-37), сосредоточимся далее на возможных трудностях их перевода. Отметим лишь попутно, что эвфемизмы, по нашему мнению, необязательно являются тропами (образными перифрастическими выражениями), хотя, например, О.С. Ахманова прямо называет эвфемизм тропом (Ахманова, 2004: 521). По мнению же В.П. Москвина, эвфемизмы и тропы

обладают различными функциями: эвфемизмы смягчают речь, а тропы украшают её, т.е. выполняют эстетическую функцию; кроме того, эвфемизмами могут быть семантически одноплановые языковые единицы (термины, заимствования) (Москвин, 2007: 68).

Результаты исследования и их обсуждение

Источником материала данного исследования послужили новостные статьи интернет-издания BBC News (Великобритания) за 2013–2018 гг., а также статьи с официальными переводами, опубликованные в сетевом издании Интернет-проекта ИноСМИ.RU. В качестве справочного аппарата привлекался материал лексикографических источников «A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean» (Holder, 2002) и «A Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk» (Rawson, 1981). В результате отбора лексических единиц, использованных в необходимом значении в новостных статьях BBC News, был собран корпус, включающий в себя 50 эвфемизмов.

При переводе эвфемизмов часто появляются трудности, связанные с необходимостью передать не только денотативное значение, но и сохранить их основную функцию вуалирования, что не всегда возможно в связи с различиями в лексическом составе языка оригинала и языка перевода, а также с культурными различиями. Однако это не означает, что перевод в принципе невозможен: переводчик принимает решение относительно каждого конкретного употребления эвфемизма и в зависимости от цели перевода и культуры переводного языка. В ходе наших наблюдений были сформулированы некоторые особенности и трудности перевода эвфемизмов. Мы предполагаем, что они носят, в целом, универсальный характер, независимо от языковой пары, поэтому могут быть учтены переводчиками, работающими с другими языками.

1. **Идентификация эвфемизма в тексте и его понимание** – одна из основных трудностей при переводе эвфемизмов. Так, в следующем примере используется эвфемистическое выражение *day of action* ‘a politically motivated strike’ (Holder, 2002: 98), которое дословно переводится как ‘день действий’:

The march was one of 12 rallies across the UK as part of what organisers claimed would be “the largest ever pro-European day of action” (BBC, 2018).

Дословный перевод в данном контексте, в целом, возможен: ср. в отечественной прессе, к примеру, *Международный день действий против ядерных испытаний / плотин, Всемирный день действий «За достойный труд!»* и т.п.; хотя эвфемистическим в русском языке словосочетание *день действий* едва ли является. Обычно в таких контекстах имеется в виду акция протеста, забастовка или митинг. Однако, на наш взгляд, в случае дословного перевода теряется присущая эвфемизму перифрастичность, тем более что в цитате внутри рассматриваемого фрагмента однозначно акцентируется размах и положительная значимость акции (статья посвящена митингу в Эдинбурге в знак протеста против выхода Великобритании из ЕС). Мы предложили бы в качестве вариантного соответствия русское слово *событие*. В толковом словаре С.И. Ожегова находим следующую дефиницию ‘то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни’ (Ожегов, 2013). Это значение соотносится с одним из значений слова *action* ‘a thing done; an act’ (Oxford dictionary). Таким образом, данное предложение может быть переведено следующим образом:

Этот марш стал одним из двенадцати митингов по всему Соединённому Королевству, являясь частью того, что организаторы объявили как «самое большое проевропейское событие».

Непонимание эвфемистической сущности слова или выражения может иметь место и в случае единиц, которые используются в качестве эвфемизмов настолько долго, что уже не воспринимаются как истинные эвфемизмы, что, однако, не лишает их эвфемистической функции, а иногда, наоборот, усиливает её, ведь читатель не обращает большого внимания на привычную формулировку, лишь «пробегая» по ней глазами. Вместе с тем, не осознавая данной функции, переводчик рискует не передать необходимый оттенок значения и, возможно, даже привнесёт в текст отрицательную коннотацию. Так, основное значение слова *disability* – ‘an illness, injury, or condition that makes it difficult for someone to do the things that other people do’ (Cambridge dictionary). В словаре эвфемизмов *disability* определяется как ‘a limiting mental or physical condition’ (Holder, 2002: 106). Данная номинация является уже устоявшейся и используется вместо принятых ранее *invalid* и *handicapped person*. В «Англо-русском современном словаре» словосочетание *people with disabilities* имеет помету «политкор.» (Англо-русский современный словарь, 2017). Всё это свидетельствует о том, что данный эвфемизм уже укоренился в языке и в сознании носителей языка, а значит, существует и вероятность не заметить его в процессе перевода. Но если эвфемистическая функция распознана, перевод трудности не представит: данная тема актуальна в разных странах и культурах, и в лексике русского языка появился свой аналог *ограниченные возможности*, зафиксированный как эвфемизм с конца XX в. (Сеничкина, 2008: 381). Поэтому адекватным переводом следующего фрагмента мог бы стать следующий:

People with disabilities are suffering from cuts to public transport and a lack of adapted taxis, according to Disability Wales (BBC, 2018).

Как сообщает «Дисабилити Уэльс», люди с ограниченными возможностями страдают от сокращения маршрутов общественного транспорта и нехватки адаптированных такси.

Трудности с идентификацией эвфемизмов могут также возникнуть с единицами, значение которых не мотивировано их лексическим составом и определяется общим экстралингвистическим контекстом; здесь переводчику требуются нужные фоновые знания. Обратимся к следующему примеру:

“To come in here two weeks ago and say: ‘We’re going to co-operate,’ and then to try and then try and close the investigation down with this type of ‘dear John’ letter, ‘please go away,’ is stinking,” he added (BBC, 2015).

В цитате одного политика резко критикуются действия представителей министерства финансов, которые сначала согласились дать официальные показания, а затем перед слушанием изменили своё решение, объяснив это необходимостью проконсультироваться с полицией. В предложении употреблён эвфемизм *dear John*, при первом прочтении которого едва ли можно уловить его смысл, тем более распознать функцию смягчения. Для уточнения значения словосочетания необходимо обратиться к словарям. В словаре эвфемизмов находим следующее определение ‘the ending by a woman of an engagement or marriage’ (Holder, 2002: 99). Ср. определение в переводном словаре: ‘«Дорогой Джон» (письмо солдату от женщины с просьбой о разводе, разрыве отношений)’ (Abbyu Lingvo Live). Такой перевод нельзя считать приемлемым: подобная фраза не вызывает у русского реципиента нужных ассоциаций. Однако после выхода в свет фильма под названием «Дорогой Джон» (Dear John, 2010 г.) фраза получает распространение, в связи с чем в переводе можно применить кальку исходного словосочетания с аллюзией на фильм, а также сопроводить текст статьи переводческим комментарием, поясняю-

щим смысл сочетания. Но данный способ (комментарий) крайне редко встречается в газетном тексте, особенно при передаче чужих слов. Кроме того, поиск по Национальному корпусу русского языка (далее НКРЯ) и на российском новостном сайте Газета.ру не дал результатов, что говорит о неупотребительности данного словосочетания в прессе.

В данном случае возможна также принятая при переводе безэквивалентной лексики экспликация: ср. *письмо, какое обычно пишут при расставании*, но при этом предложение становится громоздким. *Нам надо поговорить* – фраза, которую часто можно слышать в начале разговора о разрыве отношений: это могло бы быть окказиональное эвфемистическое выражение, основанное на метафоре «начало письма – начало разговора». Однако в данном контексте такой перевод выглядел бы странно, нарушилась бы логика: «нам надо поговорить» – «пожалуйста, уходите».

Ни один из выше указанных способов перевода не подходит, и в качестве последнего можно предложить использование единицы с менее выраженной эвфемистичной функцией. Как вариант – фраза *всё кончено*, которая также используется при разрыве отношений (и не только); она описывает ситуацию более конкретно и прямо:

«Прийти сюда две недели назад и заявить: «Мы собираемся сотрудничать», после чего пытаться это сделать, а потом просто закрыть расследование со словами «Всё кончено», «Пожалуйста, уходите» – это отвратительно», сказал он.

2. Следующая особенность, на которую мы хотели бы обратить внимание, связана с универсальными для многих культур сферами эвфемизации. Так, слово *adult* в значении ‘pornographic’ (Holder, 2002: 5) в следующем фрагменте без особого труда переводится на русский язык при помощи эквивалентного лексического соответствия:

*Tech platforms like the Apple App store and Google Play won't approve **adult** content, whether explicitly adult or simply erotic* (BBC, 2018).

Хранилища мобильных приложений Apple App Store и Google Play не принимают к распространению продукцию для **взрослых**, будь она откровенно порнографической или просто эротической.

Значение слова **взрослый** в словаре под редакцией С.А. Кузнецова определяется как '1) достигший зрелого возраста, полный зрелости; 2) предназначенный для таких людей' (Большой толковый словарь русского языка, 2000: 127). Подобно английскому *adult* оно используется в качестве эвфемизма к слову *порнографический*.

Как известно, латинский язык является источником происхождения многих слов в европейских языках вообще, в связи с чем и в английском, и в русском языках встречаются сходные по форме и значению единицы. При переводе подобных единиц, пришедших из латыни, обычно лучшим решением становится выбор слова с латинским же происхождением. Так, слова *conflict* и *confrontation* используются в английском языке в качестве эвфемизмов к *war*. В словаре эвфемизмов русского языка зафиксированы соответствующие единицы с пометами «инояз. эвф.» и «соц. эвф.», ср.: *конфликт* – «вм. локальная война, столкновение (часто вооружённое) между различными государствами, народами, общественными группами»; *конфронтация* – «вм. противостояние, в т.ч. с применением оружия» (Сеничкина, 2008: 162). Таким образом, эвфемизмы в следующих фрагментах могут быть переведены эквивалентными лексическими соответствиями:

*The **conflict** between Eritrea and Ethiopia left tens of thousands dead or injured in the space of just two years* (BBC, 2018).

Только за два года **конфликт** между Эритреей и Эфиопией оставил после себя десятки тысяч убитых или раненых.

*Israel has bombed Iranian targets inside Syria – leading to fears **confrontations** between the two powerful arch-foes could get worse* (BBC, 2018).

Израиль нанёс бомбовые удары по иранским целям в Сирии, что привело к опасению усиления **конфронтации** между двумя сильными заклетыми врагами.

Но далеко не всегда обнаруживаются эквивалентные эвфемизмы даже в случае близких сфер эвфемизации в обоих языках, как в примерах выше. Так, словосочетание *community relations* со значением 'social tension between those of a different racial background' (Holder, 2002: 77) дословно будет переводиться как *общественные отношения*. Находим следующее словарное определение данного словосочетания: 'многообразные связи между социальными группами, нациями, религиозными общинами, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической, культурной и др. деятельности; оказывают значительное влияние на личные отношения людей, связанных непосредственными контактами' (Большой Энциклопедический словарь). Однако в этом определении не отражаются отношения между разными расами и, как показал анализ контекстов в НКРЯ, словосочетание *общественные отношения* используется в прессе в своём основном значении и лишено эвфемистической функции. В словаре эвфемизмов русского языка также отсутствуют варианты для обозначения подобного явления. Поэтому вновь обратимся к определению *community relations* в словаре Р. Холдера и выявим ключевые слова – *tension* 'напряжённость' и *different racial background* 'различная расовая принадлежность'. *Напряжённость* в своём втором значении в словаре С.И. Ожегова означает 'неспокойное, чреватое опасностью или ссорой состояние каких-н. отношений' (Ожегов, 2013).

Передача эвфемизма путём конкретизации может в какой-то мере уменьшить его эвфемистическую функцию, но, обратившись к анализу контекстов новостных статей (сайт Газета.ру), выясняем, что в русскоязычной прессе достаточно часто используется словосочетание *расовая напряжённость* однозначно в эвфемистической функции. В связи с этим возможен следующий перевод фрагмента с рассматриваемым эвфемизмом:

Independent councillor Maurice Deveney told BBC Radio Foyle that Mr McHugh damaged community relations (BBC, 2018)

Независимый советник Морис Девенней сообщил BBC Radio Foyle, что мистер МакХью способствует усилению расовой напряжённости.

3. Идеальным был бы способ перевода, при котором эвфемистическая единица передаётся сходной по способу образования и значению эвфемистической единицей языка перевода. Однако **не всегда эвфемизм, зафиксированный в словаре, может стать адекватной заменой.** Обратимся к следующему фрагменту, в котором используется эвфемизм *come to the attention of the police* с эвфемистическим значением ‘to be a habitual criminal’ (Holder, 2002: 75):

HM Inspectorate of Probation operates 152 youth offending teams in England and Wales, and supervises young people between the ages of 10 and 18 who have come to the attention of the police, or have been sentenced by a court (BBC, 2017).

В словаре эвфемизмов русского языка находим следующие единицы, описывающие близкую денотативную ситуацию: «Группа социального риска – вм. малолетние преступники» (Сеничкина, 2008: 102); «Делинквент – вм. преступник, мятежник» (Там же: 107). Однако ни то, ни другое обозначение не может передать эвфемизм оригинала, так как *делинквент* не совсем подходит по смыслу и является устаревшим эвфемизмом, а словосоче-

тание *группа социального риска* используется, как показывает анализ контекстов НКРЯ, по отношению не только к преступникам, но и к малообеспеченным слоям населения, инвалидам и т.п. Если же исходить из ближайшего русского соответствия английскому *habitual criminal*, содержащемуся в дефиниции эвфемизма, а именно словосочетания *закоренелый преступник*, тот и этот вариант будет неверным, так как полностью утрачивается эвфемистическая функция: негативная информация не сглаживается, а, наоборот, только усиливается.

В русском языке существует устойчивое клише, используемое в официальных документах юридической сферы – *(по)ставить на учёт, постановка на учёт (в полицию, в комиссию по делам несовершеннолетних)*.

Несовершеннолетних ставят на учёт за различного рода проступки, однако основания должны быть вескими, так как единичный, одноразовый и не особо серьёзный проступок не приведёт к постановке на учёт. Данное клише является общеупотребительным, что подтверждает анализ контекстов из НКРЯ и на сайте Газета.ру. Кроме того, перенос клише из юридической сферы передаёт мысль более смягчённо; денотативная ситуация, передаваемая эвфемизмом *come to the attention of the police*, сохраняется, изменяется лишь способ её описания (имеет место модуляция – причина заменяется на следствие). Всё это позволяет нам предполагать, что адекватным будет следующий перевод приведённого выше фрагмента:

Инспекция по надзору за условно освобождёнными Её Величества работает со 152 молодёжными группировками в Англии и в Уэльсе и осуществляет контроль над молодыми людьми от 10 до 18 лет, стоящими на учёте в полиции или приговорёнными судом к той или иной мере наказания.

4. Особого внимания заслуживают **эвфемизмы-термины**. В первую очередь необходимо выяснить, из какой сферы пришёл данный термин, затем определить его эвфемистическое значение и, наконец, подобрать соответствующий термин в языке перевода. Зачастую образование терминов основано на калькировании, для них в русском языке уже существуют эквивалентные лексические соответствия; в таких случаях особых трудностей перевод эвфемизмов-терминов не вызывает. Так, к эвфемизму *circular error probability* со значением ‘the extent to which ordnance will miss the target’ (Holder, 2002: 65) в специальном переводном словаре даётся перевод *круговое вероятное отклонение (КВО)* (Англо-русский словарь нормативно-технической терминологии, 2015), которым можно воспользоваться, таким образом перевод всего фрагмента может быть следующим:

Typically US “precision” bombs have a circular error probable (the radius around the aiming point in which 50% or more will fall) of eight-to-12 metres (BBC, 2015).

Обычно американские «точные» бомбы характеризуются **круговым вероятным отклонением** (радиус вокруг цели, в который попадёт 50 или более процентов зарядов) в 8-12 метров.

Другим примером подобного рода эвфемизмов из военной сферы является *collateral damage* ‘killing or wounding civilians by mistake’ (Holder, 2002: 72). Данное словосочетание имеет в русском языке соответствие *сопутствующие потери* ‘гражданские лица, убитые или раненые во время военной операции’ (Abbyu Lingvo Live), отсюда следующий перевод:

The three targets hit were chosen both for their central role in the chemical weapons programme but also because the risk of collateral damage was smallest (BBC, 2018).

Эти три цели поражения были выбраны с учётом их центральной роли в программе химического оружия и минимального риска **сопутствующих потерь**.

Другой пример эвфемизма-термина, основанного на метафоре, – *dead cat bounce* ‘a temporary increase in the value of a security or currency of which the price has been falling but which remains overvalued’ (Holder, 2002: 98). В русском языке он имеет соответствие-кальку *прыжок дохлой кошки*, определяемое как ‘временный подъём на фондовой бирже, вызванный покупками коротких позиций после существенного падения цен; не означает перелома тенденции к снижению цен’ (Энциклопедический словарь экономики и права, 2017), поэтому при переводе целесообразно им воспользоваться:

Morning trade had started with some gains but traders soon lost faith in the temporary rally, proving it to be “a so-called dead cat bounce, a term coined in the 1980s to describe a brief recovery in an otherwise declining market,” the BBC’s Juliana Liu in Hong Kong said. (BBC, 2016)

Утренняя торговля началась с некоторых успехов, но вскоре участники потеряли веру во временный резкий рост цен, ссылаясь на то, что это лишь «прыжок дохлой кошки», термин, появившийся в 1980-х для обозначения непродолжительного периода роста цен на рынке с падающими продажами», – сообщила Джулиана Лью, корреспондент BBC в Гонконге.

Помимо калькирования терминов возможны также переводческая транскрипция и/или транслитерация, ср. следующий фрагмент и его перевод:

It’s about time something serious was done with this, rather than the cut and paste job with the sticking plaster. (BBC, 2015)

Давно пора предпринять что-то серьёзное по поводу этой проблемы, вместо того чтобы выдавать жалкие **копи-пасты**.

Эвфемизм *cut-and-paste job*, пришедший из сферы информатики (по названию операций для переноса текста), означает ‘a report sloppily prepared from various sources’ (Holder, 2002: 94). В русском языке отрицательно оцениваемый

механизм работы по принципу «скопировать – вставить», следствием чего зачастую является бессвязный, вырванный из разных источников текст и, значит, плагиат, получил обозначение *копираст*, зафиксированное в словаре под редакцией М.А. Кронгауза (Словарь языка интернета.ru, 2016: 195). Последнее стало уже общеупотребительным в медийных текстах (ср. также производные глаголы *копирастить*, *скопипастить*).

Заключение

Итак, анализ употреблений эвфемизмов в современной британской прессе и их перевода на русский язык позволяет сделать следующие выводы.

1. Трудности перевода эвфемизма могут возникать на разных этапах: как при его идентификации в тексте и определении значения (устоявшиеся эвфемизмы, не воспринимаемые в качестве единиц смягчённого наименования; эвфемизмы-реалии, значение которых не мотивировано их лексическим составом), так и на этапе выбора подходящего по значению и стилистике соответствия. Что касается последнего, здесь эквивалентный эвфемизм в языке перевода может отсутствовать; если же соответствие и есть, оно может не подходить для данного конкретного контекста или не в полной мере выполнять функцию вуалирования. Трудности могут вызвать метафоры и термины.

2. Закономерностей выбора способа перевода в зависимости от способа образования исходного эвфемизма выявлено не было. Исключением стали лишь эвфемистические единицы, заимствованные из профессиональных сфер, при переводе которых используются калькирование и переводческое транскрибирование/транслитерация. При переводе устоявшихся эвфемизмов самым правильным решением будет подбор так же устоявшегося (полит)корректного слова или выражения.

Список литературы

Список литературы

Англо-русский словарь нормативно-технической терминологии, 2015. URL: https://normative_en_ru.academic.ru/94761/ (дата обращения 25.09.2018).

Англо-русский современный словарь, 2017. URL: https://top_english.academic.ru/ (дата обращения 18.08.2018).

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

Бойко Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 20 с.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с.

Большой энциклопедический словарь. URL: <https://www.vedu.ru/bigenedic/> (дата обращения 25.09.2018).

Газета.ru, 2018. URL: www.gazeta.ru/ (дата обращения 19.10.2018).

Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1981. 316 с.

ИноСМИ.Ru, 2018. URL: <https://inosmi.ru/> (дата обращения 09.10.2018).

Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ, 1988. 79 с.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 384–407.

Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 102 с.

Национальный корпус русского языка, 2018. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 03.10.2018).

Никитина И.Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспектива исследования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева.

Сер. «Филология». Тольятти, 2008. № 1. С. 49–64.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка, 2013. URL: <http://www.ozhegov.org/> (дата обращения 18.09.2018).

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Словарь языка интернета.ru / Под ред. М.А. Кронгауза. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.

Энциклопедический словарь экономики и права, 2017. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/ (дата обращения 18.10.2018).

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Abbyu Lingvo Live, available at: <https://www.lingvolive.com/> (Accessed 4 October 2018).

BBC, 2018, available at: www.bbc.com/ (Accessed 9 October 2018).

Cambridge Dictionary, available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (Accessed 12 October 2018).

Crespo Fernandez, E. (2007), “Linguistic Devices Coping with Death in Victorian Obituaries”, *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 20, 7–21.

Holder, R.W. (2002), *How Not To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms*. New York: Oxford University Press Ink.

Jamet, D. (2012), “Introduction”, *Lexis. Journal in English Lexicology*, 7, 3–4.

Oxford Dictionary, available at: <https://en.oxforddictionaries.com/> (Accessed 11 October 2018).

Rawson, H. (1981), *A Dictionary of Euphemisms and other Doubletalk*. New York: Crown Publishers, Inc.

References

Anglo-russkiy slovar normativno-tekhnicheskoy terminologii (2015), [English-Russian dictionary of technical terminology]. [Online], available at: https://normative_en_ru.academic.ru/94761/ (Accessed 25 August 2018). [in Russian].

Anglo-russkiy sovremennyy slovar (2017), [English-Russian modern dictionary]. [Online], available at: https://top_english.academic.ru/ (Accessed 18 August 2018). [in Russian].

Ahmanova, O. S. (2004), *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Vocabulary of linguistic terms], Editorial URSS, Moscow, Russia. [in Russian].

Bojko, T. V. (2006), “Euphemia and Dysphemias in a Newspaper Text”, Abstract of Ph.D. dissertation, St. Petersburg, Russia. [in Russian].

Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka (2000), [Big explanatory dictionary of the Russian language], Norint, St. Petersburg, Russia. [in Russian].

Bolshoy yentsiklopedicheskiy slovar [Great encyclopedic dictionary]. [Online], available at: <https://www.vedu.ru/bigencdic/> (Accessed 25 September 2018). [in Russian].

Gazeta.ru (2018), [Online], available at: www.gazeta.ru/ (Accessed 19 October 2018). [in Russian].

Galperin, I. R. (1981), *Stilistika angliyskogo yazyka* [English Stylistics], Vysshaya shkola, Moscow, Russia. [in Russian].

InoSMI.Ru (2018), [Online], available at: <https://inosmi.ru/> (Accessed 9 October 2018). [in Russian].

Katsev, A. M. (1988), *Yazykovoe tabu i yevfemiya: ucheb. posobie k speckursu* [Language Taboo and Euphemia: a textbook for a special course], LGPI, Leningrad, Russia. [in Russian].

Krysin, L. P. (1996), “Euphemisms in the modern Russian language”, *Russkiy yazyk kontsa 20 stoletiya (1985-1995)* [The Russian language of the late twentieth century (1985–1995)], *Jazyki russkoj kul'tury*, Moscow, Russia, 384-407. [in Russian].

Krysin, L. P. (2004), *Russkoe slovo, svoyo i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian word, ours and others: Studies in the modern Russian language and sociolinguistics], *Jazyki slavyanskoj kul'tury*, Moscow, Russia. [in Russian].

Matveeva, T. V. (2010), *Polny slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms], Feniks, Rostov-on-Don, Russia. [in Russian].

Moskvin, V. P. (2007), *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means of the modern Russian language. Tropes and figures. Terminological dictionary], Feniks, Rostov-on-Don, Russia. [in Russian].

Natsionalnj korpus russkogo yazyka (2018), [National Corpus of the Russian language]. [Online], available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (Accessed 3 October 2018). [in Russian].

Nikitina, I. N. (2008), “Euphemia in foreign and domestic linguistics: Background and perspective research”, *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva, Ser. “Filologiya”*, 1, 49-64. [in Russian].

Ozhegov, S. I. (2013), *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. [Online], available at: <http://www.ozhegov.org/> (Accessed 18 September 2018). [in Russian].

Senichkina, E. P. (2008), *Slovar evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian euphemisms], Flinta: Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Slovar yazyka interneta.ru (2016), [Internet.ru Language Dictionary], AST-PRESS KNIGA, Moscow, Russia. [in Russian].

Entsiklopedicheskiy slovar ekonomiki i prava (2017), [Encyclopedic Dictionary of Economics and Law]. [Online], available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/ (Accessed 18 October 2018). [in Russian].

Yazykoznanie. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar (1998), [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary], Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, Moscow, Russia. [in Russian].

Abby Lingvo Live. [Online], available at: <https://www.lingvolive.com/> (Accessed 4 October 2018). [in English].

BBC (2018), [Online], available at: www.bbc.com/ (Accessed 9 October 2018). [in English].

Cambridge Dictionary. [Online], available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (Accessed 12 October 2018).

Cambridge Dictionary. [Online], available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (Accessed 12 October 2018).

Crespo Fernandez, E. (2007), “Linguistic Devices Coping with Death in Victorian Obituaries”, *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 20, 7–21. [in English].

Holder, R. W. (2002), *How Not To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms*, Oxford University Press Ink., New York, UK. [in English].

Jamet, D. (2012), “Introduction”, *Lexis. Journal in English Lexicology*, 7, 3–4. [in English].

Oxford Dictionary. [Online], available at: <https://en.oxforddictionaries.com/> (Accessed 11 October 2018). [in English].

Rawson, H. (1981), *A Dictionary of Euphemisms and other Doubletalk*, Crown Publishers, Inc., New York, USA. [in English].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Морева Анастасия Владимировна, доцент, кандидат филологических наук.

Anastasiya V. Moreva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Грекова Ольга Максимовна, магистрант.

Olga M. Grekova, Graduate Student.

УДК 81'255.4

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-11

Паутова С. М.

**Взаимосвязь структуры кодовых переключений
с их прагматическими функциями
в современных русскоязычных произведениях**

Череповецкий государственный университет, пр. Луначарского, 5, г. Череповец,
162000, Россия.

E-mail: Svetiksmile89@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6869-5505

Статья поступила 8 ноября 2018 г.; Принята 30 ноября 2018 г.;

Опубликована 31 декабря 2018 г.

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь структуры кодовых переключений с их функциями в русскоязычных произведениях. Дается определение таких понятий, как двуязычная коммуникация, билингв, переключение кодов, матричный и гостевой языки. Исследование проводится на материале романов таких авторов, как В. Аксенов, Б. Акунин и В. Пелевин. В ходе исследования подробно рассматривается классификация переключений кодов по трем типам и выполняемым ими функциям. Анализируются наиболее часто встречающиеся структуры ПК, присутствующие в каждой из основных функций, и выявляются причины взаимосвязи структур ПК с выполняемыми ими функциями. В результате исследования выявлено, что наиболее часто используемой структурой ПК, применимой практически во всех функциях, является островное переключение. Кроме того, предметно-тематическая функция является самой распространенной функцией в данных произведениях и в большей степени представлена таким типом переключений кодов, как вкрапление.

Ключевые слова: переключение кода; матричный язык; гостевой язык; билингвизм; художественный билингвизм; прагматическая функция.

Информация для цитирования: Паутова С. М. Взаимосвязь структуры кодовых переключений с их прагматическими функциями в современных русскоязычных произведениях // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 103-109. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-11

Svetlana M. Pautova

**Interdependence between structure and pragmatics
of code-switching in modern Russian novels**

Cherepovets State University, 5 Lunacharsky Ave., Cherepovets, 16200, Russia.

E-mail: Svetiksmile89@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6869-5505

Received 8 November 2018; Accepted 30 November 2018; Published 31 December 2018

Abstract. This article studies the interdependence between structural and pragmatic aspects of code-switching observed in Russian fiction novels by V. Aksyonov, B. Akunin, and V. Pelevin. The author provides definitions of some linguistic terms,

such as bilingual communication, bilingual, code switching, matrix, and guest languages. The author also provides a detailed description of the classification of code switching according to three types and the functions they perform. This author argues that the most common structure of code-switching in the speech of characters is that of the Embedded Language island. Such structures may fulfil almost all pragmatic functions in bilingual speech of the three novels. The subject-thematic function is the most common function in these novels and it is represented by such type of code-switching as interspersing.

Key words: code-switching; Matrix Language; Embedded Language; fiction bilingualism; pragmatic function.

Information for citation: Pautova, S. M. (2018), "Interdependence between structure and pragmatics of code-switching in modern Russian novels", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 103-109, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-11

В современном мире переключения кодов (ПК) являются отражением языковых контактов между людьми, что не может не отразиться и в художественных произведениях. ПК представляют значительный интерес и для современных лингвистических исследований в связи с тем, что они разнообразны по своей структуре и выполняемым функциям как в живой речи, так и в художественных произведениях.

Цель работы – выявить взаимосвязь структуры переключений кодов с выполняемыми ими прагматическими функциями в русскоязычных произведениях современных русских писателей – В. Аксенова, Б. Акунина и В. Пелевина.

Двуязычная (билингвальная) коммуникация возникает при общении между коммуникантами, владеющими двумя или более языками. В последние годы в научной литературе появляется все больше исследований, посвященных изучению двуязычия. Двуязычие и многоязычие получает все большее распространение в связи с расширением связей в разных сферах деятельности человека. По определению У. Вайнрайха билингвизм – это одновременное использование билингвом двух языков при построении высказывания (Вайнрайх, 1979: с. 22).

Билингв – это человек, умеющий не только читать иностранную литературу со словарем, но также способный к общению на двух или более языках (Myers-Scotton, 2006: p. 3). Изучая билингвизм того или иного человека, ученые уделяют особое внимание ситуации общения, различиям между языками, участвующими в общении, устойчивости контакта и т.д. Переключения с одного языка на другой часто являются зависимыми от статуса этих языков и социальной позиции говорящего (Myers-Scotton, 1993: p. 231). Художественный билингвизм присутствует в речи героев художественных произведений. В художественном билингвизме отражаются языковые процессы, происходящие в обществе. В своих произведениях авторы используют переключения кодов (ПК), в связи с чем их персонажи становятся билингвами. Речь персонажей художественных произведений отражает общение людей в реальном обществе, но сложность исследования ее языковых особенностей состоит в том, что происходящие действия представлены с помощью субъективной интерпретации автора (Гируцкий, 1990: с. 48). В целом речь героев современных произведений отражает особенности живой речи, поэтому художественный билингвизм можно изучать по критериям, применяемым к изучению билингвизма людей в обществе. Однако необходимо

помнить о том, что при анализе билингвизма героев художественных произведений необходимо принимать во внимание и особенности билингвизма авторов данных произведений.

Переключение кодов – является одной из форм двуязычной коммуникации. Г. Н. Чиршева дает следующее определение данному понятию: «Переключение кодов (ПК) – это специфическая способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них» (Чиршева, 2012: с. 295).

В ходе исследования мы будем использовать понятия матричного языка (МЯ) и гостевого языка (ГЯ). Известный американский лингвист К. Майерс-Скоттон указывает, что матричный язык (Matrix Language) задает морфо-синтаксическую рамку высказывания, а гостевой язык (Embedded Language) является источником иноязычных единиц (Myers-Scotton, 2006: р. 243). В большинстве случаев во всех трех произведениях ПК является маркированным, т.к. билингвальный персонаж зачастую сознательно использует переключение на другой язык, что собеседник несомненно замечает и считает отклонением от норм, принятых в языке (Gumperz, 1982: р. 63).

Для анализа структуры КП обратимся к классификации, предложенной Г. Н. Чиршевой, которая выделяет следующие типы КП:

1) выбор кода: одна реплика произносится на одном языке, а другая – на втором;

2) межфразовые КП – в пределах высказывания между предложениями;

3) внутрифразовые КП делятся на три типа: а) вкрапление – лексическая

единица ГЯ, которая может быть выражена существительным, прилагательным и т.д., подчиняющаяся грамматике МЯ и не содержащая флексий и служебных слов ГЯ; б) островное переключение представляет собой слово с системными морфемами ГЯ или словосочетание, сохраняющее порядок слов ГЯ (Чиршева, 2004: с. 16); в) пиджинизированное ПК содержит морфологические единицы МЯ.

Рассматривая основные прагматические функции ПК, мы будем опираться на классификацию Г. Н. Чиршевой, которая выделяет следующие функции:

1) адресатная функция реализуется в том случае, если адресат привык общаться и конкретном языке;

2) эзотерическая функция (функция тайного кода) применяется тогда, когда участники разговора хотят, чтобы их не поняли окружающие;

3) предметно-тематическая функция проявляется тогда, когда говорящий забыл эквивалент данного понятия на родном языке, либо сам предмет речи связан с иностранным языком;

4) фатическая функция используется для поддержания контакта с собеседником с помощью ПК;

5) функция самоидентификации реализуется, когда говорящий намеренно хочет показать свое владение каким-то языком;

6) металингвистическая функция реализуется в использовании терминов из другого языка;

7) декоративная функция проявляется, когда говорящему кажется, что какое-либо слово или выражение на иностранном языке звучит красивее, чем на родном;

8) эмоциональная функция реализуется в том случае, если у говорящего не хватает слов на родном языке для выражения какой-либо эмоции;

9) функция воздействия применяется, когда необходимо вызвать у человека

определенную реакцию, побудить к действию;

10) эмфатическая функция необходима для того, чтобы подчеркнуть самое главное в высказывании (рему);

11) функция экономии языковых средств реализуется, когда говорящий хочет сказать что-либо быстрее и/или короче (Чиршева, 2004: с. 37).

В данной статье мы рассмотрим кодовые переключения, которые встречаются в трех произведениях: романе В. Аксенова «В поисках грустного бэби», романе-детективе Б. Акунина «Азазель» и постмодернистском романе В. Пелевина «Generation П».

Во всех трех произведениях чаще всего используются ПК, выполняющие предметно-тематическую функцию. Их структура представлена в основном островными переключениями. Это связано с тем, что ПК в данной функции обозначают какой-либо предмет или явление, непосредственно связанное с иностранным языком. Чаще всего для наименования предметов авторы используют словосочетания, сохраняющие грамматику ГЯ, или существительные во множественном числе, вследствие чего ПК приобретают структуру островных переключений.

Примеры таких переключений есть во всех трех произведениях.

«Может быть, ухудшение это мне лишь кажется, может, всегда так было, может быть, просто мизантропические миазмы пресловутого **midlife crisis** одолевают?» (Аксенов, 2010а: с. 9-10)

«Прошло, однако, не более двух недель, когда я получил первые **papers**» (Аксенов, 2010б: с. 294).

«Человек в Америке очень известный, миллионер из тех, кого здесь называют **self-made man**» (Акунин, 2015а: с. 83].

«Но эту рекламу нельзя будет просто перевести с английского на русский, потому что здесь другие... как это...

cultural references» (Пелевин, 2013а: с. 47).

Декоративная функция также представлена островными ПК, т.к. для украшения высказывания на родном языке авторы используют словосочетания на иностранном языке, сохраняющие грамматику ГЯ. Например:

«Чудесно уже и то, что их называют **«сеньор ситизен»**» (Аксенов, 2010в: с. 44).

«Кокорин поразвясней меня, да и на лицо смазлив, но, **entre nous**, купчина всегда купчина, плебей, хоть бы и в университете учился» (Акунин, 2015б: с. 23).

«Кислотные журналы посвящали бы пронзительные **cover stories** эстетике пластикового пакета, надеваемого на голову при этой процедуре» (Пелевин, 2013б: с. 116).

В эмфатической функции также преобладают ПК, имеющие структуру островного переключения. Для того чтобы наиболее точно подчеркнуть самое главное в высказывании (рему), используются словосочетания или существительные с артиклем, которые являются островными переключениями:

«В те дни десятки тысяч вьетнамских беженцев, **boat people**, тонули в море, пытаюсь спастись от новых коммунистических хозяев» (Аксенов, 2010г: с. 67).

«Они не демоны и не боги, я зову их **hero civilisateur**» (Акунин, 2015в: с. 96).

«Немного обидно было узнать, как именно ребята из рекламных агентств на Мэдисон-авеню представляют себе свою аудиторию, так называемую **target group**» (Пелевин, 2013в: с. 10).

«**The Uncola** – это слоган «Севен-Ап», а не «Спрайта»» (Пелевин, 2013г: с. 53).

Цитатная функция представлена ПК, имеющими структуру межфразового переключения или выбора кода. Это можно объяснить тем, что цитата является по большей части отдельным предложением, высказанным определенным человеком.

Поэтому в процессе цитирования авторы передают высказывания целиком. Например:

«На последних выборах американцы продемонстрировали свое отношение к этому, как один репортер выразился, **ultimate product of Hollywood**» (Аксенов, 2010д: с. 136).

«... он поднимает руку, указывает на Кремлевскую стену и произносит стих из псалма номер 14: **There they are in great dread, For God is with the Righteous Generation!**» (Пелевин, 2013д: с. 498).

В фатической функции в равной степени представлены 3 структурных вида ПК: выбор кода, межфразовые и внутрифразовые (островные). С помощью данной функции человек стремится либо начать разговор, либо поддержать его, поэтому в зависимости от ситуации можно использовать любой вид ПК:

Межфразовое:

«Если человек не улыбается, его могут спросить: «**What's wrong?**»» (Аксенов, 2010е: с. 42).

Выбор кода:

«Распорядок дня такой: утром к портье, спрашиваю: «Фандорин?» Он кланяется, отвечает: «**Монинг, се**»» (Акунин, 2015г: с. 65).

Островное:

«**Your Highness**, ваша трость!.. Ох уж, эти русские **boyars**» (Акунин, 2015д: с. 69).

Адресатная функция практически во всех случаях представлена ПК со структурой «выбор кода» либо в некоторых случаях межфразовыми переключениями. Один человек при обращении к другому использует ПК, т.к. им обоим привычно общаться как на родном, так и на иностранном языке:

«**Are you comfortable in English?** – Это лишнее! – махнул рукой Лева» (Аксенов, 2010ж: с. 98).

«Я, Лизхен, всегда вам повторяла: **Ordnung muss sein**» (Акунин, 2015е: с. 14).

Структуру всех ПК в данных произведениях представлена в следующей диаграмме:

Структура ПК/ Structure of code-switching

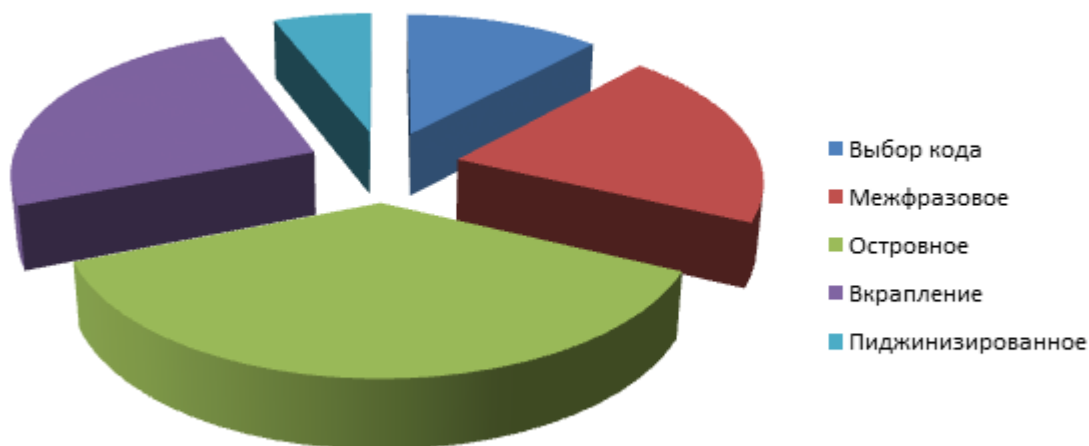

Рис. Структура ПК
Fig. Structure of code-switching

Наибольшей популярностью пользуются островные ПК (37%), т.к. они могут быть представлены разными частями речи, содержащими показатели грамматических категорий ГЯ (например, окончания), словосочетаниями, существительными с артиклями или фразеологизмами. Это позволяет данному типу переключений выполнять самые разные функции. Вкрапления (25%) представляют собой отдельные слова, не содержащие флексий и служебных слов ГЯ. Наиболее часто данный вид ПК встречается в предметно-тематической функции. На третьем месте по частоте использования стоят межфразовые ПК (20%), выполняющие в основном цитатную функцию. ПК, имеющие структуру выбора кода (12%), выполняют адресатную и цитатную функции. Говоря о пиджинизированных ПК (6%), следует отметить, что они встречаются только в произведении В. Аксенова «В поисках грустного бэби» и выполняют предметно-тематическую функцию, например:

«... но это и в самом деле не имеет отношения к мировому **интертейнменту**» (Аксенов, 2010з: с. 246].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что для выполнения большей части функций в данных произведениях авторы используют островные ПК, т.к. они отличаются разнообразием форм и могут быть представлены, например, существительным во множественном числе (stories), словосочетанием (armed response), глаголом с грамматическим показателем времени (trapped) и т.д.

Проведенный анализ позволяет также утверждать, что островные ПК являются оптимальным вариантом для выполнения следующих из рассмотренных нами функций: предметно-тематической, фатической, декоративной, эмоциональной и эмфатической. Для реализации цитатной и адресатной функции авторы чаще выбирают межфразовые переключения и переключения, имеющие структуру выбора кода, т.к., обращаясь к кому-либо или

цитируя, герои всех трех произведений используют целые предложения на иностранном языке.

Список литературы

- Аксенов В. В поисках грустного бэби. Москва, Эксмо, 2010. 531 с.
- Акунин Б. Азазель. М.: Эксмо, 2015. 101 с.
- Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
- Гируцкий А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / Под ред. П.П. Шубы. Минск, 1990. 175 с.
- Пелевин В. Generation «П». М.: Эксмо, 2013. 504 с.
- Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. 193 с.
- Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. 488 с.
- Gumperz J. J. Discourse Strategies. Cambridge, 1982. 225 p.
- Myers-Scotton C. Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism. Malden (MA): Blackwell Publishing, 2006. 473 p.
- Myers-Scotton C. Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa. Oxford, 1993. 305 p.

References

- Aksenov, V. (2010), *V poiskah grustnogo bebi* [In search of melancholy baby], Eksmo, Moscow, Russia. [in Russian].
- Akunin, B. (2015), *Azazel* [The Winter Queen], Eksmo, Moscow, Russia. [in Russian].
- Vainraih, U. (1979), *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: state and problems of the studying], Vishcha shkola, Kiev, Ukraine. [in Russian].
- Giucky, A. A. (1990), *Belorussko-russky khudozhestvenny bilingvizm: tipologiya i istoriya, yazykovye protsessy* [Belarusian-Russian artistic bilingualism: typology and history, language processes], P.P. Shuby [ed.], Minsk, Belarus. [in Russian].
- Pelevin, V. (2013), *Generation «P»*, Eksmo, Moscow, Russia. [in Russian].
- Chirsheva, G. N. (2004), *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication],

GOU VPO ChGU, Cherepovets, Russia. [in Russian].

Chirsheva, G. N. (2012), *Detsky bilingvizm: odnovermennoe usvoenie dvuh yazykov* [Children's bilingualism: simultaneous mastering of two languages], Zlatoust, Saint Petersburg, Russia. [in Russian].

Gumperz, J. J. (1982), *Discourse Strategies*, Cambridge, UK. [in English].

Myers-Scotton, C. (2006), *Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism*, Malden (MA): Blackwell Publishing, USA. [in English].

Myers-Scotton, C. (1993), *Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa*, Oxford, UK. [in English].

Myers-Scotton, C. (1993), *Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa*, Oxford, UK. [in English].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Паутова Светлана Михайловна,
аспирант.

Svetlana M. Pautova, Postgraduate Student.

РАЗДЕЛ III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ
SECTION III. LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-12

Ibrahima Dieme

A decentred reading of Zadie Smith's *Swing Time*:
Voices of cross-cultural belonging

Chiekh Anta Diop University, Dakar, Senegal
E-mail: jemmeh33@yahoo.fr

Received 19 November 2018; Accepted 10 December 2018; Published 31 December 2018

Abstract. This article explores the dynamics of differentiation through the perspective of a reconceptualised representation of race, identity and cultural belonging that *Swing Time* brings into scrutiny. Relying on a decentred vision of the on-going problematic of racism, it sketches the various possible ways of re-reading our belonging to the world through the solidarities that bridge humanity into a purely shared heritage through art and dance. By targeting the commonalities in history as basic cornerstones that establish a common lineage, it tries to grasp the confluences that could reconcile the world into its shared heritage. It then strives to redefine our understanding our cultural belonging and living together from a completely different angle that takes us away of all the conflicts and violence that are shaping the world.

Key words: decentred; racism; time; redefinition; heritage; voices.

Information for citation: Dieme, I. (2018), "A decentred reading of Zadie Smith's *Swing Time*: Voices of cross-cultural belonging", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 110-121, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-12

Introduction

Swing Time opens on its prologue by exposing a page in the protagonist's life as he reflects on a specific narrative that will have a great effect on the rest of his life: "It was the last day of my humiliation." (1) This transition into a new life condition is very central in *Swing Time*. Indeed, this is corroborated by the epitaph of the novel drawn from Hausa wisdom that states that: "When the music changes, so does the dance¹." These two opening sentences together give to the novel all stances as a project to review Time as it offers to bring into scrutiny our everyday experiences under different paradigms of representation. In

accordance to this, *Swing Time*'s storyline spans as a new narrative that subverts all the existing representations in order to arrive to a society that gets rid of all its clichés as it invites humanity into looking at the world with new lenses. The premises that *Swing Time*'s storyline develops through life stories built across all continents and beyond the simple cultural belonging make it possible to read the novel as a promise for harmony in the world. If we agree that the political, social and cultural backgrounds that govern the world are risk as we are now the development of racism and all its by-products it ultimately suggests that we come up with new paradigms of perceptions of this world.

¹ ance captures here the ultimate metaphor of change and readjustment of individual representation of the other.

1. WRITING TO CONFRONT A TIME OLD ISSUE

• CONFRONTING WITH THE MULTICULTURAL ISSUE IN BRITAIN

Present world configuration determined a high sense of population mobility and immigration at large can no longer be read through the single lenses of colonial historiography but rather through the human postmodern condition that brings people from different cultural and ethnic background to build and share socio-political spaces that were once monolithic. To follow the conceptual idea about this present situation that can be traced back to Hume's idea about the awareness that should guide the writer's inquiry of any social event it is not superfluous warn that:

"To say that any event is derived from chance, cuts shorts all further inquiry concerning it, and leaves the writer in the same state of ignorance with the rest of mankind." (Hume, 56)

One of the most essential spearheads of contemporary literature in Britain, Zadie Smith has throughout her literary career started in 2000 revealed to the world as one of the voices that champion in addressing multicultural Britain. Writing specifically from her multifaceted roots and heritage she explores the problematic of building a consolidated multicultural world through the perspectives of possible internal mediation between the different structures of societies without unfair relationships.

After her debut novel *White Teeth* (2000), where Zadie Smith delves into the necessity to solve the 'Time Old Equation' in a world that is in permanent cultural representation turmoil, because talking about Britain, immigration and identity issues, she overtly observes that:

"Nothing changes here; things are only retold, remembered. That's why old men love it. It's all about time. Not just its stillness but the pure, brazen amount of it. Quantity rather than Quality. This is hard to explain.

If only there was some equation...something like:

Something to rationalize, to explain, why one would keep returning, like Freud's grandson with fort-da game, to the same miserable scenario. But time is what it comes down to." (Smith, 244)

The pivotal role of memory and the recurrent status of people's storyline present time as a core element of continuity rather than change in *White Teeth*, mainly in addressing the judgement of the other as it reduces the singularity of difference and interethnic relation into a permanent clash. Race and interethnic relationships are exposed during a school council meeting as Mrs Khilnani's analytical notes are closely checked by Mrs Hanson to ascertain if: "It was not her imagination, that she was not being unfair or undemocratic, or worse still racist, racist in ways that were deeply ingrained and socially determining that they escaped her attention." (Smith, 126)

The lack of trust and the suspicion of racist attitudes form the structure of relationships that are not uncommon features of contemporary relationships between individuals in the diversity context. What Zadie Smith has subtly underlined in these lines is the orientation of this racism which denotes a permanent fear to be prejudiced. If we consider this prejudice from Foucault's perspective of the construction of meaning and the text in particular, the novel's task appeals the reader's gaze into what he terms:

"A plethora of signifying elements in reference to this single signified (signifié). But this primary and ultimate meaning springs up through the manifest formulations, it hides beneath what it appears, and secretly duplicates it, because each discourse contains the power to say something other than what it actually says, and thus to embrace a plurality of meanings: a plethora of the 'signified' in relation to a single

'signifier'. From this point of view, discourse is both plenitude and endless truth.' (Foucault, 118)

Following Foucault, it appears that time has not contributed to put into effect a new paradigm in the relationship between people. Racism is permanently there in latent or disguised form. Racism as a signifier has not completely been removed from the world. *Swing Time's* first announces quite into this direction of building truth through a plethora of signifiers, past and present, and across time and space but more through a variety of individuals' close relationships in the service of humanity which ultimately can be considered to be this unique truth which possibly is to be found in the locations that the narrative incorporates through what Foucault calls the "distribution of gaps, voids, absences, limits and divisions." (Foucault, 119) Indeed the existence of such cracks in the narrative of the self and history justifies that: *"No one never knows who you really are. It was the kind of note you got from a spiteful seven-year-old girl with a firm idea of justice. And of course that – if you can ignore the passage of time – is exactly what it was."* (Smith, 5)

If this ignorance of Time corresponds exactly to the concept and function of the archaeology of humanity, both past and present, and our identities as humans in time we come into Dilthey's idea that:

"Past and present experiences of life are interconnected through the stream of history in which we all stand. He believed that understanding others and ourselves is possible because we are humans who made history and know ourselves only through this history." (Zimmermann, 32)

Swing Time draws from all this the structural mediation between the different foundational cornerstones that are built from the historiography of the empire as for building a new superstructure framework based on the shared cultural heritage that constitutes Smith's own personal history and cultural heritage. In the form of Zadie Smith

calls: *"Surreal demonstration of what was possible when a good person of means decided to get things done. The kind of people able to build a girls' school, in a rural West African village, in a matter of months, simply because they have decided it."* (Smith, 126)

Written beyond the lines of monolithic cultural belonging, *Swing Time* is both a transcultural journey through time and art that recaptures the wealth of the cultural traits of our cultural history while challenging old clichés that still govern the world. To achieve this ideal of goodwill and philanthropy in the world the novel blends the meeting of cultures Aimee actions: *"Governments are useless, they can't be trusted, Aimee explained to me, and charities have their own agendas, churches care more for souls than for bodies. And so if we want to see real change in this world, she continued, (...) then we ourselves have to be ones to do it, yes we have to change what we want to see."* (Smith, 125) The subtle editing of Aimee's project through software makes it possible to expose the ultimate spirit and message that *Swing Time* sends to the world: *"Inter-slicing Aimee in America with Aimee in Europe and Aimee in Africa"* (Smith, 126). This in many instances gives us a perfect image of people can build bridges across continent with a large humane sense.

•DISPLACING THE CULTURAL BORDERLINES

In a hint at "modern criticism" technique as discovery Mark Schrorer suggests that, *"through its exacting scrutiny of the literary texts, has demonstrated with finality that art beauty and truth are indivisible and one. The Katesian overstones of these terms are mitigated and an old dilemma solved if for beauty we substitute form, and for truth, content."* (Stevick, 65-66)

By exploring *Swing Time* under the form and content paradigms we can go further with discourse analysis by asserting that *"part of what is implied in approaching texts as elements of social events is that we are not only concerned by texts as such, but also with the interactive processes of meaning-making."*

(Fairclough, 10) Smith's use technique in writing *Swing Time* culminates into interplay of various world experiences that inform the place that she wants to give to the individual indifferently of any belonging biases.

The refusal to subscribe to any compartmentalization of art and beyond all the denial to establish filiations that attach the artist to any cultural/historical belonging is the backbone of the quest for setting up humanity as a narrative voice that should determine our perception of art and human relationship. The universality of art as appealing to every individual across cultural borderlines and differences is then another dimension that gives to *Swing Time* its vocation for constructing a new paradigm of representation.

On the onset, *Swing Time* determines that it's a new cultural narrative with a hybrid reference to both sides of the identity divide. It demonstrates a deep use of image-creation to bridge between the different sections of the narrator's personal history and identity as a mixed-race protagonist. Hence, her narrative approach supports different cultural and historical symbols that combine into a powerful information synthesizer for building a different perspective in the way of our reading of history and the conception of our communal existence and world experiences.

"I am reading about the Sankofa. You know what that is? It's a bird; it looks back over itself, like this. From Africa. It looks backwards, at the past and it learns from what's gone before. Some people never learn." (Smith, 30)

Drawing the Sankofa imaginary from African wisdom and mythology, *Swing Time* gives the opportunity to revisit all the historical foundations that map societies and through which we could realistically understand contemporary. It's first of all pedagogy. *"The Sankofa. From Africa"* is an in-depth hint into the journey of all Black Diasporas in their quest for meaning. Like a hypertext reference, the Sankofa is a symbolic representation of all uprooted Black people

that emphasizes on the need to develop a new pedagogy of cultural literacy not solely based on the daily interactions within our communities and between societies but looking backward to establish a conversation with the past and ultimately measure the path our cultural journey to the present. Indeed, the gaze of the Sankofa is the mythical quest into the roots for re-owning one's sense of human dignity and pride as stated in the literal translation of the different components of the Akan wisdom word.

Sandra M. Gayson's work, a further insight of the Sankofa both as a film presented in the form of a cross-analytic assemblage. She says:

"During the 1990s for example several films grounded in African American history were produced, directed and/or written by people of African descent. Symbolizing the Past focuses on three of these films – Sankofa, Daughters of the Dust, and Eve's Bayou – is an analysis of the ways in which the films image African American history of oral narratives, these films are multi-faceted, revealing much through the spoken word but even more through the symbol." (Gayson, 2)

Swing Time re-owns this tradition of storytelling and the symbolic framework that goes with it but while still looking backward into Africa, also adds to this narrative the journey into the continent with the motive of an outreach development programme. Similar steps are taken by the narrator and Aimee in their enterprise to build an aid project in the Gambia while taking this opportunity to explore the sites where African captives departed for the Americas during the slave trade. And this is very another symbolic representation of the Sankofa, but this time on the field for fighting against poverty.

The symbolic urge to learn and know one's history that narrator's mother embodies in the novel both as a black woman and a feminist immerses the reader into the political context of the Thatcherite Britain and hints of

her conservative policy: “If *all Saturdays of 1982 can be thought as one day.*” (Smith, 9)

Indeed, the condition of encounter between the narrator and Tracey, their physical similarities and contrasts also allow introducing their mothers whose life conception and philosophy seem poles *apart and reveal at some point the crucial time in history in which she was growing up*:

“Mother was a feminist. She wore her hair in half-inch Afro, her skull was perfectly shaped, she never wore make-up and dressed us both as plainly as possible. Hair is not essential when you like Nefertiti. She’d need no make-up or products or jewellery or expensive clothes, and in this way her financial circumstances, her politics, and her aesthetics were all perfectly –conveniently matched.” (Smith, 9-10)

If this echoes the end of the welfare state of during Thatcher’s era and the austerity that is then imposed on some families, the narrator then only an adolescent invites us to “*look at the other problem*” (Smith, 10) as she compares herself and mother to Tracey and her mother whose:

“Family look, not my mother’s taste, I found captivating: logos, tin bangles, and hoops, diamante everything, expensive trainers of the kind my mother refused to recognize as a reality in the world – “Those aren’t shoes.” (Smith, 10)

In fact the resonance of the Thatcherite years is persistently in the adolescent’s mind: “*We were both from the estate, neither of us received benefits. (A matter of pride for my mother, an outrage for Tracey’s: she had tried many times – and failed – to get on the disability.)*” (Smith, 10)

If we regard the narrator’s mother through her ideological stance that is very much resonant in her life choices and the principles, her belief, the narrator as a grown up assistant to Aimee, the Australian Pop-star, somewhat confirms this vision:

“I think voices are like clothes” (Smith, 97). As the narrator compares her own mother to Aimee as two women moving in two different timespans but all up to serve a cause: “*that there might be any practical divergence between my mother’s situation and her own did not seem to occur to Aimee, and this was one of my earliest lessons in her way of viewing difference between people, which were never structural or economic but always essentially differences of personality.*” (Smith, 111)

As if to merge the lines cultural of difference between her Jamaican mother who symbolizes what Paul Gilroy calls the intellectual trial to “*press original African time into the service of their attempts to come to terms with diaspora space and its dynamics of differentiation*” (Gilroy, 197) and Aimee who stands for the new dynamics of world solidarity across all colour across all differences, and whom she qualifies as:

“The palest Australian I ever saw – sometimes without make-up on she did not look like she was from a warm planet at all, and she took steps to keep it that way, protecting herself from the sun all times. There was something alien in her, a person who belongs to a tribe of one.” (Smith, 97),

What could be considered as a project to merge the characteristics of differences of all types for surfacing the human worth is seen in Aimee and the mother as the ultimate sense of humanity, a kind of utopian being that Aimee carries as if belonging to “*a tribe of one.*” (Smith, 97) It’s more in the narrator herself than in Aimee that the most striking signs of cultural transcendence see its most complete expression of voluntary un-belonging because we are ultimately world citizens with many influences. The surreal conversation between the two of them reveals in all aspects this problematic that stands as an inferential response of a second generation immigrant to the high stake of British nationality and lineage:

- “- Narrator: You're funny.
- Aimee: I come from a long line of funny people. God knows why the British they think they're the only people allowed to be funny in this world.
- Narrator: I am not that British.
- Aimee: Oh babe, you're as British as they come.” (Smith, 108)

Indeed, the relevance of Aimee's answer to the narrator's own observation on Aimee's authentic Australian identity:

“I noticed she did not have an Australian accent not any more but neither was quite American or quite British, it was global: it was New York and Paris and Moscow and LA and London combined. Of course now lots of people speak this way but Aimee's version was the first time I heard it.” (Smith, 95)

She sounds like a global citizen, almost. Her accent is difficult to back into a singular and fixed cultural location. It is to be sought beyond the borderlines. The globalization schema of identities that *Swing Time* conceptualizes draws its sources from the social reality of contemporary issues that Zadie Smith also depicts through Aimee's outreach activities. *Swing Time* provides an effective space for collaboration and international solidarity across the continents and cultural sensibilities as the narrator questions herself as a witness and central protagonist of this new life she suddenly uncovers:

“If I had come of an age at an essentially buoyant moment in the history of England, a period in which money had new meaning and uses and the “freebie” had become a form of social principle, unheard of in my neighbourhood and yet normal elsewhere. “Freebism”: the practice of giving free things to people no need of them.” (Smith, 88)

The pursuit of a useful life and outreach to other communities is humanely and eventually what enhances the narrator to

disapprove “most things with a cold streak of defensive pride” (Smith, 89) and ultimately to develop a political view and assumption about life that clash with Zoe's, her supervisor in this job:

“The opposite of me. Yet, in the context of the office, Zoe and I were viewed as interchangeable. Her politics like mine, were already assumed, although in her case the office had it wrong: she was an ardent Thatcherite, the kind who feels that having pulled herself up by her own bootstraps everybody else better follow her and do the same.” (Smith, 89)

If *Swing Time* purports to be a Marxist criticism of capitalism and all form of hegemony, it is also a celebration of Aimee as an epitome of social justice, Smith underlines that:

“The songs no one heard, the words, she wrote- banal aphorism, usually (*The Arc of the Moral Universe is Long it Bends towards Justice.*) – no one but me ever read. Only in that chat room did she seem to be in the world, though it was such a bizarre world, filled only with the echoing voices of people who had apparently agreed with each other.” (Smith, 92-93)

This makes of the narrator a privileged collaborator for Aimee's actions in her African outreach. As a curator of history and art, the narrator sets out to bridge her experience to a long time line of the history of dance starting from the 1930s up to the present. However, if we consider the “visits by the Fisk University Jubilee Singers England, Ireland, Wales and Scotland in the early 1870s” (Gilroy, 88) as an important landmark we can also nourish the idea that:

“The syncretic complexity of black expressive cultures alone supplies powerful reasons for resisting the idea that untouched, pristine Africanity resides inside these forms, working a powerful magic of alterity in order to trigger the reception of absolute identity. Following the lead

established by Leroi Jones, I believe it is possible to approach music as a changing rather unchanging same. Today, this involves the difficult task of striving to comprehend the reproduction of cultural traditions not in the unproblematic transmission of a fixed essence through time but in the breaks and interruptions that the invocation of tradition may itself be a distinct, though covert, response to the destabilising flux of the post-contemporary world.” (Gilroy, 101)

Indeed, it echoes the commitment of the artist to social justice which Aimee seems to be the best epitome through her equity name “*Alias Truthteller Legon*” (Smith, 92) This phase of the narrator’s life echoes another important page of the United States history of race issues. Zadie Smith introduces racism through a mystery writer/theorist who: “*sat at a plain white desk, dressed all in white, with his prematurely white head of hair, facing a sizeable audience.*” (Smith, 93) The audience listening to that mystery writer/theorist and eventually a political activist or civil rights leader was in:

“The greater part of his crowd black men, of about my own age, holding well-worn copies of his books on their knee and listening with absolute focus and determination to an elaborate conspiracy theory. For the world was run by lizards in human form: The Rockefellers were lizards, and the Kennedys, and almost everybody at Goldman Sachs, and William Hearst has been a lizard, and Ronald Reagan and Napoleon – it was global lizard plot.” (Smith, 94)

This highly critical perspective of world power and financial systems offers a certain left-wing reading of the world and enables to explain hegemony by “linking many historical periods and political facts combining them into a sort of theory of everything.” (Smith 94) If the real issue of the state of the world is the hegemony of the liberal system on all areas back from

Napoleon to present day, Swing Time becomes then a socialist project for fighting against all the perverse systems that have always shaped the world as we know it today.

2. SPORTS AND ART AS CHALLENGING PARADIGMS FOR UNDERSTANDING THE WORLD

▪ SPORT: THE BLACK/AFRICAN VS. THE REST OF THE WORLD.

Sport has the lovely vignette of encompassing cultural belonging, patriotism and nationalism at large. It is often the terrain for battles, though of the time ruled by fair-play, that deter latent or hidden wars that people would like to wage. Indeed, in order to offer a critical approach to racism, sport and art function in *Swing Time* as illustration of the different spaces where the development of all the subjective representations is constructed. If the problem is to be found in the reality that supports the foundation of any society it is then through a subtle communicative realism that it can also be efficiently challenged on order to reach at an adequate paradigm of all paradigm that we would like to debunk. In that purpose, Ellis points out that:

“Communicative realism does not cavalierly suggest that society is subjectively constructed, but it locates social reality in the communicatively real structures of discourse, rather than in the metaphors of external reality where language is simply a map between cognition and the supposed external world.” (Ellis, 71)

In *Swing time*, Zadie Smith provides another important global insight of cultural representation within the co-existing immigrant identities, using sport a cultural battlefield that Bahram, her Iranian boss uses as the “*purest manifestation of sociological theories.*” (Smith, 24) Bahram understanding of the sportsmen’s performance as fundamentally subject to eugenics gives Zadie Smith the possibility to expose racism beyond the mere lines of the binary oppositions between Black and White. Indeed, Zadie

Smith reads out this racism through Bahram's conception of:

"The Black man, he informs us, he is moving body, he is strong, and he is music, yes, of course, and he is rhythm, everybody knows this, and he is speed, and this beautiful, maybe, yes, but let me tell you tennis is game of the mind – the mind ! The Black man can be good strength, good muscle, he can hit the ball hard, but Karim he is like me, he think one two steps in front. He have Arab mind. Arab mind is complicated machine, delicate. We invent mathematics. We invent astronomy. Subtle people. Two steps ahead. Your Bryan now he is lost." (Smith, 326)

This ironic challenging of socio-historically of constructed and construed cultures, races, identities and the relationship between co-existing communities is one of the most poignant of *Swing Time*. Echoing the work of Gillian Beer, *Darwin's Plot: Evolutionary Narrative in Darwin, George Eliot and Nineteenth Century Fiction*, Bahram's monologue is very central in understanding how *Swing Time* shakes and blurs the lines of evolutionary discourse as applied to the hierarchical structuring of races and cultural relations when he asserts that he: *"shall show how differing and cultural needs have produced deeply felt, satisfying but contradictory interpretations of its elements."* (Beer, 8)

If we follow a psychoanalytical reading of Bahram's discourse, it suggests to point out the Freudian assumption that the *"universal narcissism of men, their self-love has up to the present."* (Beer, 9) If Bahram reminds to this small microcosm of immigrants in his Iranian composed of a mixed-raced worker, a Congolese cleaner, a Somali delivery boy that: *"Wherever you in the world, he told Anwar, you people at the bottom! Sometimes at top White man, Jew, Arab, Chinese, Japan, depends. But your people always they lose."* (Smith, 326)

The narrator explains her misadventure that took place during her first encounter with her boss, Bahram. The impressions of her physical features and the gap between his first sympathetic warm welcome in the restaurant and her sudden rejection are because, *"despite my Persian nose, I was not Persian, not even a little, nor Egyptian, nor Moroccan, nor Arab of any kind, I made the mistake of speaking the name of my mother's island and all friendliness vanished."* (Smith, 323)

Swing Time thus goes further into displacing the crisis of cultural belonging beyond the traditional spheres of West/East or West/Third world confrontation into the modern and global where eventually we can attest emerging attempts to build new hegemonies. If we assert with Fairclough in his analysis of the text as action, representation and identification that states that:

"Texts simultaneously represent aspects of the world (the physical world, the social world, the mental world) enact relations between participants in social events and the attitudes, desires and values of participants, and coherently and cohesively connect parts of texts together, and connect texts with their situational contexts." (Fairclough, 27)

Then we can grasp how what Halliday (1994) calls the "ideational" function" and "interpersonal function" of the text interplay to build meaning in *Swing Time*. The narrator, who is supposed to be the writer's voice, sides with Anwar and the Congolese cleaner to cheer the black tennis player Bryan Shelton against Karim Alami supported by Bahram, it is above all because of racial solidarity. Bryan Shelton can be considered as the epitome of all the Black Diasporas and those at the periphery of all the Western societies and its system. Western civilization only plays a distant or inferential role in the binary paradigm that reveals itself as the geographical and political space in the opposition between the two groups that can be referred to as the awakening of a new

topology of cultural representation. Bryan Shelton, the African-American, stands then as the hyphen between sub-Saharan and Caribbean immigrants in London, while Karim Alami on the other hand reconciles the Arab and the Persian by bringing them together as one.

The geopolitical insight of this configuration has at the prowess of transcending some contemporary issues by showcasing a new discourse and its possible implementations. The world may not look better by writing a new page in its history through these insights. The unwritten message of *Swing Time* that is hinted in the text is the absolute absence of physical violence that gives to *Swing Time* the prospective power of establishing a peaceful interaction between cultures.

▪ CULTURAL BODIES AS OPPORTUNITIES FOR NEW DISCOURSES

We should move from Stevick's perspective that the great writer's time locus does not limit him to their immediate and contemporary reality that allows him to attain what he terms as the '*sub specie aeternatis*', that is the level of in-depth science, vision and wisdom where he "*writes more truly that he knows, and under the surface of his subjects and through the restrictions of his medium and treatment glows a universal humanity in the light of which contemporary distortions of perspective vanish or become of no significance.*" (Stevick, 257) In between the interstices of all this process, the development of new discourses based cultural bodies as a medium of re-elaboration of a new sense of humanity, *Swing* strive to create a new world reality on the ashes of old and perhaps vanishing realities. If not the project of *Swing Time* is before all, as Lodge and Wood would suggest it below:

"For the good reason that writing is the destruction of every voice, of every point of origin. Writing is that neutral, composite, oblique space where our subject slips away, the negative where all identity is lost, starting with the very

identity of the body of writing." (Lodge & Wood, 146)

The multiplicity of voices in the exposure of racial prejudices is a very subtle parody of the postmodern of the rejection of truth that points out racist and discourses and rhetoric of cultural narcissistic representation that are changing the world and the nature human relationships. By displacing the sensitive spots of the racist discourse Zadie Smith offers a great opportunity to shake all other similar discourses which traditionally stand as the dividing lines between cultures. She also underlines the different competing cultural bodies in the global identity sphere by shifting old oppositions into new juxtapositions are at least operating a new scenario that mimics contemporary geopolitics in a subverting process.

If the multicultural novel is in the essence a quest to build social and cultural harmony, the subtlety by which reality is treated in the British novel since 1980 in general confers it a political role that does not necessarily set up the environment for an exacerbated conflict but a new way of solving social crisis in an area where the coexistence of different cultural bodies can no longer be eluded.

Swing time's hypo-textual reference to the structural cultural crises that are shaping the world is an excellent parody of de-contextualization then reconceptualization of race and ethnic issues from a global perspective. Smith's message is conveyed through the subtle division of the world into new sensibilities, though she does not totally erase old stereotypes and prejudices. Thus, she shakes both the latent and the new developments of cultural conflicts into building a new "time" and a way of living together.

Katherine Hayles draws the lines of the quest of reconceptualization of ties and relationships in our contemporary time by defying the formalized axiomatic racist issues. It is Smith's refusal to replicate old racial symmetries that is suggested through the theoretical common grounds between the

science of chaos and postmodernism by stating that Hayles reminds that it is also informed by a similar suspicion of globalization from Jacques Derrida (Signature) to Frederic Jameson (Postmodernism) Jean François Lyotard (Postmodern Condition) to Lucy Irigaray (The Sex) because it also emphasizes on iterative techniques and recursive looping as ways to destabilize systems and make them unexpected conclusions. Hayles explains that:

“It is akin to poststructuralism, where the structuralist penchant for replicating symmetries is modified by the postmodern turn toward fragmentation, rupture and discontinuity. The science of chaos is like other postmodern theories also in recognizing the importance of scale. Once scale is seen as an important consideration, the relation between the local sites to the global systems is considered problematic, for movement across different scale levels is no longer axiomatic.” (Hayles, 11)

Paul Collili offers a different scale to reading *Swing Time* by following Halliday's perception of the text as:

“An ongoing process of semantic choice; it is meaning and meaning is choice, a continuous flux of selections.” (Halliday, 195) Collili underlines still with Halliday that *“the text is also the realization of a higher segment signifying processes that possess their own means of interpretation, namely, the literary, the sociological, the psychoanalytic and so on.”* (Collili, 631)

This reference to all the processes and choices involved in the construction of the text mirrors what Halliday calls *“resistance and change in the social system”* and *“the primary channel of the transmission of culture.”* (Halliday, 199) Of course read under these lenses, *Swing Time*, with its high blend of hypertext focuses art, and the *“History of Dance”* (Smith, 242) provides the mechanisms for the prospective

deconstruction our shared or common cultural heritage beyond the lines of conflicts of representation. Most importantly, the palimpsest of the various stages and icons of the history of dance gives to *Swing Time* its strength to blur the lines of difference and to reconcile the world through artistic expression and aesthetics. Indeed, if art stands as common ground for cultural understanding and reconciling cultural differences, *Swing Time's* narrative offers an unbiased insight into the history of world art.

As an empirical representation of the cultural heritage of the multicultural society that she sought to build in her novels, *Swing Time* is a multi-layered narrative that leads the reader through contemporary sympathies and solidarities through outreach projects for a better life across the borders with constant links to textual references to the History of Dance. Zadie Smith the readers gaze through representations of both mainstream and peripheral cultures by merging the lines of difference and revealing the essential truth as it should be, a sympathy and friendship for a better world. The absence of violent scenes throughout the novel is an important feature that gives to *Swing Time* its unique merit of projecting a different world eventually, a world of love between people.

Also, the balance in exploring the history of dance since the 1930s illustrates the strength of the novels narrative sources and the quest for exposing culture as force for the reconciliation:

“If Fred Astaire represented the aristocracy, I represented the proletariat, said Gene Kelly, and by this logic Bill “Bojangles” Robinson should really have been my dancer, because Bojangles dance for the Harlem dandy, for the ghetto kids and the sharecropper – for the descendants of all slaves. But to me a dancer was a man from nowhere, without parents or siblings, without a nation or people, without obligation of any kind, this was really the quality I loved.” (Smith, 24)

These ghetto kids include Michal Jackson, Prince, and even James Brown who are considered as heirs of a long cultural heritage. This transmission of cultural goes even further into passed to the youth, and Tracey whose father is one of Michael Jackson's dancers helps us trace back this history into its genesis:

“How you jump into a split you said your dad can do it, too, and you got it from your dad, and he got it from Michael Jackson, and Jackson got it from Prince, and maybe James Brown, well, they all got it from the Nicholas Brothers, the Nicholas Brothers are the originals, they're the very first, so if even if you don't know it or say don't care, you're still dancing like them, you're still getting it from them.” (Smith, 101)

Most importantly, intertextuality gives to *Swing Time* all its strength. It allows building a hybrid sense of art. The history of dance hence establishes a lineage that transcends both race and generational gap. It's this genesis that allows the creation of a certain unity whose nexus of influence can inspire the young generation to see the world with lenses.

On the same range of ideas Smith highlights the importance of revisiting these hegemonic structures that have played a role in the making of the modern world to art, or what she calls: *“The stuff, like Billie Holiday? Or Sarah Vaughan, Bessie Smith, Nina. Real singers. I mean, not that – I mean I feel like it.”* (Smith, 97)

Between Holiday's poem, *Strange Fruit* (1937) and the heights of the civil rights movement in the 1960s we recapture all the important role that (coloured) artists played. *Swing Time* celebrates the rich heritage of the Harlem Renaissance and its contribution to black emancipation struggle in the USA.

If we refer to Thornton Dial's canvas entitled *“Don't Matter How Raggly The Flag It Still Got to tie us together”* (2003) that Elara Bertho explores in her article, *“The colour line, les artistes Africain-Americain et*

la segregation²” as the most symbolic call for a reconciled nation despite all the pains caused by history in the USA and above in the world. The same process is also taken by *Swing Time* by surfacing the atrocities of racial conflicts that still go on in contemporary days. Both Billie Holiday's poetry and Thornton Dial's painting are insightful historical depictions of the politico-cultural crisis that *Swing Time* aims to overcome through a non-violent discourse. *Swing Time* is mainly a high prism of aesthetic value that challenges the necessity for bringing to together all the voices that defy racism as a political system. Icon like Nina Simone, Billie Holiday and Bessie Smith are those voices whose vibrant messages in Jazz as in Blues and all other artistic expression have contributed to delivering a universal truth: our common essence as human beings and our universal need for freedom. Nina Simone's *“Mississippi Goddam”* (1953) underlines the profound and desperate complaints of the artist pointing out alternatively Alabama, Tennessee and Mississippi as locations of the suffering of Black people.

CONCLUSION

By exploring the repositories of art and history that prevent the world to sustain harmony between individuals in their natural diversity as humans, *Swing Time* is ultimately an invitation into reading our societies. Throughout the novel, Zadie Smith offers a different perspective in reading our societies and how we can build humanity into a peaceful space. *Swing Time* establishes the necessity of shaking old being together.

“If my dad hadn't died young? No way I'd not here. That's the pain. I thought of my mother - who had no patience for sentimental reading of history- and cringed.” (Smith, 113)

Through Aimee's above recollections of her father's worldview and the difference and hers, and the narrator own radical difference

² “The Color line: African Americans and Segregation. (My translation)

with her mother's reading of history, we capture the essential message of *Swing Time*: the birth of a human society that is open to the creation of a decent world and whose main defining character is tolerance and solidarity beyond all difference. In *Swing Time*, the multi-accentual correlation between different spaces and historical timelines gives to the book its unique depth: between Fred Astaire, and Mr Bojangles, but also John Legend's "All of me", Billie Holiday's "Autumn in New York" and the echo to Ruby Keeler's "42nd Street", Zadie Smith uses various cross-referencing strategies that appeal our need to build new meaning in our mutual representation.

References

- Banes, Sally (1994), *Writing Dance in the Age of Postmodernism*. Hanover & London: Wesleyan University Press.
- Beer, Gillian, *Darwin's Plots: Evolutionary Narrative in Darwin, George Eliot and Nineteenth Century Fiction*.
- Bertho, Elara (2016), *The Color Line, Les artistes africains- américains et la ségrégation*, Diacritik, available at: <https://diacritik.com/2016/10/13/the-color-line-les-artistes-africains-americains-et-lasegregation/.hal-01698989> (Accessed on 04/09/2018 at 9:39P.M).
- Collili, Paul (2006), Texts: Semiotic Theory In Encyclopaedia of English Language and Linguistics, Ed: K. Brown, Elsevier, Netherlands.
- Ellis, G. Donald. (1999), *Crafting Society: Ethnicity, Class, and Communication Theory*, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, London, UK.
- Fairclough, Norman (2003), *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*, Routledge, New York.
- Foucault, Michel (2010), *The Archaeology of Knowledge and The Discourse on Language*, Vintage Books, New York.
- Foucault, Michel (2010), *The Archaeology of Knowledge and The Discourse on Language*, Vintage Books, New York.
- Gayson, Sandra (2000), *Symbolizing the Past: Reading Sankofa, Daughters of Dust & Eve's Bayou as Histories*, Lanham: University Press of America.
- Gilroy, Paul (1993), *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*, Harvard University Press, Cambridge, UK.
- Halliday M A K (1977), 'Text as semantic choice in social contexts.' In van Dijk T A & Peto" (eds.) *Grammars and descriptions: studies in text theory and text analysis*, Walter de Gruyter, New York, 176–225.
- Hayles, Katherine (1991), *Chaos and Order: Complex Dynamics in Literature and Science*, Chicago & London: Chicago University Press.
- Lodge, David & Nigel Wood (2000), *Modern Criticism and Theory: A Reader*, Second Edition, Longman, New York.
- Smith, Zadie (2000), *White Teeth*, Penguin Books, London.
- Smith, Zadie (2016), *Swing Time*, Penguin Random House UK, London.
- Stevick, Philip (1967), *The Theory of the Novel: A comprehensive Anthology*, The Free Press, New York.
- Zimmermann, Jens (2015), *Hermeneutics: A Short Introduction*, Oxford University Press, Oxford.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Ibrahima Dieme, Dr., English teacher, Freelance Translator, English Business, University of Oregon, USA.

УДК 10.01.03

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-13

Маркова Е. И.¹
Лаврентьев А. М.²Кодикологическое исследование средневековой рукописи
"Régime de santé" Гвидо Парато

¹) Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет НИУ «БелГУ»

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: Markova_E@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-8672-8195

²) Национальный центр научных исследований Франции,

ул. Рене Декарта, 15, Лион, 69007, Франция

E-mail: alexei.lavrentev@ens-lyon.fr

ORCID: 0000-0001-8306-3653

Статья поступила 31 октября 2018 г.; Принята 5 декабря 2018 г.;

Опубликована 31 декабря 2018 г.

Аннотация: В статье излагаются результаты работы над рукописью на французском языке XV века, которую один из соавторов ведет уже на протяжении более десятка лет и, в частности, результаты исследований, полученных во время стажировки в качестве *professeur invité* (приглашенного профессора) в ENS (École Normale Supérieure) г. Лион (Франция). Изыскания, проведенные в русле кодикологии, позволили обнаружить новую, важную информацию, которая подтверждает давний интерес зарубежных ученых к изучаемой рукописи. На основании полученных данных авторы делают вывод о том, что изучаемая рукопись стоит в ряду других подобных произведений XIII-XV веков и представляет собой типичный образец медицинского трактата или древнего сборника полезных рецептов для здоровья. Плодотворное сотрудничество с зарубежным соавтором, специалистом в области истории французского языка и цифровой гуманитаристики, и другими французскими коллегами позволило осуществить цифровую обработку первой части рукописи, а также планировать дальнейшую работу, включающую в себя использование базовых структурных и функциональных компонентов, дипломатической транскрипции, ссылок, соответствий, метатекстовую аннотацию, все уровни лингвистического анализа и контекстные метаданные всех видов.

Ключевые слова: кодикология; медицинские трактаты; Гвидо Парато; средневековые лекари; сохранение здоровья.

Информация для цитирования: Маркова Е. И., Лаврентьев А. М. Кодикологическое исследование средневековой рукописи "Régime de santé" Гвидо Парато // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 122-129. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-13

Elena I. Markova¹
Alexei M. Lavrentiev²

**Codicological study of the medieval manuscript
"Régime de santé" by Guido Parato**

¹) Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: Markova_E@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0002-8672-8195

²) ENS de Lyon,
15, Parvis René Descartes, Lyon, 69007, France
E-mail: alexei.lavrentev@ens-lyon.fr
ORCID: 0000-0001-8306-3653

Received 31 October 2018; Accepted 5 December 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The article presents the results of the work on a manuscript written in the French language of the XV century. The work has been conducted by one of the co-authors for more than a decade. Besides, the article presents the research results obtained during an internship as a professeur invité (visiting professor) at ENS (École Normale Supérieure) Lyon (France). The studies conducted within the framework of codicology have revealed some new, important information that confirms the long-standing interest of foreign scholars in the manuscript being discussed. Based on the data obtained, the authors conclude that the manuscript under study is among other similar works of the XIII-XV centuries and is a typical example of a medical treatise or an ancient collection of useful recipes for health. Fruitful cooperation with the foreign co-author, an expert in the history of French and in digital philology, and other French colleagues, allowed us to digitally process the first part of the manuscript, as well as to plan further work, including the use of basic structural and functional components, diplomatic transcriptions, references, correspondences, metatext annotation, all levels of linguistic analysis and contextual metadata of all kinds.

Key words: codicology; "régimes de santé"; Guido Parato (Fr. – Guy Parat); medieval doctors; preservation of health.

Information for citation: Markova, E. I. and Lavrentiev, A. M. (2018), "Codicological study of the medieval manuscript "Régime de santé" by Guido Parato", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 122-129, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-13

Введение

Предметом и целью нашего исследования является средневековый трактат по медицине (régime de santé) на французском языке (Маркова, 2009). Его автор – ученый-медик, профессор университета в городе Павия (Италия) и придворный лекарь герцога Миланского Франческо Сфорца. Мы установили, что трактат был написан на латинском языке в

1459 году и приблизительно в то же время переведен на французский язык по распоряжению герцога Бургундского Филиппа III Доброго.

Содержание трактата чрезвычайно интересно и познавательно, поскольку он посвящен проблеме сохранения здоровья, молодости и красоты. Наряду с лечением, автор особое внимание уделяет профилактике заболеваний, вопросам

гигиены, а также важности сохранения душевного спокойствия для долгой и счастливой жизни. Именно эти проблемы и занимают умы человечества на всем протяжении его развития.

Работая в феврале-марте 2018 года в библиотеке им. Д. Дидро в Лионе (Франция) мы смогли обнаружить чрезвычайно ценную для нас информацию, которая подтвердила наше предположение об актуальности для своего времени и важности изучаемого сочинения. Мы узнали, что трактат Гвидо Парато также стоит в ряду многих других, посвященных правильному образу жизни, сохранению здоровья и знаменитому французскому l'art de vivre.

В последнее время мы наблюдаем всплеск интереса наших современников к сохранению здоровья, продлению жизни, молодости, красоты и умению наслаждаться каждой минутой отведенного нам времени. Однако человечество всегда стремилось к выживанию, что подтверждается посвященными этой теме работами многочисленных средневековых авторов, начиная с раннего средневековья до эпохи Возрождения и более поздних. Углубляясь в историю вопроса, к одним из самых ранних произведений, посвященных искусству врачевания, в истории медицины относят труды индийских, китайских, арабских, латинских, древнегреческих авторов: от древнеиндийской Яджур-веды, до деревянных табличек жрецов Древнего Египта, от древнекитайской книги по медицине «Нэй-Цзин» до трудов Гиппократ, Аристотеля и других учёных Древней Греции и Древнего Рима - Асклепия, Темизона Лаодикейского, Авла Корнелия Цельса, Сорана Эфесского, Галена, написавшего около 500 трактатов по медицине, и других прославленных ученых-медиков.

Таким образом, благодаря накопленным знаниям, уже в период раннего средневековья лекари имели большие возможности для обучения и совершенствования в своем ремесле.

Начиная с IX-XI веков, мы можем документально установить появление медицинских сочинений практически во всех развитых западноевропейских странах: в Италии, Испании, Германии, Англии, Франции и других.

Основная часть

Что касается интересующего нас периода XIII-XV веков, то, по свидетельству Марилин Нику (Nicoud, 2007: 699-716), в этот период было создано значительное количество книг по медицине, и, в частности, более 40 трактатов, посвященных правильному образу жизни, или, как это было принято тогда называть «régime de santé». Среди упомянутых ею авторов есть такие имена, как Adam De Cremona (première moitié du XIII siècle?), Jean De Tolède (m. 1275), Aldebrandin De Sienne (m. ca. 1296-1299), Arnaud De Villeneuve (ca. 1240-1311), Guillaume De Salicet (1210 – ca. 1276/1280), Bernard De Gordon (ca.1258-1318), Arnold De Bamberg (m. entre 1321 et 1339), Barnabas Riadinis Da Reggio (ca. 1300 - ca. 1365), Benedetto Reguardati (1398-1469), Bartolomeo Sacchi Dit Platine (1421-1481), Bernardo Tornì (1452-1497), Conrad Heingarter (m. après 1488), Étienne Arlandi (actif dans la première moitié du XIV siècle), Filippo D'Arezzo (m. 1348?), Giacomo Albini Da Moncalieri (m. 1348), Gérard de Solo (m. ca. 1360), Maino De Maineri (m. 1368), Gilbert Kymer (m. 1463), Michel Savonarole (1384-1464), **Guido Parato** (actif entre 1439 et 1471?), Jaques Despars (1380? – 1458) и другие.

Таким образом, имя Гвидо Парато стоит в ряду других известных авторов XIII-XV веков, создававших régimes de santé (Nicoud, 2007: 706).

Гвидо Парато, рукопись которого является предметом нашего исследования, родился в Кремоне, городе в итальянской области Ломбардия, поэтому его иногда называли Guido Parato de Cremona (Nicoud, 2014: 119). Он преподавал медицину в университете города Павия с 1439 по 1465 годы, а также участвовал в краткосрочных

семинарах в Милане в 1448 году (Nicoud, 2014: 488). Будучи одним из придворных медиков герцога Миланского Франческо Сфорца, в благодарность за знания и умения в качестве лекаря и советника, он был произведен в рыцари и награжден графским титулом (Nicoud, 2014: 31). По данным источников мы смогли проследить преподавательскую и врачебную деятельность Гвидо Парато начиная с 1439 и до 1470 года (Nicoud, 2014: 527-529). Так, он преподавал в университете города Павия «экстраординарную естественную философию» начиная с 1439 года и постоянно присутствовал в штате университета на академических ролях, а затем совместил работу в университете со службой у герцога Сфорца в конце 1440-х - начале 1450-х годов. По данным Марилин Нику, в письме, адресованном Галеаццо Мариа и датированном 1471 годом, он пишет, что служит родителям герцога вот уже двадцать лет (Nicoud, 2014: 41).

Марилин Нику составила перечень произведений, созданных средневековыми лекарями, работавшими при дворе и/или в университетах. В списке насчитывается в общей сложности 60 рукописей, а среди авторов упоминается и имя Гвидо Парато (Nicoud, 2014: 242-243).

Ссылки на исследуемую рукопись есть также у историка медицины Эрнеста Вickersхаймера в его книге «Les manuscrits latins de médecine du haut Moyen Âge dans les bibliothèques de France» (Wickersheimer, 1966: 239-240).

Э. Вickersхаймер в свое время написал три статьи по материалам этого трактата. (Wickersheimer, 1913a: 82-95), (Wickersheimer, 1913b: 127-128), (Wickersheimer, 1913c: 146-147).

Стоит особо заметить, что ни Э. Вickersхаймер, ни М. Нику не имели возможности увидеть и проанализировать упомянутую ими рукопись, поскольку, по данным каталога А. Лаборда (Laborde, 1938 : 12), Т. П. Вороновой (Воронова, 1962: 258) и Е. Брайера (Brayer, 1958: 24) с конца XVIII века она находится в России, в

Санкт-Петербурге, в Российской национальной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ранее – императорской) и стала доступна лишь в последние несколько лет, благодаря проведенной нами расшифровке и лингвистическому анализу рукописи, ставшей основой и инструментом для защиты диссертации под руководством профессора Л. А. Становой в РГПУ им. А. И. Герцена.

Итак, возвращаясь к вопросу нашего исследования, мы установили, что средневековые книги по медицине, традиционно называемые авторами «régimes de santé», представляли собой массовое явление в те времена. В качестве примера можно привести сочинения таких авторов, как Арно де Вилльнёв (Arnaud De Villeneuve), и, в частности, его знаменитый трактат «Regimen sanitatis ad regem Aragonum», Арнольд де Бамберг (Arnold De Bamberg) «Das Regimen sanitatis des Arnold von Bamberg», Бенедетто Регвардати (Benedetto Reguardati) «De conservation sanitatis», Жак Деспарс (Jacques Despars), служившего придворным лекарем у герцога Бургундского (Doutrepont, 1909: 115) и также создавшего три сочинения под названием «Régime de santé», Маино де Маинери (Maino De Maineri) «Regimen sanitatis» и многие другие.

Материалы и методы исследования

Опираясь на вышеизложенные факты, мы можем утверждать, что для своего времени медицинский трактат Гвидо Парато не являлся уникальным творением, поскольку, как и большинство трактатов того времени, он посвящен вопросам правильного образа жизни и сохранения здоровья человека и содержит большое количество рецептов практически по всем медицинским проблемам, волновавшим современников автора. Однако рукопись представляет несомненный интерес в качестве памятника истории медицины и практического руководства по лечению

болезней во времена Средневековья. Кроме того, учитывая тот факт, что рукопись с момента своего написания (свыше 500 лет) находилась вне пределов досягаемости многих специалистов, она является чрезвычайно интересной и даже сенсационной. Гвидо Парато озаглавил свой трактат весьма скромно «Libellus de sanitate conservanda», (libellus (лат.) - книжечка) во французском варианте - «L'enseignement ou la manière de garder et conserver la santé», или «régime de santé», однако объем его сочинения весьма значителен – 132 листа, или 264 страницы, щедро усыпанных полезными советами, рецептами настоев, отваров, мазей, порошков и других разнообразных лечебных средств, популярных в то время.

В качестве примера мы приводим расшифровку небольшой части текста на французском языке середины XV века, выполненную на основе его фототипической копии. В работе над рукописью нами были использованы методы кодикологического и палеографического анализа, сопоставительный и сравнительный методы, а также метод количественной обработки материала.

На рисунке можно увидеть фрагмент фототипической копии рукописи на французском языке XV века, в котором автор трактата дает рекомендации по лечению дыхательной системы. страницах автор приводит рекомендации для лечения дыхательной системы (рис.).

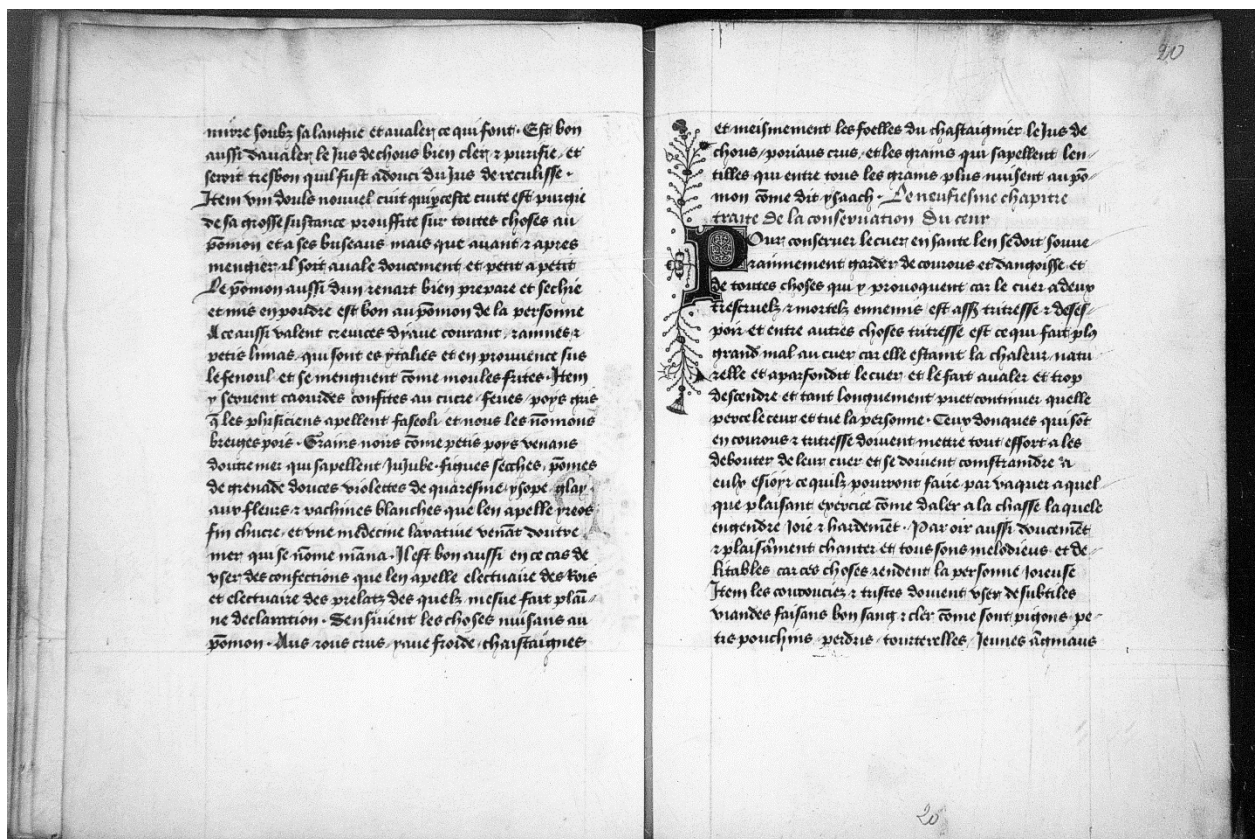

Рис. Страницы 19 (verso) -20 (recto) из книги по медицине Гвидо Парато
Fig. Pages 19 (verso) – 20 (recto) taken from Guido Parato's book on medicine

...mirre soubz sa langue et aualer ce qui font. Est bon
aussi daualer le jus de chous bien cler [et] purifie et
seroit tresbon quil fust adouci du jus de reculisse.
Item vin douls nouuel cuit qui p[ar] ceste cuite est purgie

de sa grosse sustance prouffite sur toutes choses au
po[m]mon et a ses buseaus mais que auant [et] apres
mengier il soit auale doucement et petit a petit
Le po[m]mon aussi dun renart bien prepare et sechie
et mis en poudre est bon au po[m]mon de la personne
A ce aussi valent crevices dyaue courant/ rainnes [et]
petis limas/ qui sont es ytalies et en prouence sus
le fenoul et se menguent co[m]me moules frites. Item
y seruent caourdes confites au cucre/ feues/ poys gus
q[ue] les phisiciens apellent faseoli et nous les no[m]mons
breiges pois. Grains noirs co[m]me petis poys venans
doutre mer qui sapellent jujube. figues secches/ po[m]mes
de grenade douces violettes de quaresme/ ysope glay
aux fleurs [et] rachines blanches que len apelle yreos
fin chucre et une medecine laxative vena[n]t doutre
mer qui se no[m]me ma[n]na. Il est bon aussi en ce cas de
user des confections que len apelle electuaire des rois
et electuaire des prelatz des quelz mesue fait plain
ne declaration. Sensuient les choses nuisans au
po[m]mon. Aus rous crus yaue froide/ chaistaignes...

Результаты исследования и их обсуждение

Содержание трактата до настоящего времени является предметом нашего пристального внимания и подробного изучения.

Так, была проделана работа по обновлению прототипа онлайн-издания, который будет включать первую версию трактата в корпусе средневековой французской базы (BFM). Подробное обсуждение и сотрудничество с командой разработчиков платформы ТХМ в составе Alexei Lavrentiev, Céline Guillot, Bénédicte Pincemin, Serge Heiden, Matthieu Decorde позволило выполнить значительный объем работы над первой частью рукописи, а также планировать дальнейшую цифровую обработку, включающую в себя базовые структурные и функциональные компоненты, дипломатическую транскрипцию, ссылки, соответствия, метатекстовую аннотацию, все уровни лингвистического анализа, контекстные метаданные всех видов.

Результаты работы были отражены в статье (Lavrentiev, Markova, 2014: 164-166), а также неоднократно излагались на

международных конференциях в Болгарии, Литве и Японии.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного комплексного кодикологического исследования мы смогли проанализировать изучаемую рукопись, рассматривая ее как памятник материальной культуры в социально-историческом контексте эпохи Средневековья и оценить вклад и значение произведения Гвидо Парато в сравнении с другими авторами этой эпохи. Благодаря проведенному исследованию, медицинский трактат Гвидо Парато становится доступным широкой научной общественности, а также специалистам в таких сферах, как история литературы, история медицины, история языка, траволечение, физиотерапия и др.

Список литературы

Nicoud M. Les régimes de santé au Moyen âge: naissance et diffusion d'une écriture médicale, XIIIe-XVe siècle. Rome: École française de Rome, 2007. Vol.1, 2.

Nicoud, M. Le prince et les médecins. Pensée et pratiques médicales à Milan (1402-

1476). Rome: École française de Rome, 2014. 488 p.

Wickersheimer E. Le bain d'après un traité d'hygiène du XVe siècle // Gazette des eaux, 1913. № LVI.

Wickersheimer E. Le régime de santé de Guido Parato, physician du duc de Milan (1459) // Gazette des eaux, 1913. № XII.

Wickersheimer E. Les champignons et les truffes d'après le traité d'hygiène de Guido Parato // France médicale, 1913. № LX.

Wickersheimer E. Les manuscrits latins de médecine du Haut Moyen âge dans les bibliothèques de France. Paris (7e): Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1966. 285 p.

Маркова Е. И. Лингвистические особенности французского рукописного текста XV века «Трактат о сохранении здоровья» (СПб., РНБ, Fr.Q.v.VI.1): Дис. ... канд. филол. наук. СПб, РГПУ им. Герцена, 2009. 265 с.

Воронова Т.П. Французские средневековые рукописные книги в собрании Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина: (из истории средневековых библиотек и коллекций) // Средние века. 1962. Вып. 22. С. 258–266.

Brayer E. Manuscrits Français du Moyen Age conservés à Léningrad // Bulletin d'information de l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes. 1958. №7. P. 23–31.

Doutrepoint G. La littérature française à la cour des ducs de Bourgogne. Paris, 1909. 544 p.

Laborde A. Les principaux manuscrits à peintures conservés dans l'ancienne Bibliothèque Impériale Publique de Saint-Petersbourg. Pour les membres de la société française de reproductions de manuscrits à peintures: bulletin de la société française de reproductions de manuscrits à peintures. Paris, 1938. Vol. 1. 90 p.

Lavrentiev A., Markova E. From the Holy Grail to the Good Health: a Digital Edition of a 15th Century French Medical Treatise on the BFM Web Portal / Victor Baranov; Veselka Zhelyazkova; Alexei Lavrentiev (eds.) // Textual Heritage and Information Technologies. El'Manuscript-2014, Proceedings of the 5th International Conference. Varna, Izhevsk, 2014. P. 164-166. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01071459> (дата обращения: 15.09.2018).

References

References

Nicoud, M. (2007), "Health regimes in the Middle Ages: birth and diffusion of medical writing, XIII-XVth century", French School of Rome, Rome, vol.1, 2. [in French].

Nicoud, M. (2014), "The prince and the doctors. Thought and medical practices in Milan (1402-1476)", French School of Rome, Rome, 488. [in French].

Wickersheimer, E. (1913), "Bathing According to a Fifteenth-Century Hygiene Treaty", Waters Bulletin, LVI. [in French].

Wickersheimer, E. (1913), "The health regime of Guido Parato, physician of the Duke of Milan (1459)", Waters Bulletin, XII. [in French].

Wickersheimer, E. (1913), "Mushrooms and Truffles According to the Hygiene Treaty of Guido Parato", France Medical, LX. [in French].

Wickersheimer, E. (1966), "The Latin Medieval Manuscripts of the High Middle Ages in the Libraries of France", Editions of the National Center for Scientific Research, Paris (7th), 285. [in French].

Markova, E. I. (2009) "Linguistic features of the XV century French handwriting "Treatise on the preservation of health" (SPb, RNB, Fr.Q.v.VI.1)", Ph. D. Thesis, RSPU by A. Herzen, SPb, Russia, 265.

Voronova, T. P. (1962), "French medieval manuscripts in the collection of the State Public Library by M. E. Saltykov-Shchedrin: (from the history of medieval libraries and collections)", Srednie veka, Iss. 22, P. 258–266.

Brayer, E. (1958) "French manuscripts of the Middle Ages preserved in Leningrad", Newsletter of the Institute for Research and History of Texts, №7, P. 23-31. [in French].

Doutrepoint, G. (1909) "French Literature at the Court of the Dukes of Burgundy", Paris, 544. [in French].

Laborde, A. (1938) "The main manuscripts with paintings preserved in the former Public Library of St. Petersburg. For the members of the French society of reproductions of manuscripts with paintings: bulletin of the French society of reproductions of manuscripts with paintings", Paris, Vol. 1, 90. [in French].

Lavrentiev A., Markova E., 2014, "From the Holy Grail to the Good Health: a Digital Edition of a 15th Century French Medical Treatise on the BFM Web Portal", Victor

Baranov; Veselka Zhelyazkova; Alexei Lavrentiev (eds.), Textual Heritage and Information Technologies. El'Manuscript-2014, Proceedings of the 5th International Conference, Varna, Izhevsk, P. 164-166. [Online], available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01071459> (Accessed 15 September 2018).

Baranov; Veselka Zhelyazkova; Alexei Lavrentiev (eds.), Textual Heritage and Information Technologies. El'Manuscript-2014, Proceedings of the 5th International Conference, Varna, Izhevsk, P. 164-166. [Online], available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01071459> (Accessed 15 September 2018).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Маркова Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации.

Маркова Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации.

Elena I. Markova, PhD in Philology, Lecturer of the Department of Foreign Languages and Professional Communication.

Алексей Михайлович Лаврентьев, кандидат филологических наук, доктор лингвистики, инженер-исследователь.

Alexei M. Lavrentiev, Dr., PhD in linguistics, Research Engineer.

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-14

Dr. Sana' Mahmoud
Jarrar

Uncovering true Islam in Umm Zakiyyah's trilogy *If I Should Speak*

Department of English Language
Faculty of Educational Sciences and Arts/UNRWA
P. O. Box: 541216 Postal Code: Abu-Nsair, 11937
E-mail: Jr_sanaa@yahoo.com

Received 19 October 2018; Accepted 12 December 2018; Published 31 December 2018

Abstract. Religion themed literature has always been a norm in the literary traditions across the globe. However, it is observed that in the context of representing Islam and Muslims, Western literature and media misrepresent them, and that thereby leads to the building of a mistaken global view of Islam. The relevant literature plays a profound role in shaping the readers' perception of reality. It has been argued by several experts that the portrayal of Islam throughout English literature demonstrates ignorance and prejudice [Schönemann, 2013, p.10]. Western literature largely portrays Islamic religion and Muslims as erotic, primitive, ignorant, and slave traders [Schönemann, 2013, p.1]. The depiction took another drastic turn post-9/11, only making it worse. The post 9/11 literature has depicted Arabs and Muslims as terrorists, lunatics, fundamentalists, and haters among other prevalent depictions. This literary trend in the West has only expanded the gap between Muslims and the world community. As opposed to the conviction that Islam is a religion of terrorism, polygamy, hatred, oppression, Umm Zakiyyah manages to present the true picture of Islam. Umm Zakiyyah's trilogy *If I Should Speak* addresses the topics of the struggle between Muslims and Christians, racism, polygamy, hijab, jihad, and other misrepresented issues pertaining to Islam. This paper will give a detailed description of how Umm Zakiyyah's trilogy correctly presents Islam in contrast to the misrepresentation of Islam in Western literature.

Key words: Islam; Misrepresentation; Umm Zakiyyah; *If I should speak*; Western literature.

Information for citation: Jarrar, S. M. (2018), "Uncovering true Islam in Umm Zakiyyah's trilogy *If I Should Speak*", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 130-135, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-14

Introduction

Most Western narratives portray the distorted and fabricated images of the Islamic faith and Muslims [Shadid & Koningsveld, 2002, pp. 174-96]. The negative attitude towards Islam is largely formed due to the stereotypes and prejudice. The motive behind such a practice is to make a distinction between the 'we' and 'them'; "we" being the majority Western population and "them" being the Muslim minority population [Schönemann, 2013, p.4]. The 'we' and

'them' propaganda makes people consider Muslims as excluded from the world community. Commonly, a stereotype is considered as a fixed opinion or a depiction that the majority of people have of a specific entity such as religion; however, it is often false in reality. In Sociology, a stereotype is defined as an exaggerated and frequently prejudiced image of a group of people on the basis of little or no evidence and is resistant to change by evidence [Petkova & Lehtonen, 2005, p.63]. It must be understood that

stereotypes and prejudice fog the observation of others and simultaneously form distorted images. The pseudo presentation of Islam in the Western literature initiates adverse influence in the intercultural associations between the parties.

There are a range of novels that misrepresent Islam and Muslims, such as V.S. Naipaul's *Beyond Belief*, Don Delillo's *Falling Man*, and John Updike's *The Terrorist* [Alireza & Abolfaz, 2015, pp.1-13]. Most of these novels misrepresent Islamic faith and the Muslim population by suggesting that Islam supports terrorism. These explain the psychological, economic, political, cultural, and religious realities that may underpin terrorism in Islam. They further suggest that Muslims are violent by dehumanizing and marginalizing them so that they could be labeled as terrorists. Overall, these novels account Islam as a backward and misogynist faith and Muslim women as oppressed victims in Islam due to the compulsion of hijab, polygamy, etc. Usually, these novels are based more on stereotyping instead of scientific evidence.

Islamic faith and Muslims have been portrayed in a negative light through numerous channels including Western literature and media since the time of crusades, and it worsened post 9/11. During the Iranian Revolution, in 1979, Ayatullah Ruhullah Khomeni was set on throne after winning over pro-western king Reza Shah Pahlavi [Patrikarakos, 2009]. Due to the revolution, the Western nations lost power over huge oil sources [Patrikarakos, 2009]. This incident led to an anti-Islamic hysteria in the West and made Islam a topic of interest and phobia.

In response, a range of novels were written by several authors to defend Islam, such as Leila Aboulela's *The Translator*, Monica Ali's *Brick Lane*, and Umm Zakiyyah's *If I should speak*. Islamic faith and Muslims are represented in these novels several ways by correctly deliberating on the issues of religiosity, fundamentalism, terrorism, hijab, and women issues. Most of

these novels clearly explore the commitment of Muslim characters with the sacred through Islamic customs and practices. The focus on the significance of these practices is to show that the Islamic spiritual experiences are similar to those of individuals of other faiths.

The theory of Edward Said's Orientalism is a style of thought based upon an "ontological and epistemological distinction made between "the Orient" and (most of time) the Occident" [Said, 1978, p.1]. The theory of Orientalism is based on the interplay between the "Occident" and the "Orient." The Occident (self) is the word given to the West, and the Orient is the word given to the misinterpreted Middle East and Islam [Said, 1978, p.5]. He believes that the Islamic faith and Muslim people are seen with prejudice and racism. By taking advantage of the unawareness, the West has built a culture, history, and future promise for them. Said argues that the entire Western European and American research, literature, and cultural representation develops and strengthens prejudice against non-Western cultures, placing them in the category of Oriental (or "Others") [Said, 1978, p.57]. As per Said's Orientalism theory, this Orient vs. Occident is a power relationship in which Occident uses different means to use and interpret the Orient as per their own terms [Moosavinia, Niazi, & Ghaforian, 2011, pp.103-113].

Main Text

Umm Zakiyyah's *If I Should Speak* is a counter narrative to the clichés about Islam. The first book of the Umm Zakiyyah's trilogy is *If I Should Speak*, which has Tamika Douglass, Aminah Ali and Durrah 'Dee' Gonzalez as the central characters. In a range of their dialogues, the values of Islamic da'wah are seen. Various Western texts frequently exploit the term jihad to validate Muslims as the suspects of terrorism such as in the book *Prayers* for the assassin Robert ferrigno in which it was suggested that Islam teaches its devotees to do holy war against people of other faiths. Another book which suggests that Islam encourages terrorism is John Updike's *Terrorist*. Various texts use the

term Jihad to illustrate terrorism and thereby labeling Islam as a religion of violence. But in Umm Zakiyyah's novel, she clarifies the correct meaning of jihad in Islam as explained in the following dialogue:

'So what is jihad then?' Tamika asked. 'Well,' Aminah replied, 'in Islam, it's similar to that. Just like America does not tolerate oppression in the world and at times goes to help those who are oppressed, Muslims are not allowed to permit people to be oppressed. And when the oppression occurs, Muslims must defend and help the oppressed. These are the two types of jihad, the first being when Muslims fight to help people who are being oppressed, like America does at times, and the second being when Muslims defend themselves from attack.' 'Harming the innocent is not something taken lightly in our religion.' She continued, 'Terrorism is not allowed in Islam whatsoever; and whoever does take part in it, no matter what religion they claim to be a part of, is risking punishment in the Hereafter for that grave sin.' [Zakiyyah, 2000, p.110].

The previous dialogue in her novel illuminates that jihad is taught in Islam to safeguard the peace from things that could harm it. If a situation of intolerable oppression occurs, Islam instructs its devotees to help the oppressed, and in situations where Muslims are oppressed, they must protect themselves from the oppressor. Therefore, world peace can only be maintained when jihad is taught and practiced as people can live in peace when they are not oppressed in any form. Further, if get oppressed, they should safeguard themselves to get their rights as human. So, while various Western texts have portrayed jihad as a form of terrorism, it's exactly opposite and Umm Zakiyyah explains this correct concept of jihad in Islam.

Islamic misrepresentation through Western literature shows that Orientalism is still relevant. For the misrepresentation of Islam, Said's theory is particularly illuminating. As in this situation West has regarded the Muslims as "other" people, people not like us, people who have bizarre norms and standards thereby the inferior ones. Islam is misunderstood and distorted when the prejudicial connotations of the past are not challenged. The research and study of religion, language and culture conducted in the West on Islam has not encouraged an improved understanding of Islam. There is a great ignorance about the reality which allows the fostering of this inaccurate and stereotyped depiction. Awareness of this "Orientalism" is an important first step. Said's assertion in Orientalism is that the West has an extended history of intentionally misunderstanding the Islamic faith and the Western vision of Islam and Muslims has little to no similarity to the reality. *In, Covering Islam, Said states:*

The associations created deliberately between the Islam and the fundamentalism guarantee that the common reader starts to see both as being essentially the same thing. Due to the tendency to reduce the Islam to some rules, stereotypes and generalizations regarding faith, its founders and all its people, the reinforcement of all the negative fact linked to Islam – its violence, primitiveness and atavism, threatening qualities – it's perpetuated. And all this without any serious effort to define the term "fundamentalism", or give a meaning to the precious "radicalism, to "extremism", or contextualize this phenomenon (for example, to say that of all Muslims are fundamentalists. [Said, 2007, p.xvi]

Another targeted issue by Western literature is the practice of polygamy by Muslims. Western literature portrays the

allowance of keeping four wives in Islam as oppression and objectification of woman and depicts the Muslim man as a sexual creature. But Umm Zakiyyah clarifies the misconception on that in her novels. Umm Zakiyyah's third novel in the trilogy entitled the *Footsteps* clarifies the concept of polygamy and elucidates its benefits over harm. She explains that polygamy is not mandatory; it is just allowed, which means that if an individual is not willing to do it, then he does not have to. Likewise, if a woman is unwilling to marry into a polygamous relationship, she does not have to. The permissibility is granted for those who choose it. She also explains the benefits of polygamy such as a chance to have more children, safeguarding rights of women by entering into holy matrimony as they aren't fated to be mistresses or equals without the man having any kind of responsibility towards those women as in polygamy, he has to provide them and treat them justly [Zakiyyah, 1999, pp.99-105].

Almost all of the Western nations have targeted the Islamic ritual of veil or hijab as oppressing for women and dangerous for others. Western literature and media have criticized this Islamic ritual practiced by Muslim women so much that various countries have banned the covering of faces. The novel entitled, *The Wind in My Hair: My Fight for Freedom in Modern Iran* is a memoir of an Iranian journalist, Masih Alinejad, who is in exile. This book sparked a digital reform against compulsory hijab [Alinejad, 2018]. Umm Zakiyyah in her first novel explains the details of hijab along with the reasoning to wear it through the following dialogues:

'So you don't think that's extreme?' 'To cover your face?' Yeah.' 'No,' Aminah replied emphatically, shaking her head. 'I think it's the best thing for a woman... she clarified, 'for my own comfort and protection.' Tamika wrinkled her nose. 'You don't mind walking around in all of those clothes?' 'No.' 'Even in the summer?'

She found that hard to believe. Aminah shook her head. 'But won't you get hot?' 'Do you get hot in the summer?' she inquired. 'Yeah!' Tamika told her. 'Well, I'm sure it's not too much different,' Aminah commented. 'And you're wearing shorts, and you're still hot.' She laughed. 'If it's hot, it's hot.' "All those clothes make you hotter though,' Tamika argued. 'Actually,' Aminah corrected, 'all those clothes make me cooler.' Tamika stared at her as if she were crazy. 'You're hotter uncovered in the sun,' Aminah told her, smiling. 'You don't find people in the desert protecting themselves from the heat by taking clothes off,' she reminded. 'You find them putting clothes on. Besides,' she continued, 'even in America, you see people with umbrellas to protect them from the sun, and people put on sunscreen, don't they?' 'Yeah, that's true.' 'Well,' she said with satisfaction, 'my clothes are my sunscreen' [Zakiyyah, 2000, pp.112-113].

While the Western literature has persistently depicted hijab as a symbol of oppression against Muslim women, this clearly shows that women who wear hijab are not oppressed; instead, they feel liberated, safe and protected. Further, it is a case of stereotyping again as the Christianity and Judaism faiths also teach the practice of veil.

Apart from the practice of veil, Western literature has portrayed Muslim women as oppressed in Islam in general. It has been said again and again that Muslim men oppress Muslim women. For example, V. S. Naipaul in his novel, *Beyond Belief*, offers a picture in which mosques, the adhan, Islamic literature, dress and households integrate to build an oppressive atmosphere which is difficult to breathe in [Hassan, 2013, pp. 48-58]. But Umm Zakiyyah again clarifies that it is also a case of prejudice and stereotyping through following dialogues:

'Don't the Muslim men oppress their women?' Tamika now asked it carefully, as if she wanted to know, having realized how the original statement must have sounded to Aminah. 'Before I answer that, let me ask you something...Do Christian men oppress women?' 'Some,' she replied impatiently. 'Do Jewish men oppress women?' She sighed. 'Some.' 'Do atheist men oppress women...' 'Do Muslim men oppress women?' She nodded. 'Yes, some do. Just like other men. But,' she said, emphasizing, 'if your question is, does Islam tell them to? Then the answer is no. And quite the contrary.' Tamika nodded, understanding, embarrassed because she had not thought of the obvious herself, suddenly feeling like a bigot, her ignorance too apparent to hide. [Zakiyyah, 2000, p.133]

Through this dialogue, Umm Zakiyyah portrays that Men may oppress women from different religions. But again Islam is targeted for propagating oppression of women as if Muslim men are oppressing their women because Islam commands them to. On the contrary, Islam propagates provision of love and respect to women. In Qura'an, 4:19, it is said that, "O you who believe! It is not permitted for you to inherit women against their will. And do not coerce them in order to take away some of what you had given them, unless they commit a proven adultery. And live with them in kindness. If you dislike them, it may be that you dislike something in which God has placed much good."

Conclusion

Western literature for the past few centuries has been portraying Islam in bad light using the issues of certain Islamic rituals and practices such as polygamy, jihad, hijab and oppression of women. In fact, the majority of these texts are based on prejudicial rather than empirical research on true Islam. There are innumerable novels that misrepresent Islam pre and post 9/11. But

there are several examples of novels which defend Islam. Among those is Umm Zakiyyah's trilogy *If I Should Speak*. The trilogy uncovers the true concepts of Islam by giving a clarification on the debated topics. Therefore, it can be said that by portraying the correct and authentic information of Islamic faith, the trilogy of Umm Zakiyyah uncovers true Islam.

References

- Alireza, A., & Abolfaz, K. (2015). Representation of Islam in Post 9/11 English Novels. *Research Journal of Language, Literature and Humanities*, 2(8), 1-13.
- Alinejad, M. (2018). *The Wind in My Hair: My Fight for Freedom in Modern Iran*. Little, Brown and Company.
- Ansari, N. A. (2012, December 3). *Propaganda against Islam: 60,000 books published after WW II*. Retrieved from The Milli Gazette: <http://www.milligazette.com/news/4610-propaganda-against-islam-60-000-books-published-after-ww-ii>
- Faruqi, S. (2017, December 29). *Top 10 Books About Muslims And Islam*. Retrieved from Huffpost: https://www.huffingtonpost.com/saadia-faruqi/top-10-books-about-muslim_b_13872346.html
- Hassan, A. M. (2013). Islam in V.S. Naipaul's *Beyond Belief*: Viewed from an Erroneous Perspective. *IOSR Journal Of Humanities And Social Science*, 17(2), 48-58.
- Moosavinia, Niazi, & Ghaforian. (2011). Edward Said's Orientalism and the Study of the Self and the Other in Orwell's *Burmese Days*. *STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE*, 2(1), 103-113.
- Patrikarakos, D. (2009, February 7). *The last days of Iran under the Shah*. Retrieved from <https://www.ft.com/content/509f5672-f261-11dd-9678-0000779fd2ac>
- Petkova, D., & Lehtonen, J. (2005). *CULTURAL IDENTITY IN AN INTERCULTURAL CONTEXT*. University of Jyväskylä.
- Ridouani, D. (2011). *The Representation of Arabs and Muslims in Western Media*.
- Said, E. (1978). *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. England: Clays Ltd.
- Said, E. (1997). *Covering Islam: How the media and the experts determine how we see the rest of the world*. USA: Vintage.

Schønemann, J. (2013). *The Stereotyping of Muslims: An Analysis of The New York Times' and The Washington Times' Coverage of Veiling and the Muhammad Cartoon Controversy*. University of Oslo.

Shadid, W., & Koningsveld, P. v. (2002). The Negative Image of Islam and Muslims in the West: Causes and Solutions. In *Religious Freedom and the Neutrality of the State: The Position of Islam in the European Union* (pp. 174-196).

Zakiyyah, U. (2000). *If I Should Speak*. College Park, M.D: Al-Walaa Publications.

Zakiyyah, U. (2007). *Footsteps*. Al-Walaa Publications.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Dr. Sana' Mahmoud Jarrar, Assistant Professor, Department of English Language, Faculty of Educational Sciences and Arts/UNRWA.